Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Липецкий государственный педагогический университет»

На правах рукописи

ШЕВЧЕНКО ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ

ПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ И БОРЬБА ЗА ТРЕЗВОСТЬ В ВЕЛИКОРУССКОЙ ДЕРЕВНЕ ЦЕНТРА РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор Земцов Л.И.

Липецк – 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В настоящее время можно без сомнения утверждать, что алкогольная проблематика нередко становится благодатной почвой для различного рода инсинуаций со стороны заинтересованных в том по разным причинам людей и целых групп[1]. На протяжении долгих лет на уровне массового сознания происходило и происходит тиражирование тезиса о том, что неотъемлемой чертой русского человека во все времена является пьянство. А пьяный русский крестьянин стал практически уже хрестоматийным образом. Это утверждение можно воспринимать негативно, как констатацию отнюдь не позитивного факта. К нему можно относиться с одобрением, как с признанием «исконно русской традиции» – «Руси есть веселие питии». Однако когда дело доходит до признания данного утверждения очередным продуктом мифотворчества, зачастую начинает конструироваться контрмиф[2], называющий русского человека исторически абсолютным трезвенником.

Необходимо помнить, что объективное изучение того, какие алкогольные напитки, как, в каких количествах и по каким причинам употребляло или употребляет общество или же отдельные социальные группы, а также как ведется противодействие различным формам злоупотребления спиртным, может помочь пролить свет на ряд различных вопросов о менталитете народа, социально-экономических особенностях рассматриваемой страны, отдельных аспектах государственной политики.

Сегодня, когда Россией накоплен пусть и противоречивый, но достаточно богатый опыт противодействия алкогольной угрозе в совершенно разных исторических контекстах, а страна по-прежнему находится в верхней части списка

---

[1] См.: Мединский В.Р. О русском пьянстве, лени, дорогах и дураках. М., 2011.

[2] Мифы о «русском пьянстве» и «русской нечистоплотности»: http://www.dal.by/news/59/07-03-12-26/

государств по потреблению алкогольных напитков Всемирной организации здравоохранения[3], настало благоприятное время для объединения усилий государства и общества в деле борьбы за трезвость.

Поэтому представляется, что на сегодняшний день, в свете вышеизложенного, необходимо подвергнуть внимательному рассмотрению антиалкогольное движение в России на рубеже XIX–XX вв. Нужно заметить, что крестьянство, несмотря на неуклонный процесс урбанизации, в указанный период времени оставалось самой многочисленной социальной группой Российской империи. По данным переписи населения 1897 года крестьяне составляли 77,1% населения страны[4]. Трезвость и благополучие социального большинства – вопрос национальной безопасности страны для любого времени. Вследствие этого становится очевидным потребность в изучении опыта антиалкогольной борьбы в великорусской деревне в конце XIX – начале XX века. Решение этой задачи затрудняется без выяснения общего вопроса о потреблении алкоголя в деревне, а также без анализа основных принципов алкогольной политики государства.

Исходя из этого, **объектом диссертационного исследования** является великорусское православное общинное крестьянство преимущественно Центральной России, куда включены Центрально-земледельческий и Центрально-промышленный районы страны.

В данном регионе в рассматриваемый период проживало около 25 % всего сельского населения России. Для этого района был характерен самый больший процент великорусов. Так, в населении Центрально-земледельческого района русские составляли около 87 %, а в Центрально-промышленном – 97 %[5].

---

[3] Глобальный доклад ВОЗ о положении в области алкоголя и здоровья (2014) – данные по состоянию на 2010 год: http://www.who.int/substance_abuse/publications/global_alcohol_report/msb_gsr_2014_3.pdf

[4] Россия. 1913 год. Документально-статистический справочник. СПб., 1995. С. 219..

[5] Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 44.

Крестьянство Центральной России в массе своей было православным (98 %) и общинным (92 %) (см. приложение 1, табл. 1-3).

В рассматриваемый период в деревне данного региона, в первую очередь в земледельческих губерниях, преобладали общинные ценности, к которым, главным образом, можно отнести «коллективизм, демократизм, взаимопомощь, социальную справедливость, равенство»[6].

Предмет исследования – потребление алкоголя и борьба за трезвость в великорусской деревне в конце XIX – начале XX века. В работе в качестве основной единицы измерения объема спиртных напитков использовалась традиционная единица – ведро, равное в метрической системе 12,3 литра.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1895 до 1914 года. Он является временем функционирования в Российской империи казенной продажи питей. Начало ему было положено 1 января 1895 года, когда государственная монополия на продажу крепких спиртных напитков была введена в порядке эксперимента в четырех губерниях империи, а завершается 31 июля 1914 года, когда в стране была приостановлена продажа алкогольных напитков на время мобилизации, связанной с началом Первой мировой войны. В конце августа 1914 года этот запрет был продлен до конца войны, что означало завершение функционирования в России винной монополии.

Территориальные рамки исследования, главным образом, определены границами Центрально-земледельческого (Воронежская, Орловская, Тамбовская, Рязанская, Курская, Тульская губернии) и Центрально-промышленного (Петербургская, Московская, Калужская, Ярославская, Костромская, Владимирская, Нижегородская, Тверская, Новгородская, Псковская губернии) районов страны в соответствии с принятым в отечественной исторической науке районированием[7]. Этот выбор объясняется тем, что до настоящего времени по-

[6] Данилова Л.В., Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). Материалы международной конференции. М., 1996. С. 39.

[7] Тюкавкин В.Г. Указ. соч. С. 36.

требление алкоголя и борьба за трезвость в великорусской деревне Центра России не становилось самостоятельным предметом исследования. Имеющиеся работы по данной теме либо касались отдельных губерний Центра России, не охватывая регион в целом, либо рассматривали указанные губернии в контексте потребления алкоголя и борьбы за трезвость на территории всей Европейской России.

При этом в ходе диссертационного исследования привлекались данные других регионов России, главным образом, для применения сравнительного анализа потребления алкоголя в земледельческих и промышленных районах страны.

Степень научной разработанности темы. Традиционно историографию рассматриваемой темы можно разделить на три больших блока: дореволюционная, советская и литература современного периода.

Дореволюционный этап (1895-1917 гг.). В рамках этого периода были заложены основные принципы изучения алкогольной и трезвеннической проблематики. В первую очередь необходимо выделить исследования, ставившие своей целью обращения к исторической подоплеке потребления и распространения спиртного в России, в первую очередь для того, чтобы лучше разобраться с этим вопросом применительно к современности[8]. В этой связи нельзя не сказать о родоначальнике изучения проблемы потребления алкоголя в стране И.Г. Прыжове, которым еще в 1860-х годах была написана книга, посвященная истории кабаков в России[9]. Прыжов на основе широкого круга источников проанализировал особенности питейного дела и государственной алкогольной политики, начиная с эпохи Киевской Руси и заканчивая серединой XIX века. По мнению исследователя, пьянство не было характерно для населения Москов-

---

[8] Булгаковский Д.Г. Вино на Руси по памятникам народного творчества, литературным и художественным. СПб., 1902; Ромашков И. Как смотрит сам народ на пьянство. М., 1908; Бородин Д.Н. Кабак и его прошлое. СПб., 1910; Остроумов С. Из истории пьянства на Руси. СПб., 1914; Невзоров В.Ф. Происхождение обрядового алкоголизма. Опыт в области этнографии и истории права. Пенза, 1916.
[9] Прыжов И.Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. СПб., 1868.

ского государства, где были распространены слабоалкогольные напитки преимущественно домашнего производства. Ситуация начала меняться в сторону повышения потребления лишь с середины XVI века, когда государство увидело в продаже спиртного источник доходов казны.

В целом в основе труда Прыжова лежит история борьбы народа со спаиванием со стороны государства и различных частных заинтересованных сил. Несмотря на определенную тенденциозность, работа Прыжова представляет собой очень ценный материал по истории потребления алкоголя в дореволюционной России, охватывая весьма обширный период. Многие положения более поздних исследователей были построены на основе кропотливого труда И.Г. Прыжова.

Ряд работ был посвящен государственной винной монополии на продажу спиртных напитков. Некоторые из них, претендовавшие на статус полноценных исследований по заявленной проблеме, были опубликованы еще даже до того, как казенная продажа питей была распространена по всей территории России или сразу же после того.

При этом несколько трудов были изданы Главным управлением неокладных сборов и казенной продажи питей Министерства финансов, что было обусловлено необходимостью донести до населения правительственный взгляд на винную реформу. Тем не менее, отметим, что многие из этих исследований были богато снабжены фактическим материалом и сопровождались качественным анализом рассматриваемых проблем. В этом ряду стоит назвать работы В.А. Лебедева, С.И. Соколова, Д.Н. Бородина, Н.О. Осипова, В. Норова и других[10].

С годами интерес к казенной винной монополии не ослабевал, при этом увеличивалось количество критических отзывов, касавшихся результатов пи-

---

[10] Соколов С.И. Казенная продажа питей. СПб., 1897; Лебедев В.А. Питейное дело. СПб., 1898; Бородин Д.Н. Винная монополия. СПб., 1899; Осипов Н.О. Винная монополия, ее основные начала, организация, и некоторые последствия. СПб., 1899; Проппер С.М. Казенная продажа питей и общественное мнение. СПб., 1900; Норов В. Казенная винная монополия при свете статистики. Ч. 1-2. СПб., 1904-1905.

тейной реформы. Так, с резкой критикой правительственного предприятия выступил Д.Н. Бородин, хозяйственные издержки от государственной монополии на продажу алкоголя подсчитывали самые различные российские экономисты и общественные деятели: выходец из крестьян профессор И.Х Озеров, один из постоянных авторов народнического журнала «Русское богатство» рубежа XIX–XX вв. А.В. Пешехонов, член Конституционно-демократической партии А.Н. Рутцен, Государственный контролер Российской империи в 1906–1907 гг. П.Х. Шванебах[11].

Фундаментальным исследованием проблемы потребления алкоголя на рубеже XIX–XX веков стал труд профессора Санкт-Петербургского политехнического института М.И. Фридмана[12]. В масштабном исследовании, вышедшем в двух томах в 1914 и 1916 годах, нашли отражение не только различные аспекты казенной винной монополии, детально проанализированные. Фридман подробно рассказал об иностранном опыте государственных монополий на продажу спиртных напитков, а также дал характеристику периоду существования российской акцизной системы распространения алкоголя, предшествовавшей введению казенной продажи питей.

Критически характеризуя российскую винную монополию с точки зрения борьбы с пьянством, Фридман на основе разноплановых материалов отмечал, что рост потребления спиртного в рассматриваемый период был, в первую очередь, обусловлен постепенным повышением благосостояния населения, ростом покупательной способности.

Говоря об алкогольной угрозе, такие специалисты как Н.И. Григорьев, Д.Н. Бородин, А.М. Коровин, С.В. Познышев и другие в качестве ее негативных последствий называли развитие социальных пороков, таких как преступ-

[11] Шванебах П.Х. Наше податное дело. СПб., 1903; Озеров И.Х. Казенная винная монополия // Очерки экономической и финансовой жизни России и Запада. М., 1904; Пешехонов А.В. Экономическая политика самодержавия. СПб, 1906; Рутцен А.Н. Винная монополия // Вопросы государственного хозяйства и бюджетного права. СПб., 1907; Бородин Д.Н. Итоги винной монополии и задачи будущего. СПб., 1908.
[12] Фридман М.И. Винная монополия. В 2 т. СПб. – Пг., 1914–1916.

ность, хулиганство, самоубийства, проституцию. При этом подавляющее большинство подобных исследований касалось городского населения Российской империи[13].

Кроме того, отметим работы Л.А. Золотарева, И.М. Радецкого, А.Г. Карчагина, А. Лосицкого и И. Чернышева, И.В. Сажина, основанные на анкетных данных и посвященные специфике потребления алкоголя различными социальными группами: студенчеством, фабрично-заводскими рабочими, подрастающим поколением и т.п.[14]

В начале XX века получили распространение региональные исследования о потреблении алкогольных напитков, основанные преимущественно на данных, полученных в результате анкетных опросов.

В.А. Черневский коснулся проблемы пьянства во Владимирской губернии и способов противодействия этому явлению. На основе опроса местного населения он делал выводы о причинных пьянства, поводах к нему, принимаемых и необходимых, по мнению опрашиваемых, мерах борьбы с чрезмерным потреблением спиртного[15].

Д.Н. Воронов достаточно подробно исследовал вопрос о потреблении спиртного в городе и деревне на материалах Пензенской губернии. Им были подробно рассмотрены различные аспекты данной проблемы в рамках сравнительного анализа. Воронов проанализировал динамику пития алкоголя в тече-

---

[13] Кроль Т.К. К вопросу о влиянии алкоголизма на заболеваемость, смертность и преступность. СПб., 1897; Григорьев Н.И. Алкоголизм и преступления в Санкт-Петербурге. СПб, 1900; Бородин Д.Н. Алкоголизм и проституция. СПб., 1910; Он же. Алкоголизм и самоубийства. СПб., 1910; Диомидов И.М. Алкоголизм как фактор преступности несовершеннолетних. М., 1912; Коровин А.М. Преступность и алкоголизация населения в Московской губернии. СПб., 1913; Позднышев С.В. Алкоголизм как фактор преступности. М., 1915; Коровин А.М. Самоубийства и потребление водки в Европейской России с 1903 по 1912 гг. М., 1916.

[14] Золотарев Л.А. Студенческое пьянство, его значение и причины. М., 1898; Радецкий И.М. Пьянство детей. Одесса, 1906; Карчагин А.Г. Искреннее желание полного отрезвления монастырей. Меры для этого. СПб., 1909; Лосицкий А., Чернышев И. Алкоголизм петербургских рабочих. СПб., 1913; Сажин И.В. Алкоголизм в армии и меры борьбы с ним. СПб., 1913.

[15] Черневский В.А. К вопросу о пьянстве во Владимирской губернии и способах борьбы с ним. Владимир, 1911.

ние года, питейные традиции и обычаи, дал характеристику незаконной торговле спиртным в селах Пензенского уезда[16].

На основе анкетных данных сделал попытку проанализировать потребление спиртного в земледельческой деревне Уфимской губернии врач И.И. Рождественский[17]. Он обобщил различные сообщения о причинах, поводах, количествах выпиваемого великорусским православным населением и представителями мусульманской общины Уфимской губернии. Кроме того, отметим краткие исследования А.В. Архангельского и Н.Н. Вороного, об употреблении алкогольных напитков в Черниговской и Ставропольской губерниях[18]. Примечательно, что все авторы региональных исследований сходились на том, что потребление спиртного в сельской местности, как правило, было меньшим, чем в городах. В качестве же одной из наиболее эффективной антиалкогольной меры называлось распространение просвещения.

Значительный корпус дореволюционной литературы был посвящен проблемам трезвеннической борьбы в России. В.Ф. Брандт, А.М. Коровин, И.М. Иорданский, И.И. Янжул, В.Я. Канель, И.П. Мордвинов и другие подвергали внимательному разбору деятельность отечественных обществ трезвости, роль школ и распространение образования в деле противодействия пьянству, антиалкогольные усилия конкретных социальных групп, применение иностранного опыта на российской почве и многое другое[19]. Анализу, причем, иногда до-

---

[16] Воронов Д.Н. Алкоголизм в городе и деревне в связи с бытом населения. Обследование в Пензенской губернии в 1912 году. Пенза, 1913.

[17] Рождественский И.И. К вопросу о пьянстве в земледельческой деревне. М., 1914.

[18] Архангельский А.В. Пьянство в Ставропольской губернии. Статистический очерк. Ставрополь, 1910; Вороный Н.Н. Как мы пьем? (К вопросу о потребляемости алкоголя в Черниговской губернии). Чернигов, 1910.

[19] Брандт В.Ф. Борьба с пьянством за границей и в России. Киев, 1897; Коровин А.М. На что нам общества трезвости. М., 1897; он же. Движение трезвости в России. СПб., 1900; Иорданский И.М. Общества трезвости, их цель и деятельность. Владимир, 1900; Бородин Д.Н. Значение школы в борьбе с пьянством. СПб., 1903; Он же. Значение чайных в борьбе с алкоголизмом. СПб., 1903; Он же. Всероссийский съезд деятелей по борьбе с пьянством. СПб., 1909; Он же. Профессор А. Форель по вопросу о борьбе с пьянством. СПб, 1910; Янжул И.И. Пьянство как социальный недуг и борьба против него. СПб., 1908; Канель В.Я. Алкоголизм и школа. М., 1909; Он же. Алкоголизм и борьба с ним. М., 1914; Мордвинов И.П. Общество

вольно критическому, были подвергнуты правительственные попечительства о народной трезвости[20].

Пореформенное время для России – период необратимого развития рыночных отношений в экономике. Установить взаимосвязь между новыми социально-экономическими условиями развития страны и потреблением алкоголя пытались В.К. Дмитриев и С.А. Первушин. Первый в замечательном исследовании, опубликованном в 1911 году, динамику потребления спиртного в России ставил в зависимость от циклов промышленного развития страны.

Второй, соглашаясь с Дмитриевым, находил причину регулярного потребления алкоголя фабрично-заводскими рабочими в отчуждении труда в процессе капиталистического промышленного производства и влиянии этого явления на психологическое состояние пролетариев[21].

В этой связи Дмитриев использовал понятие «раскрестьянивание», под которым понимал процесс оттока сельского населения на заработки в города, выход крестьянина из-под влияния общины. «Раскрестьянивание, по мнению исследователя, неизменно сопровождалось повышением потребления спиртного в стране.

В.К. Дмитриев подчеркивал, что на потребление алкоголя не оказывали заметного влияния урожаи и недороды, а также изменения цен на спиртные напитки. Спорадическому потреблению крестьян в деревне Дмитриев противопоставлял регулярное потребление рабочих в городе. Кроме того, исследователь указывал, что Россия в международной статистике по потреблению алкоголя занимала 11-е место.

трезвости, жизнь и работа в нем. СПб., 1910; Сажин И.А. Психологические основы алкоголизма и роль духовенства в борьбе с ним. СПб., 1914.

[20] Варб Е. Общественно-педагогическое значение деятельности попечительств о народной трезвости. М., 1899; Булгаковский Д.Г. Очерк деятельности попечительств о народной трезвости за время их существования (1895-1908). СПб., 1908; Кони А.Ф. Попечение о народной трезвости // Вестник Европы. 1908. № 3.

[21] Дмитриев В.К. Критические исследования о потреблении алкоголя в России. М., 1911; Первушин С.А. Опыт теории массового алкоголизма в связи с теорией потребностей. СПб., 1912.

Огромная работа была проделана участниками Комиссии по вопросу об алкоголизме, мерах борьбы с ним и выработке нормального устава заведений для алкоголиков при Русском обществе охранения народного здравия, начавшей деятельность в 1898 году. Издаваемые ежегодно «Труды Комиссии» стали значительным вкладом в дело изучения влияния на организм потребления в различных формах спиртного, социальных последствий пьянства и способов противодействия ему[22].

Рубеж XIX–XX вв. можно охарактеризовать как время прорыва медицинской отрасли знаний отечественной науки в отношении влияния потребления алкоголя на организм человека, следствием чего стало появление разнообразной тематической литературы, справедливо направленной на ликвидацию безграмотности в указанной области. Назовем труды Л.О. Даргикевича, А.Л. Николаева, В.М. Бехтерева, В.А. Добронравова, А.Л. Мендельсона и других[23]. При этом наиболее известные и прославленные деятели медицины, например, И.А. Сикорский и В.М. Бехтерев, иногда выходили за рамки области своих научных исследований и подвергали анализу государственную алкогольную политику и социальные последствия неумеренного потребления спиртных напитков[24].

Большое количество сочинений было посвящено общим вопросам потребления алкоголя: его причинам, последствиям, сравнительному анализу по-

---

[22] Дембо Л.И. Очерк деятельности Комиссии по вопросу об алкоголизме за 15 лет (1898–1913). СПб., 1913.

[23] Даргикевич Л.О. Роль земского врача в борьбе с народным алкоголизмом. СПб., 1900; Николаев А.Л. Об алкоголизме и амбулаторном лечении алкоголиков. Харьков, 1902; Певницкий А.А. К вопросу об амбулаторном лечении алкоголиков. СПб., 1904;Григорьев Н.И. Пьяницы и убежища для них. СПб., 1906; Воротынский И.Б. Современная терапия алкоголизма. Одесса, 1908; Бехтерев В.М. Вопросы алкоголизма и меры борьбы с его развитием. СПб., 1912; Сажин И.В.. Алкоголь и нервная система. СПб., 1910; Он же. Чахотка и алкоголизм. СПб., 1912; Он же. За нас ли, трезвенников, наука? СПб., 1912; Вяземский Т.И. Вырождение и алкоголизм. М., 1913; Добронравов В.А. О пьянстве и борьбе с ним с научно-медицинской точки зрения. Киев, 1913; Мендельсон А.Л. Врачебная помощь при алкоголизме и запое. СПб., 1913; Кононович Ю.Н. Алкоголизм и вырождение. М., 1914.

[24] Сикорский И.А. Алкоголизм и питейное дело. Киев, 1897; Он же. Надвигающийся великий кризис от вина. Киев, 1912; Бехтерев В.М. Алкогольная политика или алкогольное оздоровление. СПб., 1912;.

требления в городе и деревне, в России и за рубежом и т.д. В этом ключе работали Н.Ф. Гамалея, А.А. Островский, А.В. Шилов, К.К. Толстой и другие[25].

Введение в России в 1914 году в связи с началом Первой мировой войны ограничений на распространение спиртных напитков в рамках так называемого «сухого закона», разумеется, повлияло на соответствующее формирование исследовательского интереса, ориентировавшегося в 1914–1917 гг. на изучение последствий такого правительственного шага. В этот временной промежуток увидел свет ряд работ, рассматривавших то, какой эффект вызвал «сухой закон» по отношению к государственному хозяйству, а также потреблению алкоголя как в городе, так и в деревне.

Д.Н. Бородин, Д.Н. Воронов, И.Н. Введенский, Н.Ф. Денисюк, А.Л. Мендельсон, Ф.Е. Термитин, А.И. Фаресов и другие, с одной стороны, подчеркивали благое воздействие ограничения продажи спиртного для народного хозяйства и нравственного облика населения, с другой стороны, заостряли внимание на негативных последствиях «сухого закона» (в том числе в деревне) – многочисленных случаях его нарушения, употребления вредных для организма спиртосодержащих напитков, финансовых потерях казенного бюджета в непростое военное время[26].

В целом дореволюционный период развития литературы по заявленной теме характеризуется как время беспрецедентного внимания исследователей самых разных направлений к проблемам потребления алкоголя и борьбы за трезвость в России. За чуть более чем двадцатилетний период вышло в свет

---

[25] Мацокин П.Г. Причина алкоголизма в России и способы устранения его. Вильна, 1899; Шоломович А.С. Умеренное потребление спиртных напитков, его значение для человека и общества. Казань, 1909; Гамалея Н.Ф. Алкоголизм. СПб., 1910; Толстой К.К. К вопросу об алкоголизме. СПб., 1912; Шилов А.В. Размеры потребления спиртных напитков в некоторых государствах за последнее двадцатилетие. М., 1913; Островский А.А. Пьяный бюджет. Петроград, 1914.

[26] Бородин Д.Н. В защиту трезвости. Пг., 1915; Введенский И.Н. Опыт принудительной трезвости. М., 1915; Термитин Ф.Е. Голос народа. Результаты анкеты об отношении населения к прекращению спиртных напитков. Пенза, 1915; Воронов Д.Н. Жизнь деревни в дни трезвости. Пг., 1916; Мендельсон А.Л. Итоги принудительной трезвости. Пг., 1916; Денисюк Н.Ф. Итоги нашей трезвости. Пг., 1916; Фаресов А.И. Народ без водки. Пг., 1916.

значительное количество работ, посвященных различным аспектам трезвеннической борьбы, взаимосвязи алкоголизма с прочими формами девиантного поведения, потреблению спиртного отдельными социальными группами, казенной продаже питей, «сухому закону», историческому анализу алкогольной тематики, медицинской стороне этой проблемы, региональным особенностям пития спиртного и борьбы за трезвость и пр.

Отличительной особенностью трудов рассматриваемого этапа является тот факт, что их большинство было написано не кабинетными исследователями, а практическими борцами за трезвый образ жизни, о деятельности которых будет сказано ниже. Эти авторы во многом оперировали «живыми» материалами, но в то же время они не имели достаточной исторической перспективы для объективного анализа.

Советский этап (1917-1991 гг.). Лейтмотивом советской литературы по проблемам потребления алкоголя и борьбы за трезвость, относительно немногочисленной в сравнении с тем, что предлагалось в дореволюционный период, стало утверждение о чрезмерном употреблении спиртных напитков как о порочном пережитке буржуазного общества.

Обращение внимания советских исследователей к алкогольной проблематике в 1920-х годах было связано, в первую очередь, с отказом государства от принципов «сухого закона», введенного еще в годы монархии, переходом к массовому государственному производству и продаже спиртных напитков, колоссальными размерами самогоноварения, преимущественно в деревне. Для работ этого периода характерно сравнение данных по потреблению алкоголя в 1920-х годах с цифрами за 1913 год, активное привлечение сведений рубежа XIX–XX вв. Исследователями, такими как, Д.Н. Воронов, Э.И. Дейчман, И.И. Ковалев, Ю. Ларин, отмечался рост потребления по сравнению с дореволюционным периодом, в особенности в сельской местности, а также делался вывод о

меркантильных целях государственной винной монополии в Российской империи[27].

Кроме того, советские специалисты делали упор на научное обоснование вреда алкоголизма, зачастую объясняя рост потребления спиртного в деревне 1920-х годов крепкими корнями различных пережитков. В этом ключе работали Р. Влассак, Н.П. Тяпугин, З.А. Гуревич, А.З. Зелевский и др.[28]

В продолжение начатой дореволюционными исследователями традиции в первое десятилетие советской власти также велись разработки, направленные на выяснение взаимосвязи алкоголизма с прочими формами девиантного поведения, а также специфики потребления спиртного различными социальными группами, правда, с учетом новых политических и социально-экономических обстоятельств. Так, А.А. Герцензон уделил внимание вопросам алкоголизма и преступности в Советской России, а Я.И. Лившиц и М.А. Глезев изучали особенности потребления алкоголя сельской молодежью[29]. Впоследствии исследовательский интерес к алкогольной тематике стал угасать, лишь изредка напоминая о себе общими обзорными или, напротив, узкоспециальными работами[30].

Новый виток обращения специалистов к вопросам трезвеннической борьбы и алкогольной политики начался одновременно со стартом антиалкогольной кампании в СССР середины – второй половины 1980-х годов[31]. При этом осо-

---

[27] Воронов Д.Н. О самогоне. М.-Л., 1928; Ковалев И.И. Алкоголизм и борьба с ним. М., 1928; Алкоголизм в современной деревне. Издание ЦСУ РСФСР. М., 1929; Дейчман Э.И. Алкоголизм и борьба с ним. М., 1929; Ларин Ю. Алкоголизм и социализм. М., 1929.

[28] Тяпугин Н.П. Народные заблуждения и научная правда об алкоголе. М., 1926; Бехтерев В.М. Алкоголизм и борьба с ним. Л., 1927; Влассак Р. Алкоголизм как научная и бытовая проблема. М., 1928; Гуревич З.А., Зелевский А.З. Алкоголизм: социально-гигиеническое исследование. Харьков, 1930.

[29] Герцензон А.А. Преступность и алкоголизм в РСФСР. М., 1922; Лившиц Я.И., Глезев М.А. Некоторые предварительные данные об алкоголизме среди крестьянской молодежи. Харьков, 1929.

[30] Зеневич Г.В. Алкоголизм – вреднейший пережиток капитализма. Л., 1955; Рожнов В.Е. Алкоголизм и борьба с ним. М., 1955; Шумилин Б.Т. Пьянство и правонарушения. М., 1979; и др.

[31] Копыт Н.Я. Профилактика алкоголизма. М., 1986; Шевердин С. Было ли уничтожено «второе рабство»? // Трезвость и культура. 1987. № 9-10; Трембл В. Борьба с пьянством и алкоголизмом в СССР. // Экономика и организация промышленного производства. 1989. № 4; Ов-

бое внимание было уделено историческим исследованиям, обращение к предыдущим примерам борьбы за трезвость.

В 1987 году в Библиотеке Академии наук СССР был проведен научный семинар с участием обществ борьбы за трезвость БАН СССР, исторического факультета Ленинградского университета и Ленинградского отделения института истории СССР АН СССР. Участники семинара обратили внимание на проблемы пьянства и трезвости на протяжении значительного периода истории России, начиная с XVII века и заканчивая 1920-ми годами, критически рассматривая тезис о массовом регулярном пьянстве в нашей стране как о вековой традиции[32].

Под пристальное внимание советских историков перестроечного периода попали и более конкретные периоды трезвеннической борьбы в условиях различных систем взимания питейного налога. Так, И.К. Смолкин посвятил свое исследование винным откупам в России, а Т.С. Протько – борьбе за трезвость в годы казенной продажи питей[33]. Протько в своей работе пришел к выводу о несостоятельности государственной борьбы с пьянством на рубеже XIX–XX вв., охарактеризовал винную монополию властей как реакционную идею консервативных кругов.

В целом же вопросы потребления спиртного оставались на периферии внимания советских исследователей, чья работа в данном направлении существенно ограничивалась идеологическими установками.

Современный этап (1991 год – наши дни). Общественно-политические изменения в стране на рубеже 1980–1990-х годов позволили исследователям

чинникова В.А. Рубашова Е.И. Пьянство и алкоголизм: социологический аспект изучения. // Социология в медицине. Тезисы докладов на международной научной конференции. Вып 2. М., 1990; Слезко П.Я. Пятилетний урок. // Трезвость и культура. 1990. № 5.

[32] Народная борьба за трезвость в русской истории. Материалы семинара, проведенного обществами борьбы за трезвость БАН СССР, ЛГУ, ЛОИИ АН СССР 18 декабря 1987 г. Л., 1989.

[33] Протько Т.С. В борьбе за трезвость: страницы истории. Минск, 1988; Смолкин И.К. Винный откуп в дореволюционной России. М., 1989.

по-новому обратиться к алкогольной проблематике, не оперируя при этом терминами классовой борьбы, эксплуатации и т.п.[34]

В современной историографии не ослабевает интерес к проблемам трезвенного движения в России в конце XIX – начале XX века. П.Н. Зырянов в 1992 году один из первых обратился к данному вопросу еще, можно сказать, на стыке советского и современного периодов развития исторической науки. Делая своим основным предметом изучения крестьянскую общину Европейской России в 1904–1914 гг., Зырянов посвятил отдельный параграф своей работы трезвенному движению в деревне, которое, что показательно, рассматривал неразрывно с движением просветительским[35].

А.Л. Афанасьев посвятил трезвенному движению в России 1907–1914 гг. монографию, в которой помимо прочего дал общий обзор антиалкогольной борьбы на протяжении всей российской истории. Автор проанализировал деятельность обществ трезвости, проблемы взаимодействия общества и власти на ниве борьбы за трезвый образ жизни, дал характеристику антиалкогольным мерам различных государственных учреждений, причем с оттенком некоторой идеализации. Значительная часть исследования Афанасьева посвящена проблемам трезвеннической борьбы в Сибири, ситуация с потреблением алкоголя в великорусской деревне Европейской России отдельно не рассматривалась[36].

Разрушение идеологических рамок дало возможность специалистам по-новому обратиться к отдельным аспектам трезвенного движения в России, в частности к роли в этом процессе Православной Церкви, что позволило сформировать более объективное представление об антиалкогольных усилиях духовен-

---

[34] Напр.: Похлебкин В.В. История водки. М., 1991; Заиграев Г.Г. Общество и алкоголь. М., 1992; Он же. Государственная политики как фактор алкоголизации населения // Социс. 1997. № 4; Лебина Н.Б. «Папа, отдай деньги маме…» // Родина. 1996. № 12; Никитин В. «Эй, ямщик, гони-ка к яру!» // Родина. 1997. № 5; Павлюченков С.А. Ильич в запое // Родина. 1997. № 11.

[35] Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России в 1907-1914 гг. М., 1992. С. 237-243.

[36] Афанасьев А.Л. Трезвенное движение в России в период мирного развития. 1907–1914 годы: опыт оздоровления общества. Томск, 2007.

ства[37]. Ряд исследований был посвящен региональным аспектам проблемы. Так, М.Д. Карпачев обратился к проблеме антиалкогольной борьбы на примере Воронежской губернии, Ф.П. Тройно – Белгородского региона[38]. Карпачев в своей статье значительное внимание уделил проблематике «сухого закона», делая вывод о его «внушительных» результатах.

Региональная специфика интересует и авторов диссертационных исследований. А.А. Назукина рассматривала различные стороны борьбы за трезвость в Московской губернии на рубеже XIX–XX веков. С ее выводом о неэффективности государственного противодействия пьянству по причине исключительной роли питейных доходов в бюджете страны в целом согласен и И.Н. Афанасьев, исследовавший антиалкогольную борьбу в пореформенной России на примере Новгородской губернии. Кроме того, Афанасьев, отмечая разницу в потреблении алкоголя в городах и селах, подчеркивал, что меньшие размеры потребления в деревне были связаны в рамках указанного периода с тяжелым материальным положением сельских обывателей и постоянной эксплуатацией со стороны властей[39].

А.В. Николаев уделил внимание не только борьбе за трезвость в России на рубеже XIX–XX вв., но и первым шагам советской власти в этом направлении. При этом отмечалось, что общим моментом алкогольной политики как до

[37] Смолин И.К. О том, как церковь с пьянством воевала // Воронежские епархиальные ведомости. 1992. № 12. С. 13-16; Кропоткина А. Общества трезвости рубежа XIX–XX веков: возникновение, устройство, уставы: http://www.pravoslavie.ru/jurnal/59515.htm; Иеромонах Рафаил (Ивочкин). Участие Смоленской епархии в борьбе за трезвость. (Из опыта социального служения Русской Православной Церкви во второй половине XIX – начале XX вв.): http://smoleparh.ru/Istoria/View/598; Шабельникова Е.Н. Участие тамбовского духовенства в борьбе за трезвость в конце XIX – начале XX в.: http://www.tambovdoc.ru/issledovaniya/uchastie-tambovskogo-duhovenstva-v-borbe-za-trezvost-v-kontse-xix-nachale-xx-v.php

[38] Тройно Ф.П. Трезвенное движение в селениях Белгородчины // Материалы для изучения селений России: Докл. и сообщ. шестой рос. науч.-практ. конф. «Российская деревня: история и современность». Ч. 1. М., 1997; Карпачев М.Д. Движение за народную трезвость в Воронежской губернии в начале XX века // Вопросы истории. 2010. № 9.

[39] Назукина А.А. Винная торговля и деятельность обществ трезвости в Московской губернии в конце XIX – начале XX вв.: дис… канд. ист. наук: 07.00.02. Москва, 2011; Афанасьев И.Н. Борьба государства и общества за народную трезвость в России 1861–1914 гг. (На примере Новгородской губернии): дис… канд. ист. наук: 07.00.02. Великий Новгород, 2011.

1917 года, так и после, было стремление администрации повысить наполняемость казенного бюджета за счет продажи спиртных напитков населению[40].

Не осталась без внимания специалистов и государственная монополия на продажу алкоголя 1895–1914 гг. Один из немногих глубоких объемных анализов питейной системы, действовавшей в России на рубеже XIX–XX вв., принадлежит Л.И. Зайцевой. Исследовательница достаточно взвешенно подошла к характеристике основных принципов казенной продажи питей, выявлению ее основных положительных и отрицательных черт. Кроме того, Зайцева уделила значительное внимание оценке потребления спиртного в России в общем и в деревне в частности, рассмотрела различные стороны антиалкогольной борьбы. Однако, на наш взгляд, в работе было недооценено различие между тем, как и сколько употребляли спиртного в городе и в селе[41]. И.Б. Орлов в статье также подверг анализу государственную винную монополию, отмечая слабую корреляцию между ней и повышением народной трезвости[42]. В этой же связи можно упомянуть статьи В.М. Зверева и Б.И. Гудкова[43], а также диссертационные исследования регионального характера Г.В. Карандашева и Е.В. Пашкова[44].

Л.И. Земцов, также рассматривая период рубежа XIX–XX вв., уделял больше внимания трезвенническому потенциалу великорусского крестьянства, заостряя внимание на том, что регулярное чрезмерное потребление алкоголя в

---

[40] Николаев А.В. Борьба с пьянством и алкоголизмом в 1894–1932 гг.: опыт отечественной истории: автореф. дис… канд. ист. наук: 07.00.02. Самара, 2002; он же. Антиалкогольные кампании XX века в России // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 67-78.

[41] Зайцева Л.И. С.Ю. Витте и Россия. Часть 1. Казенная винная монополия. 1894–1914. М., 2000.

[42] Орлов И.Б. «Пьяный бюджет» или стратегия национального пьянства // Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». М., 2000.

[43] Зверев В.М. Пить – казну веселить // Российская провинция. 1994. № 6. С. 154-162; Гудков Б.И. О причинах введения винной монополии в России в конце XIX века // Дискуссионные проблемы Российской истории. Арзамас, 1998.

[44] Карандашев Г.В. Питейное дело в губерниях Центрально-промышленного района России в конце XIX – начале XX вв.: дис… канд. ист. наук: 07.00.02. Ярославль, 2006; Пашков Е.В. Исторический опыт осуществления казенной винной монополии в России конца XIX начала XX веков: на примере Курской губернии: дис… канд. ист. наук: 07.00.02. Курск, 2009.

деревне было уделом отдельных личностей[45]. Б.Н. Миронов коснулся темы потребления алкоголя в деревне в рамках обширного исследования, посвященного благосостоянию населения императорской России. Миронов делает вывод о том, что водка в дореволюционной деревне играла роль своего рода «вентилятора», то есть «поглощала избыточные с точки зрения крестьян доходы», что, по мнению исследователя, соответствовало принципам «трудового потребительского крестьянского хозяйства». Представляется, что в таком подходе имеет место переоценка экономической мотивации крестьян и недооценка традиционных установок и обрядов, главным образом, регулировавших потребление алкоголя в деревне[46].

Еще одна тема, популярная у современных исследователей, – антиалкогольная борьба в годы Первой мировой войны. Е.В. Пашков предметом рассмотрения, главным образом, выбрал «сухой закон», вступивший в силу в России в 1914 году, при этом внимание было уделено его предпосылкам – полемике в Государственной думе Российской империи третьего созыва, инициативам местных властей, трезвеннической работе представителей образованных слоев населения[47]. Критически характеризовал введение «сухого закона» в условиях Первой мировой войны В.Л. Телицын, подчеркивавший потери бюджета от прекращения питейной торговли и развивавшееся в особенности по деревням самогоноварение[48].

Комплексный анализ «сухого закона» предпринял В.Б. Аксенов, который в своей статье затронул обстоятельства политической интриги, во многом результатом которой стали ограничения на продажу спиртного в России, введенные в августе 1914 года, проанализировал некоторые результаты принятой ме-

---

[45] Земцов Л.И. Потребление алкоголя в русской деревне на рубеже XIX–XX веков // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. 2011. Вып. 3.
[46] Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2012.
[47] Пашков Е.В. Антиалкогольная кампания в России в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2010. № 10. С. 80-93.
[48] Телицын В.Л. Первая мировая война и первач // Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». М., 2000.

ры[49]. В продолжение темы о фатальном характере запрета на торговлю спиртным для монархии писали В.Б. Аксенов, С.А. Павлюченков и Э.В. Багдасарян[50].

Последний рассматривал винную монополию в русле российского политического процесса начала XX века, злоупотребляя при этом применением конспирологического подхода, к примеру, применительно к введению «сухого закона» в России в 1914 году и нераспространению казенной продажи питей на дальневосточный регион страны в преддверии русско-японской войны 1904–1905 годов. Иногда отдельные гипотезы Багдасаряна не сопровождаются достаточными для их подтверждения доказательствами[51].

Продолжается сегодня и начатая еще дореволюционными исследователями традиция изучения чрезмерного потребления алкоголя в рамках общей теории девиантного поведения. Так, Н.А. Зоткина рассматривала пьянство в России на рубеже XIX–XX вв. в тесной взаимосвязи с преступностью и проституцией, и приходила к выводу, что рост различного рода девиаций в стране был следствием либеральных реформ 1860–1870-х гг., начавших трансформацию населения Российской империи, нередко имевшую болезненный характер для целого ряда социальных групп[52].

Тамбовский исследователь В.Б. Безгин рассматривает проблему пьянства в рамках пороков повседневной сельской жизни, также отмечая обострение данной проблемы на рубеже XIX–XX вв. в связи с развитием модернизационных процессов[53]. Аналогичная тематика была затронута и А.Г. Быковой[54].

---

[49] Аксенов В.Б. «Сухой закон» 1914 г.: от придворной интриги до революции // Вопросы истории. 2011. № 4.

[50] Аксенов В.Б. Свержение царя и воцарение «ханжи» // Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». М., 2000; Павлюченков С.А. Веселие Руси: революция и самогон // Там же.

[51] Багдасарян В.Э. Культура пития или питейная культура? // Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». М., 2000.

[52] Зоткина Н.А. Феномен девиантного поведения в повседневной жизни российского общества на рубеже XIX–XX вв.: преступность, пьянство, проституция (на материалах Пензенской губернии): дис… канд. ист. наук: 07.00.02. Пенза, 2002.

[53] Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М.-Тамбов, 2004.

Кроме того, нельзя не сказать о ряде работ общего обзорного характера, под разными ракурсами рассматривавших вопросы производства, продажи и потребления алкоголя, а также борьбы за трезвость на протяжении всей Российской истории. К таковым относится объемный коллективный труд И.В. Курукина и Е.А. Никулиной, а также работы В.Д. Николаева, В.Д. Калинина, С.А. Романова, И.А. Соколова и И.А. Назукиной[55].

Коротко можно упомянуть разработки зарубежных специалистов, интересующихся проблемами потребления алкоголя и борьбы за трезвость в пореформенной России. В этом плане любопытны работы англоязычных исследователей А. Мак-Ки и А. Кимбалла.

Внимание первого было обращено к вопросу о «сухом законе» в России в годы Первой мировой войны. Мак-Ки делал вывод о том, что ограничение продажи спиртных напитков в те годы послужило одним из катализаторов революционных событий 1917 года. Предметом исследования Кимбалла стал деревенский кабак России второй половины XIX века, который он рассматривал в качестве зачаточных элементов гражданского общества[56].

В целом современная историография по исследуемой проблеме отличается богатой вариативностью тем и подходов, в чем продолжаются традиции дореволюционных специалистов. Отсутствие табуирования некоторых тем, имевшее место быть в советские годы, благотворным образом сказывается на ликвидации белых пятен в «алкогольной» истории России.

---

[54] Быкова А.Г. Алкоголизм и пьянство в России в XIX – начале XX века: из истории проблемы. Омск, 2006.

[55] Калинин В.Д. Из истории питейного дела в России (XV – начало XX вв.). М., 1993; Романов С.А. История русской водки. М., 1998; Николаев В.Д. Водка в судьбе России. М., 2004; Курукин И.В., Никулина Е.А. Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина. М., 2007; Соколов И.А., Назукина А.А. Чай и водка в русском быту второй половины XIX – начала XX века. М., 2008.

[56] Кимбалл А. Деревенский кабак как зародыш гражданского общества во второй половине XIX в. // Общественные науки и современность. 2004. № 6. С. 137-146; Мак-Ки А. «Сухой закон» в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения «сухого закона» в России. 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война (Материалы международного коллоквиума). СПб., 1999.

Целью исследования является выяснение того, сколько и в каких формах потребляло алкогольные напитки великорусское крестьянство в сравнении с прочими социальными группами Российской империи в конце XIX – начале XX века, а также характеристика антиалкогольной борьбы различных социальных институтов страны.

Для достижения поставленной цели были определены следующие **задачи**:

1) выяснить особенности потребления спиртных напитков в великорусской деревне на рубеже XIX–XX вв., а именно размеры и формы потребления, проанализировать факторы, влиявшие на изменение динамики этого процесса в указанный период;

2) проанализировать особенности государственной алкогольной политики по отношению к деревне в период функционирования государственной монополии на продажу алкоголя (1895–1914 гг.);

3) дать характеристику трезвеннической борьбы различных социальных институтов Российского государства в отношении крестьянства в конце XIX – начале XX века, а именно: правительства, Государственной думы, Русской Православной Церкви, российского образованного сообщества, самого великорусского крестьянства.

Источниковая база исследования. Для решения поставленных задач был привлечен обширный комплекс различных как опубликованных, так и неопубликованных источников, которые можно разделить на несколько групп: законодательные акты, документы официального делопроизводства, статистические сборники и материалы, сведения периодической печати, документы личного происхождения, художественная литература.

Законодательные акты представлены высочайше утвержденными правилами о раздробительной продаже напитков от 14 мая 1885 года[57], высочайше утвержденным Положением о казенной продаже питей от 6 июня 1894 года[58],

---

[57] Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 5. СПб., 1887. С. 199. № 2946.
[58] Там же. Т. 14. СПб., 1898. С. 404. № 10766.

высочайше утвержденным Уставом попечительств о народной трезвости от 20 декабря 1894 года[59]. Используемые законодательные акты позволяют прояснить основные направления государственной политики в сфере распространения алкогольных напитков и борьбы за трезвость. Кроме того, здесь стоит упомянуть издание Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей «Казенная продажа вина», в котором чиновники сопроводили подробными комментариями законоположения, касающиеся государственной винной монополии[60].

Документы официального делопроизводства можно разделить на отельные подгруппы: а) материалы Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей Министерства финансов; б) материалы Святейшего Синода; в) материалы департамента полиции Министерства внутренних дел; г) материалы Государственной думы Российской империи третьего созыва; д) материалы, авторами которых являлись крестьяне.

К материалам Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей относятся отчет Ярославского губернского попечительства о народной трезвости за 1912 год, сведения о числе удовлетворенных и отклоненных приговоров сельских обществ о закрытии мест продажи крепких спиртных напитков за 1912–1913 гг., циркуляр управляющим акцизными сборами от начальника Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей от 1896 года. Все перечисленные документы являются единицами хранения Российского государственного исторического архива (РГИА), фонда Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей Министерства финансов (РГИА. Ф. 575).

К документам Святейшего Синода относится ответ на запрос секретаря Государственной думы о принятых духовным ведомством мерах борьбы с

[59] Там же. С. 682. № 11152.
[60] Казенная продажа вина. Издание Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей. СПб., 1900.

пьянством, из канцелярии обер-прокурора, датированный 1910 годом (РГИА. Ф. 797), а также опубликованный всеподданнейший отчет обер-прокурора по ведомству православного исповедания за 1914 год[61].

К материалам Департамента полиции Министерства внутренних дел относятся циркуляр министра внутренних дел от 20 февраля 1914 года; переписка губернаторов с губернскими управляющими акцизными сборами и полицейским руководством о принимаемых мерах по борьбе с чрезмерным потреблением алкоголя населением; журналы особых совещаний по вопросу о борьбе с неумеренным потреблением спиртных напитков, имевших место быть в ряде губерний в первой половине 1914 года; письмо обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева министру внутренних дел И.Н. Дурново в 1895 году, письмо министра внутренних дел И.Л. Горемыкина губернаторам от 1897 года.

Перечисленные документы находятся в соответствующем фонде Департамента полиции Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ. Ф. 102).

Важнейшим источником для диссертационного исследования стали документы Государственной думы третьего созыва, депутаты которой занимались разработкой и обсуждением антиалкогольного законопроекта в рамках работы думской комиссии по борьбе с пьянством, – стенографические отчеты заседаний всех пяти сессий этого представительного органа власти и приложения к ним (1907–1912 гг.)[62].

Документы, исходившие от крестьян, представлены ходатайствами сельских обществ о прекращении питейной торговли на территории их усадебной оседлости (РГИА. Ф. 575), а также приговорами, адресованными депутатам Государственной думы первого и второго созывов, полученными из опубликован-

---

[61] Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1914 год. Пг., 1916.

[62] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия 1-5. СПб., 1908–1912.

ных сборников документов[63]. Кроме того, изданные сборники документов по крестьянскому движению предоставляют данные местных администраций и полицейских органов, касающиеся взаимосвязи потребления алкоголя и общественного движения[64].

Статистические сборники и материалы представлены Статистическим ежегодником Российской империи – изданием Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, в котором сосредоточены данные по продаже алкогольных напитков в стране в период государственного винной монополии. Кроме были привлечены Статистика землевладения за 1905 год и данные Первой всеобщей переписи населения 1897 года[65].

Кроме того, важным источником является периодическая печать России конца XIX – начала XX века, которая содержала в себе самый разнообразный материал: отзывы современников, различные статистические данные, анализ событий внутренней жизни страны, данные с мест и многое другое. Были привлечены крупнейшие столичные и региональные газеты различных общественно-политических направлений, такие как «Голос Москвы» (печатный орган партии «Союз 17 октября»), «Речь» (печатный орган Конституционно-демократической партии), либеральные «Русские ведомости» и «Русское слово», «Новое время» (газета, имевшая в 1900-х годах репутацию реакционного издания), «Московские ведомости» (газета правого толка), проправительственные «Россия», «Санкт-Петербургские ведомости», «Сельский вестник», а также «Нижегородские губернские ведомости».

Также анализировались сведения дореволюционных журналов: «В борьбе за трезвость», «Вестник Европы», «Голос минувшего», «Ежемесячный жур-

---

[63] Приговоры и наказы крестьян Центральной России. 1905–1907 гг. Сборник документов. М., 2000.

[64] Крестьянское движение в России в 1890–1900 гг. Сборник документов. М., 1959; Крестьянское движение в России. Июнь 1907 – июль 1914 гг. Сборник документов. М., 1966.

[65] Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 год. Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1899–1905; Статистика землевладения. 1905 год. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907; Ежегодник России. 1909 год. СПб., 1910.

нал», «Запросы жизни», «Русский врач», «Русское богатство», «Современник». Кроме того, была использована церковная печать: «Воронежские епархиальные ведомости», «Приходское чтение», «Церковные ведомости».

При анализе газет и журналов рассматриваемого периода учитывалась их определенная политическая ангажированность, предполагаемый непрофессионализм корреспондентов, возможность публикации непроверенных данных, субъективность оценок. В то же время именно по периодической печати можно было составить представление об общественных настроениях того времени. Кроме того, нельзя недооценивать и высокую степень информативности периодических изданий.

Богатый материал дают воспоминания и публицистические работы современников из самых разных социальных слоев населения, различного рода занятий, увлечений, политических взглядов и мировоззренческих систем. С учетом известной доли субъективности, они проливают свет на те стороны рассматриваемой темы, которые недосягаемы при использовании количественных данных.

Так, нельзя обойти вниманием воспоминания представителей различных уровней власти, как светской, так и духовной. В этом ряду можно упомянуть воспоминания министра финансов Российской империи, одного из авторов казенной продажи питей С.Ю. Витте, товарища министра внутренних дел В.И. Гурко, государственного секретаря С.Е. Крыжановского, члена Государственного совета князя Б.А. Васильчикова, московского губернатора В.Ф. Джунковского, выходца из крестьян митрополита Вениамина (Федченкова)[66]. Отдельно назовем речи депутата М.Д. Челышева, произнесенные в Государственной думе

---

[66] Витте С.Ю. Воспоминания. В 3-х т. М., 1960; Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000; Крыжановский С.Е. Воспоминания: из бумаг последнего государственного секретаря Российской империи. СПб., 2009; Князь Борис Васильчиков. Воспоминания. М., 2003; Джунковский В.Ф. Воспоминания. В 2 т. М., 1997; Мит. Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. М., 1994.

третьего созыва в связи с разработкой антиалкогольного законопроекта[67]. В другую категорию входят воспоминания и различные публицистические работы представителей литературно-философской группы: И.А. Бунин, М. Горький, В.В. Розанов, Л.Н. Толстой, Г.И. Успенский, А.А. Фет, А.П. Чехов[68]. Без сомнения, писатели и философы, порой, могут давать очень глубокие характеристики различным явлениям народной и общественной жизни.

Показательным для исследователя может быть единодушие в оценках потребления спиртного в великорусской деревне со стороны женских представителей общественного движения России рубежа XIX–XX вв. – «бабушки русской революции» Е.К. Брешко-Брешковской и члена ЦК партии конституционных демократов А.В. Тырковой-Вильямс[69].

Крестьянское сословие не отличалось большим числом мемуаристов, по этой причине, безусловно, ценны воспоминания выходцев из сельской среды – С.Т. Семенова, И.Я. Столярова и М.П. Новикова[70]. Работы Н.М. Астырева и А.Н. Энгельгардта хронологически охватывают более ранний период 1870–1880-х годов, однако выводы, сделанные внимательными наблюдателями сельской жизни, во многом сохраняют свою актуальность и для конца XIX – начала XX века[71].

Еще одним заметным источником стали труды участников Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством, проходившего в Санкт-Петербурге в

---

[67] Челышев М.Д. Речи, произнесенные в Третьей Государственной Думе, о необходимости борьбы с пьянством и по другим вопросам. СПб., 1912.

[68] Бунин И.А. Окаянные дни. М., 1991; Горький М. Несвоевременные мысли: заметки о революции и культуре. М., 1990; Розанов В.В. Народная душа и сила национальности. М., 2012; Толстой Л.Н. Праздник просвещения 12 января // Полн. собр. соч. Т. 26. М., 1936; Успенский Г.И. Власть земли. М., 1984; Фет А.А. Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство. М., 2001; Чехов А.П. Осколки московской жизни // Он же. Полн. собр. соч. Т. 16. М., 1987.

[69] Брешко-Брешковская Е.К. Скрытые корни русской революции. Отречение великой революционерки. 1873–1920. М., 2006; Тыркова-Вильямс А.В. Воспоминания. То, чего больше не будет. М., 1998.

[70] Новиков М.П. Из пережитого. М., 2004; Семенов С.Т. Двадцать пять лет в деревне. Пг., 1915; Столяров И.Я. Записки русского крестьянина // Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма. М., 1989.

[71] Астырев Н.М. В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. М., 1896; Энгельгардт А.Н. Письма из деревни. М., 2010.

конце 1909 – начале 1910 года. В трехтомном сборнике врачи, учителя, земские деятели, священники делились своими соображениями по поводу трезвеннической борьбы в России в условиях казенной продажи питей, опираясь при этом на собственный опыт борьбы с неумеренным потреблением спиртных напитков преимущественно крестьянским и рабочим городским населением Российской империи[72].

Наконец, в качестве иллюстративного материала привлекалась литература художественного характера, представленная произведениями поэтов Н.А. Некрасовым, Сашей Черным, прозаиков И.А. Родионовым, И.С. Тургеневым, А.П. Чеховым[73]. Эта литература интересна по той причине, что зачастую художественные произведения являются авторской реакцией на происходящие в обществе процессы. Нередко именно писателям и поэтам удается поймать так называемый «дух времени».

Таким образом, совокупность привлеченных разноплановых источников позволила решить поставленные в диссертации задачи.

Методологическая основа исследования. В основу диссертационного исследования был положен принцип историзма, в соответствии с которым объект изучения был рассмотрен в связи с конкретно-историческими условиями существования, в динамике своего развития с учетом основных исторических закономерностей. Кроме того, были применены принципы объективности, системности и всестороннего изучения объекта исследования.

Для достижения поставленной цели использовались общенаучные и специально-исторические методы. К первым относятся: анализ, синтез, метод статистического анализа, позволивший сформировать представление о размерах потребления алкогольных напитков в великорусской деревне рубежа XIX–XX

[72] Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством. В 3 т. СПб., 1910.
[73] Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо // Он же. Сочинения в 3 т. М., 1959. Т. 3; Черный Саша. Собрание сочинений в 5 т. М., 1996. Т. 1; Родионов И.А. Наше преступление. М., 1997; Тургенев И.С. Певцы // Он же. Записки охотника. М., 1985; Чехов А.П. Мужики // Он же. Полн. собр. соч. Том 9. М., 1977.

вв. и доле доходов от казенной продажи питей в государственном бюджете страны в указанный период.

Среди специально-исторических методов можно назвать сравнительно-исторический, историко-генетический, проблемно-хронологический, метод исторических аналогий. Сравнительно-исторический метод был применен при оценке потребления спиртного в городе и деревне, в промышленных и земледельческих регионах страны, в России и зарубежных государствах. Историко-генетический метод использовался при анализе сложившегося к началу XX веке в великорусской деревне формата потребления алкоголя. Проблемно-хронологический метод применялся при изучении динамики потребления алкоголя и трезвеннической борьбы государства и общества на рубеже XIX–XX вв. Метод исторических аналогий позволил сравнить отдельные элементы государственной политики в сфере продажи спиртного на разных этапах исторического развития.

В рамках исследования нашла свое применение теория модернизации – главным образом, при характеристике изменений, происходивших в великорусской деревне в рассматриваемый период при переходе от традиционного общества к индустриальному.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) общинные ценности оказывали решающее воздействие на все стороны жизни великорусского крестьянства в рассматриваемый период, в том числе в такой сфере, как потребление алкоголя, которое на рубеже XIX–XX вв., было спорадическим, нерегулярным, меньшим по сравнению с потреблением городского населения страны; это было связано с особенностями исторического развития великорусского крестьянства в конкретной природно-географической среде, достаточно сильными позициями традиционного уклада;

2) разрушение мирского контроля влияло на потребление алкоголя крестьянством в сторону его увеличения, что наблюдалось при усилении контактов сельских жителей с городской средой;

3) алкогольная политика государства по отношению к великорусской деревне имела для последней негативный экономический эффект; правительственная борьба за трезвость носила формальный характер по причине высокого уровня доходов казны от продажи питей; кроме того, государство лишило сельские общества права самостоятельно решать судьбу питейного заведения в селе, что существенно ограничило возможности такой борьбы;

4) антиалкогольный проект Государственной думы третьего созыва при условии его реализации мог бы стать серьезной вехой в истории трезвенного движения в России начала XX века, даже несмотря на то, что часть общественности и депутатского корпуса воспринимала алкогольную проблему как инструмент политической игры;

5) крестьянское мировоззрение рассматриваемого периода во многом продолжало базироваться на религиозных ценностях православия, поэтому в авангарде трезвеннической борьбы в великорусской деревне находилось приходское духовенство, во многих случаях поддерживаемое церковным священноначалием; при этом в Русской Православной Церкви наблюдался ряд системных проблем, снижавших эффективность противодействия алкогольной угрозе;

6) помимо священника огромную роль в отрезвлении деревни играл сельский учитель; в целом образованное российское сообщество предпринимало немалые шаги по исследованию проблем, связанных с чрезмерным потреблением алкоголя, однако речь еще не шла о широком распространении результатов этих исследований в крестьянской среде;

7) великорусское крестьянство ощущало потребность в распространении образования в своей среде, как одного из действенных инструментов борьбы за трезвость.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые предпринята попытка дать комплексный анализ потреблению спиртного и борьбе за трезвость в великорусской деревне в конце XIX – начале XX века на примере Центра России. В работе дана оценка государственной алкогольной политике и

трезвеннической работе по отношению к великорусскому крестьянству. Автор выдвинул и аргументировал гипотезу о взаимосвязи формирования специфических форм потребления спиртных напитков в деревне и особенностей исторического развития крестьянства в конкретных природно-географических условиях. Кроме того, был проведен анализ антиалкогольной борьбы различных социальных институтов России по отношению к сельскому населению страны. При реализации поставленных в исследовании задач был привлечен широкий круг различных источников, часть из которых была впервые введена в научный оборот.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть применены при дальнейших разработках по истории великорусского крестьянства и в целом потребления алкоголя и борьбы за трезвость в дореволюционной России. Кроме того, выводы и материалы исследования могут быть использованы при выработке государственной алкогольной политики и трезвеннической борьбы самых широких слоев общества на современном этапе развития страны.

Апробация исследования. Основные положения работы были апробированы на региональных научно-практических конференциях в г. Липецке и г. Воронеже в 2011–2014 годах. Содержание диссертационного исследования в достаточной мере отражено в десяти научных работах, три их которых были опубликованы в изданиях, рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, поделенных в общей сложности на двенадцать параграфов, заключения, списка используемых источников и литературы, приложения.

ГЛАВА 1. ПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ В ВЕЛИКОРУССКОЙ ДЕРЕВНЕ

При характеристике потребления спиртных напитков в деревне конца XIX – начала XX века необходимо, главным образом, остановиться на выяснении того, что, как и в каких количествах пили сельские жители в сравнении с другими категориями населения. В рассматриваемый период усиливаются связи между городом и деревней, вследствие чего нужно также проанализировать возможные последствия подобного взаимодействия культур для структуры и динамики потребления алкоголя в селе и стране в целом. Наконец, полноценная характеристика потребления спиртного невозможна без оценки роли в этом процессе женского населения и подрастающего поколения.

§ 1. Размеры и формы потребления алкогольных напитков

Данные официальной статистики сообщают о том, что на рубеже XIX–XX вв. Россия занимала 11 место среди европейских стран и США по потреблению абсолютного алкоголя (с учетом всех спиртных напитков) и 9 место по потреблению водки в 40 градусов[74] (см. также рис. 4 в приложении 4). Кроме того, имеющиеся статистические сведения о потреблении алкогольных напитков в Российской империи в указанный период единогласно утверждают о том, что в сельской местности пили спиртного меньше, чем в городах (см. табл. 1-6 в приложении 3). Так, по данным директора Центрального статистического комитета при министерстве внутренних дел России А.М. Золотарева, опиравшегося на отчеты Главного управления неокладных сборов и казенной продажи

[74] Дмитриев В.К. Критические исследования о потреблении алкоголя в России. М., 2001. С. 43-44, 332.

питей министерства финансов, за период с 1904 по 1908 гг. душевое потребление спиртного в городах составило 1,56 ведра, в селах – 0,45[75]. С этими данными был полностью согласен экономист И.Х. Озеров, также оперировавший сведениями официальной статистики[76].

А.А. Островский считал, что «в чисто земледельческих уездах, если притом исключить потребление промышленного населения, живущего в этих уездах, годовая средняя оказывается раз в 7 меньше, чем та, что мы установили для городского населения»[77]. По его сведениям, в среднем душевое потребление в городах составляло 1,3 ведра на душу населения[78], в таком случае в сельской местности средняя цифра будет равняться показателю, приближающемуся к 0,2 ведра.

Анализируя приведенные цифры, можно с большим основанием усомниться в реальности зафиксированной между ними разницы, особенно учитывая, что официальная статистика свидетельствовала не о количестве выпитых напитков, а количество приобретенных. Исходя из этого, можно было бы заявить, что значительную долю спиртного в городах приобретало крестьянство.

С необходимостью принятия во внимание данного обстоятельства был согласен Д.Н. Воронов, обследовавший потребление алкоголя в Пензенской губернии, однако по его расчетам потребление в городе все равно было выше, чем в селе.

Так, согласно данным официальной казенной статистики в Пензе в 1912 году было выпито 1,43 ведра водки, в Пензенском уезде – 0,46 ведра. Если же учитывать городские покупки спиртного крестьянами, то ситуация менялась лишь в сторону сокращения разницы между городскими и уездными показате-

---

[75] Золотарев А.М. Потребление вина в России в 1904–1909 годах // Ежегодник России. 1909 год. СПб., 1910. С. LXXIX.
[76] Озеров И.Х. На темы дня. К экономическому положению России. М., 1912. С. 91.
[77] Островский А.А. Пьяный бюджет. Пг., 1914. С. 26.
[78] Там же. С. 25.

лями. Его подсчеты показывают, что в Пензе потреблялось около 1,1 ведра на душу населения, в уезде – 0,81 ведра[79].

Еще более был скептичен в отношении утверждения о масштабных покупках крестьянами водки в городах В. Норов, отмечавший следующее: «Несомненно, что городское население больше потребляет вина, чем деревенское, потому что иначе пришлось бы допустить, что города ежедневно снабжают вином население, превышающее в среднем раза в три местное городское население, что, очевидно, не так»[80].

Экономист А.А. Островский вообще утверждал об отсутствии доказательств влияния потребительской активности сельского населения на показатели потребление алкоголя в городах[81]. Стоит полагать, однако, что такой вывод слишком категоричен, и покупки крестьянами спиртного в городах вполне имели место быть во время поездок на базары, ярмарки, по делам и т.д., при этом, не меняя кардинально всю картину потребления алкоголя в городе и деревне. Однако, учитывая этот факт, нельзя не допустить и обратного влияния покупок спиртного городскими жителями на цифры потребление вина в селах, в особенности, если те были расположены на пересечении торговых путей.

Анализируя причины такой разницы в количестве употребляемого в городе и деревне, экономисты приходили к выводу, что виной всему – различная степень платежеспособности городского и сельского населения. По мнению Островского, «спрос на спирт со стороны городского и сельского населения одинаково силен, но покупательная способность в деревне значительно ниже», как результат – такие разные цифры[82].

Сходной точки зрения придерживался В. Норов, считавший, что «городское потребление обнаруживает с годами те же колебания, что и деревенское, а

---

[79] Воронов Д.Н. Указ. соч. С. 29.

[80] Норов В. Казенная винная монополия при свете статистики. Ч. 1. Потребление вина. Участие общества в борьбе с пьянством и в организации виноторговли. СПб., 1904. С. 41.

[81] Островский А.А. Указ. соч. С. 12.

[82] Там же. С. 14.

так как последнее… определяется главным образом условиями сельскохозяйственной жизни, то эти же условия оказывают могучее влияние и на городское потребление». При этом он оговаривал, что в городах потребление распределялось по месяцам равномернее, чем в селах[83]. Последний факт, по мнению Норова, объясняется тем, что деревенское население обладало значительными средствами лишь осенью, при реализации урожая, тогда как у горожан деньги всегда имелись на руках. «Земледелец-крестьянин далеко не всегда располагает средствами на покупку вина, далеко не всегда он и свободен, чтобы бражничать», – отмечал Норов[84]. Ко всему сказанному добавим, что далеко не всегда крестьянин обладал и достаточными психологическими мотивами для регулярного потребления алкоголя, в отличие от городского жителя.

Несмотря на меньшие в сравнении с городскими показателями размеры потребления алкоголя в селе, в общественном сознании того времени, и во многом сегодняшнего, утвердилось мнение о «беспробудном пьянстве» русской деревни[85]. Причина этого была не в том, сколько пили крестьяне, а в том, как и когда это происходило.

Говоря о форме потребления спиртного в великорусской деревне, отметим, что по многочисленным комментариям и утверждениям современников, оно носило, как правило, обрядовый и спорадический характер. Иными словами, крестьянин не являлся регулярным потребителем алкогольных напитков, пьющим спиртное равномерно в течение года. Для великоросса было характерно спорадическое, порывистое потребление, что называется, время от времени, от случая к случаю. Выбор этих случаев диктовался в деревне традицией, обрядом. За столетия деревенской жизни крестьяне привыкли обильными возлияниями сопровождать значительные события семейной и церковной жизни, среди которых безусловное первое место занимали свадьбы и престольные празд-

---

[83] Норов В. Указ. соч. С. 44.
[84] Там же. С. 70.
[85] Бородин Д.Н. Последнее слово о винной монополии // Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством. В 3-х тт. СПб., 1910. Т. 1. С. 374.

ники. При этом масштабы выпиваемого в те дни поражали воображение городских жителей того времени.

«Грандиозных размеров пьянство достигает в дни свадьбы, когда старые и малые, мужчины и женщины, участвующие в пиршестве, считают своею обязанностью не просто пить, а напиться, потому что принято думать, что чем шире пьяный размах, тем почетнее свадьба и тем счастливее будут молодые», – отмечал Д.Н. Воронов. По его сведениям, в селах Пензенского уезда средняя семья тратила 10 ведер водки на свадьбу, без учета, браги, наливки и т.п.[86]

При этом Воронов подчеркивал случайный характер деревенского пьянства. Для крестьянина «выпивка не является результатом внутреннего предрасположения, влечения к нему (спиртному. – *И.Ш.*), … а вызывается чисто внешними обстоятельствами, установившимися обычаями», – отмечал автор[87].

На преобладание обрядового характера потребления спиртного в деревне указывал С.А. Первушин: «Тут мы имеем дело скорее с ритуальным алкоголизмом, с потреблением "по особым случаям", обычаем строго установленным (крестины, похороны, свадьбы, крестные ходы, престольные праздники)»[88].

Данная особенность потребления спиртного в деревне была зафиксирована и в народном творчестве. В.И. Даль приводил в пример следующую пословицу: «Первую, как свет, призвав друга в привет; вторую перед обедом, с ближним соседом; третью с молодцами, в пополудни, и то в праздник, а не в будни»[89].

Выходец из тамбовских крестьян митрополит Вениамин (Федченков), чей отец некоторое время занимался торговлей спиртным в Тамбовской губернии, утверждал следующее: «Часто пишут о каком-то повальном и тупом пьянстве мужиков. Я не видел этого, а ведь два года наблюдал их около винной лавки.

---

[86] Воронов Д.Н. Указ. соч. С. 39-40.
[87] Там же. С. 34.
[88] Первушин С.А. Опыт теории массового алкоголизма в связи с теорией потребностей. СПб., 1912. С. 51.
[89] Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 2008. С. 575.

Пьяницы были исключением, из всей округи я сейчас буквально не помню ни одного лица, ни одного имени таких алкоголиков. Ну понятно, что все любили выпить при случае, но напивались допьяна лишь на покровских свадьбах у себя или у родных. Так что тут особенного?! Раз или два-три в год? Это не пьянство. Нет, народ в массе своей был трезвым и скромным»[90].

Сельский хозяин, внимательный наблюдатель жизни крестьян А.Н. Энгельгардт отмечал: «Для мужика водка не составляет ежедневной потребности, как для господ. Мужик не пьет ежедневно водку перед обедом для аппетиту. У мужика и без водки аппетит хороший, как вымахается на молотьбе, так и без водки хорошо ест. Мужик пьет водку для веселья, напивается праздничным делом, на свадьбе»[91].

Известный русский поэт Н.М. Языков особенности потребления спиртного в деревне даже отразил в своем творчестве:

Казны служитель небезвинный
Как рая, зимней ждет поры:
Плохой барыш с продажи винной
Весной и в летние жары:
Крестьяне заняты работой…

«Горе России не в том, что она пьет – она пьянствует», – отмечал в Государственной думе третьего созыва общественный деятель А.И. Шингарев. По его мнению, «пьянство есть болезнь нищеты и болезнь принижения личности»[92].

В преобладании спорадического характера потребления алкогольных напитков в России были убеждены зарубежные поборники трезвого образа жизни.

---

[90] Мит. Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 70.
[91] Энгельгардт А.Н. Письма из деревни. М., 2010. С. 458.
[92] Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 1. СПб., 1908. Стб. 359.

«Вам, однако, в России приходится иметь дело с иным, легче устранимым алкоголизмом, чем нам в Германии. В то время как у нас народное пьянством, главным образом вследствие злоупотребления пивом, приняло характер хронического алкоголизма, – вам предстоит борьба преимущественно против острого алкоголизма, против случайного, временного пьянства. То, что случается раз 6-12 в год, побороть легче, чем зло, освященное привычкой и процветающее изо дня в день», – отмечал член Союза германских обществ трезвости Альфред Смит[93].

Спорадическое потребление алкоголя в деревне подтверждает годовая динамика продаж казенного вина по статистике Министерства финансов и региональные данные. Согласно им, пик потребления спиртного приходился на октябрь. Тогда крестьяне, освободившись от страдных дел, позволяли себе отдохнуть, играли свадьбы, справляли престольные праздники в честь Покрова Божией Матери. К декабрю-январю кривая потребления несколько снижалась из-за Рождественского поста. При этом стоит сказать, что потребление иногда поднималась в январе из-за зимних свадеб и Рождества, правда, не до октябрьского уровня. Годовой минимум приходился на февраль-март – время Великого поста. Потребление вновь поднималось в мае-июне за счет храмовых праздников – Троицы и Николы, и вновь падало в июле из-за отсутствия таковых. Новый подъем начинался в августе за счет помочей в страдную пору, и кривая потребления поступательно двигалась к годовому максимуму – октябрю. Данная динамика подтверждается как общероссийскими сведениями[94], так и региональными (см. график в приложении 2).

Между тем, уже в начале XX века распространялось мнение о значительном росте у крестьян праздничных дней в году, сопровождавшихся возлияниями, особенно в летние месяцы. Так, общественный деятель и юрист В.Д. Кузьмин-Караваев упоминал о 120–140 днях, отмечавшихся православным сельским

---

[93] Приветствия съезду от учреждений и лиц // Труды… Т. 1. С. 80.
[94] Дмитриев В.К. Указ. соч. С. 238.

населением. Причем, по его подсчетам значительная часть праздников приходилась на страдную пору, следствием чего стало то обстоятельство, что «в период посева, уборки и молотьбы крестьяне из каждых трех дней работают неполных два»[95]. К слову, эти цифры находят свое подтверждение у Б.Н. Миронова, насчитывавшего у крестьян начала XX века 123 праздника в году[96].

В современной историографии принято связывать рост нерабочих дней с аграрным перенаселением деревни на рубеже XIX–XX вв.[97]. Для нас же важно то, что далеко не всегда праздничный день у сельского населения страны знаменовался употреблением спиртного. В. Норов отмечал, что в среднем у крестьянина в год насчитывалось 70 случаев для употребления алкоголя, а «в действительности эта цифра, вероятно, еще ниже»[98]. А.Н. Энгельгардт, в свою очередь, считал, что «у крестьян праздников меньше, чем у чиновников». По его наблюдениям, крестьяне по воскресеньям в покос работали после обеда и совсем не отмечали официальных праздников[99].

Разумеется, даже спорадический формат потребления алкоголя не был совершенно безобидным для крестьянской жизни, особенно учитывая масштабы деревенских свадеб и престолов. Экономист И.Х. Озеров писал: «У нас в деревне каждая копейка на счету. Денег нет на школы, из-за получения в хозяйство нескольких лишних копеек родители отрывают детей от школы. И в то же время слышишь, как иногда большие деревни в свои праздники тратят целые тысячи рублей на водку. Одна известная мне деревня черноземной полосы России в свой храмовый праздник тратит 2400 (!) рублей на водку»[100].

Имели место и такие отзывы: «Крестьянин имел 2 лошади, 2 коровы и 6 овец; но по осени надумал женить сына и, чтобы “сыграть” свадьбу, продал

---

[95] Кузьмин-Караваев В.Д. Деревенские праздники и крестьянские свадьбы // Земство и деревня. СПб., 1904. С. 361.
[96] Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). В 2 т. СПб., 2000. Т. 1. С. 474.
[97] Там же.
[98] Норов В. Указ. соч. С. 16.
[99] Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 196.
[100] Цит. по: Канель В.Я. Алкоголизм и борьба с ним. М., 1914. С. 121.

лошадь, коров и овец. Разорив таким образом дом в какую-нибудь неделю и сделавшись неспособным к самостоятельному хозяйству, он после пиршества пошел искать кабалы, а сын поступил работником в соседнюю экономию, оставив молодую жену в разоренном доме своего отца»[101].

«Особого внимания заслуживает… обычай “пропивать девушек”, то есть брать за невесту не столько деньгами, сколько вином (от 6 до 10 ведер), которые выпиваются до свадьбы, так что весь брак обходится не меньше 200 рублей», – приводил С.А. Первушин сообщение из Пензенской губернии[102].

С этими цифрами был согласен и В.Д. Кузьмин-Караваев, отмечавший, что даже «самая скромная свадьба обходится каждой стороне не менее как в 100 рублей… почти столько – даже несколько больше, – сколько может заработать в год взрослый сельскохозяйственный работник»[103].

Врач И.И. Рождественский, опиравшийся на сведения по Уфимской губернии, указывал, что богатая крестьянская семья тратила на свадьбу 200 рублей, на крестины – 25 рублей; семья среднего достатка – 100 и 10 рублей соответственно; и, наконец, бедная семья – по 50 и 5 рублей[104].

В основе этого на первый взгляд иррационального поведения крестьян, тративших на питие казенного вина в течение нескольких дней свои годовые заработки, есть свое объяснение, своя логика, коренившаяся в психологии и традиционных воззрениях жителей деревни. Народ «привык даже верить, что раз на свадьбе не будет настоящего пьяного веселья, то молодых ожидает несчастие в жизни», – утверждал В. Норов[105]. «Праздник без водки и пьяных считался за грех и никогда не был праздником», – писал корреспондент из крестьян[106]. Государственный деятель Российской империи начала XX века, эконо-

---

[101] И-в Н. Уезд Среднего Поволжья // Вестник Европы. 1895. №. 2. С. 522.
[102] Первушин С.А. Указ. соч. С. 52.
[103] Кузьмин-Караваев В.Д. Указ. соч. С. 366.
[104] Рождественский И.И. К вопросу о пьянстве в земледельческой деревне. М., 1914. С. 16.
[105] Норов В. Указ. соч. С. 55.
[106] Кр. Мих. Новиков. Пустота духовная и пустота материальная // Ежемесячный журнал. 1915. № 1.

мист П.Х. Шванебах отмечал, что в крестьянской среде «расход на водку, при известных обстоятельствах, настолько же обязателен, как обязательны в нашей среде расходы, например, на платье и на приличное устройство квартиры»[107].

Помимо финансовых потерь праздничное пьянство крестьян потенциально угрожало их здоровью и жизни. «“Гулял на свадьбе у родственников, где выпил семь чайных стаканов вина, свалился и умер”, “гулял у родных на храмовом празднике в соседнем селе, оттуда ушел пьяным и в дороге скончался”, “пьяный шел по селу ночью и в темноте угодил в колодезь, где и утонул”», – подобные сообщения не позволяют думать о безобидности празднования сельских торжеств. В 1912 году, по данным полиции, в Пензенском уезде на 131 тысячу душ населения пришелся 31 смертельный случай от пьянства[108].

Показательно, что по данным земских больниц Московской губернии (без г. Москвы) за 1898–1902 годы, для крестьянского населения был характерен высокий процент запойных больных (9,8 %) в сравнении с городскими обывателями (3,8 %) и фабричными рабочими (4,9 %)[109]. Видимо, и в этом случае сказывался неравномерный, порывистый характер потребления спиртного в деревне.

Спорадический характер деревенского потребления алкоголя помимо обрядовых традиционных установок был обусловлен ритмами хозяйственной деятельности крестьянства, которые в свою очередь были детерминированы природно-географическими условиями Среднерусской возвышенности. Специфика естественной среды обитания великорусского крестьянина заключалась в чрезвычайно коротком цикле сельскохозяйственных работ, длившихся с апреля по сентябрь и охватывавших, как правило, 125-130 рабочих дней[110]. При этом обработка земли в зоне рискованного земледелия с потенциально низким уровнем

---

[107] Шванебах П.Х. Наше податное дело. СПб., 1903. С. 45.
[108] Воронов Д.Н. Указ. соч. С. 43.
[109] Коровин А.М. Дипсомания как ритм и истощение // Труды… Т. 3. С. 1262.
[110] Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. № 4-5. С. 39.

урожайности должна была сопровождаться колоссальным напряжением сил земледельцев.

Подобные условия, диктовавшиеся природой, вырабатывали в великорусском крестьянине соответствующие черты характера, о которых писал еще В.О. Ключевский: «Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может развить великоросс; но и нигде в Европе, кажется, не найдем такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному, постоянному труду, как в той же Великороссии»[111]. Такая напряженность страды была известна современникам, знавшим крестьянскую жизнь. Так, Н.М. Астырев писал о том, что во время уборки хлеба сельчане буквально жили на полях, чтобы в необходимом объеме и в положенный срок выполнить всю работу[112]. «Наш работник не может, как немец, равномерно работать ежедневно в течение года – он работает порывами. Это уже внутреннее его свойство, качество, сложившееся под влиянием тех условий, при которых у нас производятся полевые работы, которые вследствие климатических условий должны быть произведены в очень короткий срок», – отмечал А.Н Энгельгардт[113].

Следствием таких трудозатрат было накопление крестьянами к осени серьезной усталости, налицо было ежегодное переутомление организмов земледельцев, нуждавшихся по окончании полевых работ в физической и эмоциональной разрядке. Своеобразным средством восстановления сил становился алкоголь.

Врач И.И. Рождественский писал о том, что причиной осеннего всплеска потребления спиртного в деревне являлась «прострация землеробов после страды». Он указывал, что «страдная пора вызывает у наших крестьян острую болезненную потребность в наркотизации»[114]. В.К. Дмитриев также называл пе-

---

[111] Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1990. С. 60.
[112] Астырев Н.М. В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. М., 1896. С. 29.
[113] Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 111-112.
[114] Рождественский И.И. Указ. соч. С. 20.

реутомление в качестве причины подъема потребления крестьянами спиртного в осенние месяцы[115].

Взаимосвязь между особенностями хозяйственного уклада и питейными традициями подмечал и один из авторов государственной винной монополии С.Ю. Витте: «У нас же народ также трудится, как и пьет. Он мало пьет, но больше, чем другие народы напивается. Он мало работает, но иногда надрывается работою»[116].

Оставим это последнее замечание на совести министра финансов, однако признаем, что необходимо принять во внимание некоторое соответствие между форматом потребления спиртного и спецификой организации труда в селе. Красноречив и тот факт, что деревенское потребление алкоголя за редкими исключениями носило коллективный характер. В этом, видимо, находил свое отражение общинный уклад сельской жизни.

Немаловажным было также то, что в начале XX века первое место среди алкогольных напитков в потребительской корзине россиянина уверенно занимала водка, 90,2 % спирта в стране потреблялось именно в ней[117], что способствовало быстрому опьянению при использовании сравнительно малых порций. При этом для рубежа XIX–XX вв. характерен и некоторый рост потребления пива. Так, за двадцать лет с 1885 по 1905 год душевое потребление этого хмельного напитка возросло с 3,34 литров до 4,4 в год[118]. А по некоторым данным в 1913 году этот показатель вырос до 6,7 литров[119]. Показательно в этой связи, что в 1902–1909 гг. количество пивных во Владимирской губернии увеличилось в 10 раз[120]. Видимо, развитие отходничества влияло на то, что те крестьяне, которые значительную часть времени проводили на заработках вне сво-

---

[115] Дмитриев В.К. Указ. соч. С. 240-242.
[116] Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. М., 1960. С. 505.
[117] ГАРФ. Ф. 1838. Оп. 1. Д. 2607. Л. 20 об.
[118] Там же. Л. 20.
[119] Дейчман Э.И. Алкоголизм и борьба с ним. М., 1919. С. 87.
[120] Черневский В.А. К вопросу о пьянстве во Владимирской губернии и способах борьбы с ним. Владимир, 1911. С. 8.

его уезда, постепенно усваивали традиции потребления слабоалкогольных напитков, более распространенных в городах.

Еще один фактор, связанный с особенностями ведения хозяйства на территории Среднерусской возвышенности, способствовал потребности в наркотизации у жителей деревни. Л.В. Милов писал о «веками отсутствующей корреляции между качеством земледельческих работ и урожайностью хлеба»[121]. Отсутствие строгой взаимосвязи между трудозатратами и полученным результатом, по мысли историка, не выработали в великороссе привычки к тщательной, аккуратной и кропотливой работе.

Кроме того, по мнению О.А. Суховой, подобный расклад формировал «чувство скепсиса и обреченности у части крестьянства»[122]. Такое психологическое состояние также могло стимулировать в сельчанах потребность в резком увеличении потребления спиртного. Таким образом, обрядовый характер деревенского потребления алкоголя являлся, по сути, формой, прячущей под собой глубинные основания пития спиртного, вызванные особенностями хозяйственного уклада в определенной природно-географической среде.

Несмотря на значительную роль церковно-семейных поводов, было бы наивным ими ограничивать случаи употребления алкоголя в деревне. Хрестоматийными являются рассказы о пьянстве, сопровождавшем сельские и волостные сходы.

Князь Борис Александрович Васильчиков писал о сельском сходе с «огромной склонностью подчинять свои решения вразумительной силе выставленных ведер водки»[123]. В начале XX века «водка господствовала и на сходках, и в волостных судах, и ни одно мирское дело не решалось без того, чтобы не пропить какое-нибудь ценное общественное достояние», – писал Г.П. Завраж-

[121] Милов Л.В. Указ. соч. С. 53.
[122] Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008. С. 114.
[123] Князь Борис Васильчиков. Воспоминания. М., 2003. С. 151.

ный[124]. «Желание выпить в компании, поразнообразить бесшабашной гульбой свою вечно серую, будничную жизнь, заговаривает с особой силой, и сход делает невероятные вещи: отдает за бесценок мирскую землю, пропивает в виде штрафа чужой стан колеса, закабаляется за грош на многие годы, обездоливает правую из числа двух спорящих сторон … и т. д.», – указывал еще в 1880-х годах Н.М. Астырев[125].

«Нынче не бывает почти ни одного общественного схода, не решается почти ни одного общественного дела в деревне без обильного спаивания крестьянской толпы водкою. Кто из сельских пастырей не знает, что обещанное сельскому сходу одно-другое ведро вина часто направляет неправое дело в угоду лицу, угостившему “мір” водкой?», – отмечалось в отчете Святейшего Синода, предоставленном по запросу Государственной думы третьего созыва в 1910 году о мерах борьбы с пьянством, предпринимаемых духовным ведомством[126].

Подобные зачастую эмоциональные утверждения встречаются довольно часто, однако, как правило, они редко бывают снабжены соответствующими доказательствами. Тем временем, есть также сведения, не позволяющие однозначно считать сельские сходы рассадниками пьянства. В.А. Черневский, исследовавший потребление спиртного во Владимирской губернии, упоминал, что только 7 % им опрошенных респондентов поводом к пьянству называли сельские и волостные сходы, общественные работы и т.п.[127]

Кроме того, Черневский среди поводов к питию спиртного называл различные праздники (33 %), продажу сельскохозяйственной продукции (18 %), возвращение с заработков (8 %), базары, сделки и т.п. (17 %)[128]. Священник из Рязанской губернии сообщал, что «неблагоприятными обстоятельствами для

---

[124] Завражный Г.П. Вино в деревне. М., 1915. С. 3.
[125] Астырев Н.М. Указ. соч. С. 268.
[126] РГИА. Ф. 797. Оп. 80. Д. 141а. Л. 3а.
[127] Черневский В.А. Указ. соч. С. 15.
[128] Там же.

распространения трезвости и доселе служат: 1) укоренившийся обычай пить вино при всех мирских сходах и индифферентное отношение к сему “власть имущих”; 2) помочи; 3) пьянство при свадьбах, в престольные праздники и дни Св. Пасхи; 4) убогая постановка школьного образования»[129].

Так называемые помочи, упомянутые рязанским священником, – являлись добровольным коллективным трудом крестьян для выполнения некоторой срочной работы у отдельных домохозяев, как то: вывоз навоза на поля, заготовка сена, дров, постройка дома и т.п. Как правило, помочи были неоплачиваемыми, однако хозяин был обязан выставить угощение принимавшим участие в работе в виде определенного количества водки, так как брать плату за подобный труд деньгами было в деревне не принято – в помочах в разное время нуждались все сельчане, и перевод их на денежную основу не вписывался в рамки деревенской этики.

В отношении помочей А.Н. Энгельгардт писал следующее: «Нельзя даже сказать, чтобы именно водка привлекала, потому что приходят и такие… которые водки не пьют»[130]. По его словам, возможность потребления спиртного в таких случаях отнюдь не являлась главной мотивацией для крестьян – «водки для того только нужно, чтобы веселее было работать»[131].

Тем не менее, отдельные современники позволяли себе из установившегося в деревне формата потребления спиртного делать выводы о пьянстве, как о повседневном времяпрепровождении крестьянства[132]. Но подобному утверждению можно найти многочисленные опровержения со стороны представителей самых различных социальных слоев и образов мысли. Примечательно, что наличие в крестьянской среде лиц, страдающих алкогольной зависимостью, признается большинством современников лишь в качестве исключения.

---

[129] Прот. Н. Миртов. Народное пьянство и современная борьба духовенства за трезвость по данным анкеты, произведенной Александро-Невским обществом трезвости // Труды... Т. 3. С. 1147.
[130] Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 59.
[131] Там же. С. 62.
[132] Завражный Г.П. Вино в деревне. М., 1915. С. 3-4.

«В целом пьянство, ставшее проклятьем России, не следует рассматривать как результат естественной склонности крестьян к излишествам. Оно развилось под гнетом невыносимых условий жизни, к которому прибавилось позорное попустительство со стороны “правителей” страны – те даже напрямую стимулировали пьянство из политических и финансовых соображений», – утверждала «бабушка русской революции» Е.К. Брешко-Брешковская[133].

Заметим, что тот же Астырев, клеймивший пьянство на сельских сходах, писал следующее: «Я отнюдь не говорю, что крестьяне все поголовно пьяницы, если под словом “пьяница” разуметь человека или постоянно, или большую часть дней в году пьяного; нет, таких в крестьянском миру очень мало: один, два на сотню; наоборот, человек 8, даже 10 на сотню найдется совсем непьющих вина»[134].

А.Н. Энгельгардт прямо отмечал: «Вообще нужно заметить, что между мужиками-поселянами отпетые пьяницы весьма редки. Я вот уже год живу в деревне и настоящих пьяниц, с отекшими лицами, помраченным умом, трясущимися руками, между мужиками не видал». По его мнению, регулярная физиологическая потребность в алкоголе больше характерна для представителей других социальных групп: «Такие пьяницы, которых мы встречаем между фабричными, дворовыми, отставными солдатами, писарями, чиновниками, помещиками, опившимися и опустившимися до последней степени, между крестьянами – людьми, находящимися в работе и движении на воздухе, – весьма редки»[135].

Известный отечественный психиатр, публицист И.А. Сикорский был уверен, что алкоголизм – недуг, не имеющий точной социальной прописки, его нельзя относить к недостаткам какого-то определенного класса. Хронические алкоголики «составляют особый мир, где бедность, лень, порок и алкоголь объ-

[133] Брешко-Брешковская Е.К. Скрытые корни русской революции. Отречение великой революционерки. 1873–1920. М., 2006. С. 294.
[134] Астырев Н.М. Указ. соч. С. 268.
[135] Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 33.

единяют и окончательно смешивают людей различного происхождения, образования и общественного положения», – считал авторитетный врач[136].

Его коллега по медицинской стезе А.М. Коровин признавался: «На основании моих личных наблюдений могу сказать, что самый заурядный рабочий тратит в год на спиртные напитки до 100 рублей. Лица же среднего достатка, как-то: врачи, учителя, купцы, священники тратят гораздо больше, но это меньше бросается в глаза. До сих пор всякий раз, когда речь заходит о пьянстве, подразумевается обыкновенно серый народ; на самом же деле, алкоголизм несравненно сильнее распространен среди среднего класса»[137].

Участник Всероссийского съезда по борьбе с пьянством Н.С. Соколов делил сельское население в соответствии с формами и количеством потребления спиртного на три группы. В первую входили представители сельской администрации: «Волостные писаря, старшины, полицейские чины… пьют непрерывно круглый год». Во вторую группу – «крестьяне-земледельцы, пьющие при исключительных случаях». И наконец, в третью – разорившиеся крестьяне, батраки, рабочие, занятые на отхожих промыслах. «Эта категория пьет все время, пока у нее есть деньги, и ее потребление переходит в пьянство», – указывал Соколов[138]. По его словам, число хронических алкоголиков в земледельческой деревне колебалось в районе нескольких процентов.

Подобные утверждения находили свое подтверждение на страницах «Вестника Европы», один из авторов которого писал, что «очень многие крестьяне употребляют вино умеренно и только при каких-либо выдающихся случаях; столько же не пьют совсем никакого вина»[139].

«Мужики совсем не так много пили, как про них обычно рассказывают… Большинство даже по воскресеньям обходились без водки, редко ходили в ка-

[136] Сикорский И.А. Алкоголизм и питейное дело. Киев, 1897. С. 7-8.
[137] Коровин А.М. Движение трезвости в России. СПб., 1900. С. 3.
[138] Соколов Н.С. Меры борьбы с пьянством по проекту Государственной думы и министерства финансов // Труды... Т. 3. С. 892.
[139] Н. И-в. Уезд Среднего Поволжья // Вестник Европы. 1895. № 4. С. 522-523.

зенку, хотя кабак был деревенским клубом», – вспоминала публицист, член партии кадетов А.В. Тыркова-Вильямс[140].

Характерна реакция крестьянина, услышавшего критические отзывы относительно трезвости жителей села: «Какая ложь! В городах больше пьют!!!»[141]. Товарищ министра финансов И.И. Новицкий был убежден, что «нельзя судить по анекдотическим рассказам и отдельным типам алкоголиков о привычке и характере русского народа»[142]. И применительно к революционному 1917 году писатель Максим Горький приводил слова крестьянина, опровергавшего утверждение о повальном пьянстве в селе: «Неверно говорится и пишется у вас, что мужик будто стал пьяницей, картежником, – пьют те, которые похуже… пьет сор деревенский, пустой народишко…»[143].

Тезис о повальном пьянстве жителей русской деревни на рубеже XIX–XX вв. во многом был сформирован прессой и публицистикой того времени. Не стоит видеть в этом каждый раз намеренную фальсификацию, скорее, речь идет о поверхностном знании жизни великорусского крестьянства.

Зачастую свои представления о деревенском потреблении спиртного городские корреспонденты черпали из редких посещений села в дни престольных праздников и прочих торжеств, когда крестьяне позволяли себе очень многое. У людей, появлявшихся в деревне эпизодически, в первую очередь откладывались в памяти скандальные, резонансные картины. «Подъезжаете к деревне – слышите пьяные вопли и ругань стоном висит в воздухе, а пойдите по всем закоулкам – и десятка пьяных не найдете», – писал митрополит Антоний (Храповицкий)[144].

Этому способствовали и питейные традиции русского человека, не привыкшего пить спиртное тихо у себя дома или в кабаке, а любившего согласно

---

140 Тыркова-Вильямс А.В. Воспоминания. То, чего больше не будет. М., 1998. С. 59.
141 Ежемесячный журнал. 1916. № 3. С. 229.
142 Стенографические отчеты. Сессия вторая. Ч. 2. СПб., 1909. Стб. 55.
143 Горький М. Несвоевременные мысли: заметки о революции и культуре. М., 1990. С. 103.
144 Митрополит Антоний Храповицкий. Нравственность черного и белого духовенства. Ответ М.О. Меньшикову // Он же. Сила православия. М., 2012. С. 157.

пословице «на миру и смерть красна» предъявить себя публике. «Малоросс, выпив вина, по характеру своему стремится остаться дома, а русский лезет на улицу “куролесить”», – писал общественный деятель Н.Н. Жеденов[145].

Наблюдательный сельский хозяин 1870–1880-х годов А.Н. Энгельгардт, чьи характеристики крестьянской жизни во многом не потеряли своей актуальности и для начала XX века, писал следующее: «Начитавшись в газетах о необыкновенном развитии у нас пьянства, я был удивлен той трезвостью, которую увидал в наших деревнях». По его словам, «между мужиками-поселянами отпетые пьяницы весьма редки», а «все что пишется в газетах о непомерном пьянстве, пишется корреспондентами, преимущественно чиновниками, из городов»[146].

К.Д. Кавелин упоминал о том, что «будто поощрялся в печати взгляд, что крестьяне – непробудные пьяницы, лентяи, плуты и воры, с которыми нельзя иметь никакого дела»[147]. «Крестьян обвиняют в том, что они неграмотны, пьяны и взяточники. Нам читали, что об этом пишут земские начальники. Никто не подумал спросить самих крестьян», – резонно отмечал депутат М.Д. Челышев[148]. «Эти газетные писатели ничего об настоящей русской жизни не знают, как есть ничего, а беззастенчиво пишут», – как бы отвечал ему крестьянин А.И. Малышев[149].

Известно, что различные явления имеют свойство повторяться в новых исторических условиях. Р.Г. Скрынников, подвергая критике утверждения средневековых путешественников, посещавших Россию, о повальном пьянстве русских, отмечал: «В пору средневековья городское население России было весьма малочисленным, но именно с жизнью горожан и сталкивались ино-

---

[145] Жеденов Н.Н. Казенная, общественная и частная продажа вина // Он же. Гроза врагов русского народа. М., 2013. С. 439.
[146] Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 32-33.
[147] Кавелин К.Д. Главы из книги «Крестьянский вопрос: Исследование о значении у нас крестьянского дела, причинах его упадка и мерах к поднятию сельского хозяйства и быта поселян // Он же. Государство и община. М., 2013. С. 822.
[148] Местный суд в Государственной думе // Запросы жизни. 1909. № 4. С. 26.
[149] Ежемесячный журнал. 1915. № 2. С. 55.

странцы, описывая чаще всего их праздники, поведение на площади перед государевым кабаком. О жизни деревни, где проживала подавляющая часть русского народа, иностранные обыватели знали очень немного или не знали ничего»[150]. Стоит признать, что описанная ситуация сохранялась и на рубеже XIX–XX вв., только место иностранных путешественников заняли отечественные городские корреспонденты.

Говоря об общей динамике потребления спиртных напитков в России на рубеже XIX–XX вв., можно отметить тенденцию к ее увеличению. По словам товарища министра финансов И.И. Новицкого, за пореформенное время душевое потребление спиртного в России снизилось вдвое. К 1893 году потребление упало до 0,5 ведра спирта в 40º, в начале XX века повысилось до 0,53 ведра, и в революционные годы достигло 0,6. После же революции потребление понизилось до 0,59 ведра на душу населения[151], достигнув в 1913 году показателя в 0,6 ведра[152]. Кроме того, об устойчивом росте потребления водки в начале XX века писал И.Х. Озеров. По его сведениям, в 1903 году в стране было потреблено 69,8 млн. ведер, в 1905 году – 75 млн., в 1906 году – 85,4 млн.[153] При этом преждевременным было бы связывать рост потребления с демографическим взрывом, наблюдавшимся в пореформенной России. По некоторым данным, в начале XX века доходы казны от винной монополии превышали рост населения в 6 раз[154].

В этой связи также видится спорным умозаключение Б.Н. Миронова о том, что в пореформенной деревне «увеличение потребления алкоголя вело к повышению калорийности пищи», так как «православный человек, когда выпи-

---

[150] Скрынников Р.Г. Введение // Народная борьба за трезвость в русской истории. Л., 1989. С. 3-4.
[151] Стенографические отчеты. Сессия вторая. Ч. 2. СПб., 1909. Стб. 55.
[152] Зайцева Л.И. С.Ю. Витте и Россия. Часть 1. Казенная винная монополия. 1894–1914. М., 2000. С. 88.
[153] Озеров И.Х. К росписи на 1908 год // Русское слово. 1907. № 254.
[154] Зоткина Н.А. Феномен девиантного поведения в повседневной жизни российского общества на рубеже XIX-XX вв.: преступность, пьянство, проституция (на материалах Пензенской губернии): дис… канд. ист. наук: 07.00.02. Пенза, 2002.

вал, всегда закусывал»[155]. И.Х. Озеров приводил данные опроса, согласно которому в начале XX века 40 % новобранцев «в первый раз ели мясо лишь при поступлении на военную службу»[156].

Эти сведения представляются преувеличенными, но, тем не менее, по подсчетам Ф.А. Щербины, на рубеже XIX–XX веков рацион воронежских крестьян состоял на 93 % из растительной пищи и на 7 % из пищи животного происхождения, следовательно, на 83,7 % растительных белков приходилось 16,3 % белков животных[157]. По этой причине К.К. Толстой считал, что водка являлась для крестьянина «приправой к скудному обеду», «предметом первой необходимости»[158]. По мнению же одного из представителей медицины того времени В.О. Португалова, «лучший суррогат водки – говядина»[159]. И в этой связи кадет Ф.И. Родичев отмечал, что «в России немного пьют вина, в России мало едят»[160].

К слову, любопытно то, что деревенский рабочий люд, различные артельщики, по отзыву А.Н. Энгельгардта, целенаправленно в своем рационе отдавали преимущество водке в сравнении с мясом. Он рассказывал так: «Работали замечательно, дров нарезали количество непомерное. На харчи денег не жалели: каждый день водка, каша, такая крутая, что едва ложкой уколупнешь, с коровьим маслом, щи жирные. Но мяса ели мало, и вот тут-то я и убедился, что работающие люди вовсе не придают значения мясу, как питательному веществу: водку, например, предпочитают мясу во всех отношениях. Но я не могу сказать, чтобы это были пьяницы»[161]. С этим рассказом перекликается вывод К.К. Толстого: «Кто часто сталкивался с крестьянами, тот знает, что самые крепкие

---

155 Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России. М., 2010. С. 457.
156 Озеров И.Х. На темы дня. К экономическому положению России. М., 1912. С. 92-93.
157 Щербина Ф.А. Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900. С. 165.
158 Толстой К.К. К вопросу об алкоголизме. СПб., 1912. С. 33, 50.
159 Канель В.Я. Указ. соч. С. 432.
160 Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 3. СПб., 1908. Стб. 284.
161 Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 281.

люди из них, самые лучшие работники, суть те, которые умеренно и постоянно пьют водку»[162].

По подсчетам руководителя антиалкогольной комиссии Государственной думы третьего созыва епископа Митрофана (Краснопольского), средний крестьянин, зарабатывая в год 60 рублей, тратил на водку около 20 рублей, то есть почти треть годового дохода[163]. В подтверждение этой цифры С.А. Первушин сообщал, что крестьянская промысловая семья из Дмитровского уезда Московской губернии в год потребляла 4 ведра водки, затрачивая на их покупку 18 рублей 60 копеек[164].

По другим данным доля алкогольных затрат в душевом доходе великорусского крестьянина составляла чуть более 10 %. Например, по данным Щербины, в 1886 году доля расходов на спиртное в годовом бюджете крестьянской семьи Задонского уезда Воронежской губернии составляла 12,9 % от общей суммы трат[165]. Эта цифра меньше, чем аналогичные показатели Германии и Франции, и практически одинакова с данными по Англии. Но и душевой доход в России был в три-четыре раза меньше, чем в перечисленных странах[166]. Кроме того, у воронежского крестьянина траты на алкоголь занимали третье место в общей иерархии расходов. Впереди стояли лишь такие статьи, как аренда земли (20,9 %) и одежда и обувь (14 %)[167].

Обобщая различные сведения по потреблению алкоголя в деревне, можно сделать некоторые выводы. Менее всех пили крестьяне обладавшие средним душевым наделом, женатые и многосемейные, зарабатывавшие себе на жизнь путем ведения исключительно натурального хозяйства – земледелием. Увеличение или уменьшение среднего душевого надела способствовало увеличению потребления, однако если при увеличении надела крестьянин в виду повыше-

[162] Толстой К.К. Указ. соч. С. 32.
[163] Стенографические отчеты. Сессия первая. Часть 1. СПб., 1908. Стб. 2136.
[164] Первушин С.А. Указ. соч. С. 51.
[165] Щербина А.Ф. Указ. соч. С. 427.
[166] Канель В.Я. Указ. соч. С. 120.
[167] Щербина А.Ф. Указ. соч.

ния благосостояния начинал пить равномерно и регулярно, то при уменьшении земельного обеспечения беднеющий сельский хозяин все больше начинал склоняться к пьянству при каждом удобном случае. Больше могли себе позволить в плане алкоголя неженатые и малосемейные крестьяне, не обремененные еще задачей обеспечения многочисленного потомства, а также те сельские обыватели, кто в силу разных причин начинал зарабатывать себе на жизнь неземледельческим отходом. Кроме того, грамотность также могла являться фактором, способствовавшим ограничению потребления[168].

Безусловно, крестьянин лишний раз не отказывался выпить при случае, в особенности в доброй компании за интересным разговором. Но для регулярного потребления спиртного у крестьянина просто не было психологических оснований. Анализ эффекта, получаемого от употребления алкоголя, позволяет думать, что главной мотивацией к систематическому питию является несоответствие между ожиданиями от жизни и реальным положением дел. В психологии такая ситуация получила название фрустрации.

Нельзя сказать, чтобы крестьянин в России на рубеже XIX–XX вв. был полностью всем доволен в жизни, однако ценности традиционного общества во многом локализовывали подобное психологическое состояние. Крестьянин земледельческих районов страны был по-своему уверен в завтрашнем дне – общинный уклад жизни гарантированно обеспечивал его землей, главнейшим средством производства для селянина. Его труд был понятен, разумен, целостен, основан на тесном взаимодействии с деревенской флорой и фауной, продукты труда были в буквальном смысле слова осязаемы. С молодых лет крестьянин ориентировался в своей жизни на бытовой и хозяйственный опыт отцов и дедов, он знал, что его ожидало в жизни, и это знание отнюдь не пугало его. Свою терапевтическую роль играло сравнительно сильное религиозное чувство.

[168] Дмитриев В.К. Указ соч. С. 49-50; Жеденов Н.Н. Указ. соч. С. 445; Рождественский И.И. Указ соч. С. 11; Черневский В.А. Указ. соч. С. 11.

Однако российские реформы 1860–1870-х годов запустили необратимый процесс модернизации всего российского общества, не исключая деревню, где патриархальный быт во второй половине XIX – начале XX вв. подвергался серьезным испытаниям, в первую очередь, по причине усиления взаимных контактов деревенской и городской культуры. Расширявшееся знакомство сельчан с городским миром стало серьезным вызовом для традиционной земледельческой деревни практически во всех сферах и областях жизни, не обошло оно стороной и алкогольные традиции села.

§ 2. Неземледельческий отход как фактор повышения потребления алкоголя крестьянством

Как уже было сказано, объемы и формы потребления спиртного заметно отличались в губерниях земледельческих и промышленных, где среди крестьянского населения было к началу XX века уже значительно развито отходничество, то есть там, где сельчане в существенной степени зарабатывали на жизнь неземледельческим трудом, чаще всего – работой на фабриках и заводах.

Необратимая миграция крестьян в города на сезонные работы несла за собой деформацию патриархального уклада деревни, и, в частности, потенциально повышение потребления алкогольных напитков. Так, В.К. Дмитриев, рассуждая о причинах повышения потребления спиртного в России на рубеже XIX-XX вв., связывал это увеличение с процессом «раскрестьянивания» деревни, главенством «Господина Капитала». Развитие рыночных отношений, аграрное перенаселение способствовали увеличению оттока в города крестьян в поисках заработка. Их выход из-под «власти земли», по мнению экономиста, непременно сопровождался увеличением душевого потребления алкоголя в стране[169].

«Паспортная статистика указывает, что всякое усиление оттока населения из деревень сопровождается повышением потребления в стране алкоголя, а падение волны оттока или стационарное его состояние – застоем потребления или даже его падением», – писал В.К. Дмитриев.

Причем это происходило, по его мнению, вне зависимости от состояния покупательных и платежных сил населения. Главными же движущими силами оттока населения в города являлись, по мысли Дмитриева, промышленные подъемы и земледельческие кризисы[170].

---

[169] Дмитриев В.К. Указ. соч. С. 28.
[170] Там же. С. 25.

Анализируя потребление спиртного рабочими и крестьянами, Дмитриев приходил к нескольким общим положениям. Согласно первому, «среднее душевое потребление алкоголя в группе промышленно-городского пролетариата в несколько раз выше среднего душевого потребления земледельческого крестьянства». Второй тезис гласил, что при переходе крестьян в ряды рабочих, их затраты на алкоголь возрастают в большее количество раз, чем общая сумма доходов. И, наконец, согласно третьему положению, процент расходов на алкоголь в среде рабочих обратно пропорционален их общим доходам[171].

«В городских условиях жизни водка перестает быть для потребителя редкостью и переходит в число обычных, ежедневных продуктов потребления, делаясь для многих даже более необходимым продуктом потребления, чем хлеб», – указывал Дмитриев[172].

По схожему мнению А.М. Коровина, «городской промысловый и рабочий люд обнаруживает сильную наклонность приближаться к ежедневному потреблению спиртных напитков, в виду особых условий городского склада существования»[173].

Подобные выводы подтверждаются различными многочисленными сведениями, прежде всего самими крестьянами. Сельчане из Костромской губернии, занимавшиеся отхожими промыслами, говорили следующее: «Дома, на родине, мы не запьем и не пропьемся, а только один-два раза в зиму выпьем при случае с родными и знакомыми (свадьба, праздники деревенские, Масленица) и больше никогда. А вот в городе, где мы часто бываем при деньгах и где много соблазна, там записываются в трезвость на полгода – это хорошо, что слабые из нас и делают. В городе легко и загулять, и прогулять, а дома этого не бывает – нечего и не на что»[174].

---

[171] Там же. С. 27.
[172] Там же. С. 211.
[173] Коровин А.М. Сельская школа и алкоголизм в Московской губернии // Труды... Т. 2. С. 567.
[174] Прот. Н. Митров. Указ. соч. С. 1153.

Экономист С.А. Первушин отмечал устойчивую связь между степенью индустриализации губернии и душевым потреблением спиртного. По его данным, в начале XX века в Промышленном районе Российской империи душевое потребление в среднем составляло 0,52 ведра в год, а в наиболее индустриализованных губерниях района – Московской и Владимирской – 0,86 ведра. Аналогичная ситуация наблюдалась в Черноземном районе: среднее потребление составляло 0,64 ведра, в Тульской губернии – 0,85. То же в Северном районе: 0,42 – среднее потребление, в Санкт-Петербургской губернии – 0,71 ведра[175]. «Единственное объяснение указанного явления – это высокое потребление алкоголя рабочим классом», – считал Первушин[176].

В.А. Черневский, анализируя алкогольную статистику по Владимирской губернии в начале XX века, приходил к выводу, что «на первом месте по высоте потребления стоят уезды с развитой фабрично-заводской промышленностью, а на последних глухие, преимущественно земледельческие уезды»[177].

Член бюджетной комиссии Государственной думы III созыва И.М. Коваленко в 1908 году докладывал, что в год в России производится 85 млн. ведер водки. По его словам, на душу населения в северо-западных губерниях и Царстве Польском приходилось 0,39-0,41 ведра, в южных губерниях – до 0,71, в средне-промышленных губерниях – до 0,7, в прибалтийских губерниях – до 0,66, в Петербургской губернии – до 1,72, в Московской – 1,82. Кроме того, Коваленко отмечал тенденцию повышения потребления спиртного в промышленных районах страны, а также низкий уровень потребления алкоголя в России в сравнении с другими странами[178].

При этом потребление спиртного в городах Европейской России за указанный период составило 1,66 ведра на душу населения, а в селах – 0,46. В свою очередь в земледельческих Черноземных губерниях душевое потребление

---

[175] Первушин С.А. Указ. соч. С. 27.
[176] Там же. С. 28.
[177] Черневский В.А. Указ. соч. С. 5.
[178] Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 3. СПб., 1908. С. 242-243.

в городах равнялось 1,6 ведра, в селах – 0,52 ведра. В промышленных губерниях Центральной России ситуация обстояла несколько иначе: в городах – 2,4 ведра, в селах – 0,47[179].

Примечательно то, что в промышленных губерниях разница между потреблением в городах и уездах была больше, чем в губерниях земледельческих. Так, в Центрально-промышленном регионе она составляла 1,93 ведра, тогда как в Черноземье – 1,08 ведра[180]. Это еще раз подчеркивает влияние отходничества на повышение потребления алкоголя. В промышленных губерниях крестьяне массово уходили на заработки в города, тем самым, уменьшая сельские показатели потребления и увеличивая городские.

Очевидный факт – крестьяне-отходники зарабатывали значительно больше, чем их собратья, оставшиеся в деревнях на сельскохозяйственных работах. «Средний денежный доход новгородского крестьянина от неземледельческих занятий превышал доходы от продажи продуктов сельского хозяйства в 5,5 раза», – указывал В.П. Булдаков[181]. Тем не менее, современниками подчеркивалось, что далеко не всегда такая разница в доходах оборачивалась повышением материального благосостояния отходников и их семей. Традиционно крестьянская экономика носила натуральный характер и была ориентирована на удовлетворение потребностей семьи без стремления к постоянной максимизации прибылей. Обладание «лишними» деньгами, заработанными не на земле, в городских условиях жизни без общинного контроля приводило зачастую к неожиданным последствиям.

Раненбургский уездный комитет Рязанской губернии отмечал, что нередко «крестьянин, пробедствовав, кое-как перебываясь более или менее продолжительное время в городе, возвращается в деревню ни с чем, кроме всевозможных дурных привычек и пороков, приобретенных за время своих скитаний. …

---

[179] Золотарев А.М. Указ. соч. С. CVII-CX.
[180] Там же.
[181] Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 28.

Из деревни уходит крестьянин, в деревню возвращается босяк»[182]. В отчете о десятилетней работе Александро-Невского общества трезвости отмечалось: «Сколько молодых и сильных людей приводит сюда на окраину города из деревни случайная бескормица, желание приработать побольше, чтобы поправить свои дела. И сколько из пришедших на время, навсегда остаются тут, и с расстроенными силами, в бедности еще большей доживают свою жизнь. – “Вино сгубило”, – говорят со скорбью о себе многие»[183].

Писатель Г.И. Успенский приводил слова одного из своих героев крестьянина Ивана Босых, имевшего опыт отходнических заработков: «Я вот попробовал от крестьянства отбиться – чуть не опился»; «я как подзабыл крестьянство-то, от трудов крестьянских освободился, стал на воле жить, так и деньги-то мне стали все одно что щепки… Только и думаешь, куда бы девать, и, кроме как кабака, ничего не придумаешь»[184]. Все это наводило Успенского на следующий вывод: «Огромнейшая масса русского народа до тех пор и терпелива и могуча в несчастьях, до тех пор молода душою, мужественно сильна и детски кротка – словом, народ, который держит на своих плечах всех и вся, народ, который мы любим, к которому идем за исцелением душевных мук, – до тех пор сохраняет свой могучий и кроткий тип, покуда над ним царит власть земли, покуда в самом корне его существования лежит невозможность ослушания ее повелений». «Оторвите крестьянина от земли, от всех забот, которые она налагает на него, от тех интересов, которыми она волнует крестьянина, добейтесь, чтобы он забыл “крестьянство”, – и нет этого народа», – заключал Успенский[185].

«Раскрестьянивание», отрыв от «власти земли» превращали сельского обывателя в маргинала, чье психологическое ощущение неопределенного социального статуса в неестественных городских условиях жизни вызывало потреб-

---

[182] Бржеский Н.К. Очерки аграрного быта крестьян. СПб., 1908. С. 36.

[183] Десять лет борьбы за трезвость. Издание почитателей деятельности протоиерея Петра Алексеевича Миртова. СПб., 1911. С. 5.

[184] Успенский Г.И. Власть земли. М., 1984. С. 127.

[185] Там же. С. 136.

ность в наркотизации. «Большие города и крупные промышленные центры вообще – очаги ненормальной, безнравственной жизни. … Для русского городского рабочего эта опасность двойная, потому что он по натуре, в душе, деревенский человек, волевые центры которого слабеют и гибнут от такого склада жизни: ему недолго превратиться в босяка! В частности, легкий доступ к водке имеет для него роковое значение», – отмечал один из представителей монархического движения поэт В.Л. Величко[186].

«При искусственном разрыве народа с землей и вынужденном переселении значительной части его из деревни в город, при сведении всей деятельности трудящегося на фабрике рабочего к однообразному механическому изготовлению в течение долгих часов, например, булавочных головок, при материальной необеспеченности от голодовок в момент наступления промышленного кризиса и тех частых локаутов, которыми предприниматели грозят рабочему населению при всяком изменении прежних условий спроса на товары и труд, рабочий попадает в то тяжелое психическое состояние, которое толкает его в сторону обращения к искусственным средствам возбуждения», – считал член Государственного совета, академик М.М. Ковалевский[187].

Известный борец за трезвость священник Петр Миртов был убежден: «“Пригородный” крестьянин настоящим крестьянином не считается. Близость соблазнов в виде кабаков, трактиров, разных притонов развратила его. Он в большинстве пьяница. … Он возлагает свои житейские надежды не столько на земледельческий труд, которым занимается неохотно, сколько на промысел, чаще всего легкий, и на распродажу своих достатков в виде дров со своего леса, участков земли, леса и пр.»[188].

С.А. Первушин указывал на «неуверенность в завтрашнем дне и соответствующее этому пассивному переживанию – стремление забыться» как на ос-

[186] Величко В.Л. Вопрос о рабочих // Русские речи. М., 2010. С. 214.
[187] Ковалевский М.М. О мерах борьбы с пьянством // Труды... Т. 1. С. 81.
[188] Прот. Н. Миртов. Указ. соч. С. 1153.

новную отличительную черту психологии фабрично-заводского рабочего. Эта черта – единственное, что отделяет хлебопашца от городского пролетария, по мнению экономиста. «Оба живут в нужде, в невозможных жилищных условиях, оба трудятся, оба недоедают, оба принадлежат к социально-обездоленным, но первый имеет (а главное сознает за собой) известный запасный фонд в виде земельного надела. У второго (пролетария) этого минимума не гарантировано», – отмечал Первушин[189]. А, следовательно, чем меньше у человека уверенности в завтрашнем дне, тем больше у него оснований расходовать заработанные средства на алкоголь для того, чтобы уйти от реальности, «забыться». «Как вы можете ждать от рабочего бережливого отношения к себе, к своему здоровью и своим средствам, когда достаточно неурожая хлопка где-либо в Южной Америке, чтобы поставить его в положение нищего-бродяги», – вопрошал экономист[190].

В то же время «здоровая обстановка крестьянского труда служит источником для земледельца душевного равновесия и разумных удовольствий, как результат физической крепости, сознания независимости своего положения и тесного общения с природой», – считал В. Норов[191].

Согласно данным антиалкогольной анкеты, заполненной бакинскими рабочими, основными причинами того, что они потребляли спиртные напитки, являлись «горе, тоска, одиночество, нужда, отсутствие развлечений»[192]. «Пили рабочие почти все время, и в цехе пили, если кто из администрации заметит, попросит уйти, если видит, что не особо пьян, можешь работать, оставляли», – рассказывал один из рабочих того времени[193]. «На фабрике подмастерье Барбарухин убеждал меня жить, как и все, и пить и курить, как и все. – "Иначе ты бу-

[189] Первушин С.А. Указ. соч. С. 63.
[190] Там же. С. 64.
[191] Норов В. Указ. соч. С. 45.
[192] Каспарьянц О. Алкоголизм и бакинские рабочие // Труды… Т. 2. С. 815.
[193] Цит. по: Канфер Е. Повседневное общение рабочих на предприятии и за его воротами: Прохоровская мануфактура и завод Гужона в конце XIX – начале XX в. // Социальная история. Ежегодник, 2004. М., 2005. С. 152.

дешь дурак дураком", – говорил он мне», – делился в своих воспоминаниях тульский крестьянин-мемуарист М.П. Новиков[194].

Показательно, что в начале XX века пациенты тульского приюта для опьяневших (аналог современного вытрезвителя) на 42 % состояли из городских жителей и на 54 % из крестьян. Очевидно, это те крестьяне, кто был занят отхожими промыслами[195]. В то же время традиционным было ничтожно малое число крестьян, находившихся на излечении от различных форм алкоголизма в соответствующих лечебных заведениях. Так, в конце 1900-х годов в амбулатории для алкоголиков Московской психиатрической больницы лечилось 1798 мужчин. Из них только 20 человек были крестьянами. Для сравнения 428 больных являлись фабрично-заводскими рабочими; 261 – торговцами; 143 – лицами духовного звания; 129 – врачами, адвокатами, литераторами и т.д.; 108 – чиновниками[196]. В 1903-1909 годах в амбулаториях Санкт-Петербургского попечительства о народной трезвости крестьяне, проходившие излечение от алкогольной зависимости, составляли 0,8 % от общего числа пациентов[197].

О негативном влиянии отходничества в плане потребления спиртного писала и «бабушка русской революции» Е.К. Брешко-Брешковская: «Другим обстоятельством, вредно влиявшим на нравственность крестьян, были их сезонные откочевки в города, где они работали на фабриках. Эта работа и соблазны городской жизни вели к знакомству с людьми, уже лишившимися всякой морали. К себе на родину крестьяне везли привычку пьянствовать и прочие городские пороки»[198].

Помимо того, что крестьянин в городе приучался практически к каждодневному питию водки, он к тому же не терял своей деревенской привычки

---

194 Новиков М.П. Из пережитого. М., 2004. С. 249.

195 Тейзинг Т.А. Наблюдения в тульском приюте для опьяневших и вытекающие из меры борьбы с народным пьянством по отчетам его за 1904-1908 гг. // Труды... Т. 3. С. 1438.

196 Рыбаков Ф.Е. Наследственность как причина индивидуального пьянства // Там же. С. 1290.

197 Мендельсон А.Л. Лечение алкоголизма в амбулаториях Санкт-Петербургского городского попечительства о народной трезвости // Там же. С. 1361.

198 Брешко-Брешковская Е.К. Указ. соч. С. 292.

широко отмечать различные праздники. Так, доктор А.М. Коровин упоминал о том, что «на масленице 1899 года в фабричном местечке Московской губернии Орехово-Зуево, с населением 10 000 человек, пропито в течение 3-4 дней рабочим людом около 25 000 рублей трудовых денег, железная дорога не успевала доставлять ящики с водкой»[199].

Подобная метаморфоза потребления крестьянина, пришедшего в город на заработки, позволяла некоторым современникам находить ее причины в социально-экономических условиях жизни. О. Каспарьянц, исследовавший потребление спиртного бакинскими рабочими, утверждал, что «капитализм порождает пьянство и что капиталистический строй и трезвость – два взаимоисключающих явления»[200]. Однако, как показала дальнейшая история, смена социально-экономической парадигмы отнюдь не гарантирует отрезвление народа. В этом показателен пример СССР, на исходе существования которого официальные власти в целях борьбы с пьянством даже обратились к «сухому закону».

Помимо пьянства большие промышленные города грозили своим обитателям, в особенности маргинального плана, другими формами девиантного поведения. По данным Д.Н. Бородина, в Санкт-Петербурге в начале XX века фиксировалось около 200 случаев самоубийств в год на один миллион человек, во всей остальной части России – около 30 случаев. Причем число суицидов в столице за несколько десятилетий утроилось[201] (см. также рис. 5 в приложении 4).

Обобщая, стоит сказать, что отходничество на рубеже XIX-XX вв. стало серьезным вызовом для традиционного уклада российской деревни, особенно учитывая масштабы данного явления. По данным А.М. Анфимова, в Европейской России в указанный период 13,9 млн. крестьян занимались различными промыслами помимо земледельческих занятий. Из них 8,3 млн. занимались промыслами в рамках своего уезда, а 5,6 – за его пределами. Причем послед-

---

[199] Коровин А.М. Указ. соч. С. 5.
[200] Каспарьянц О. Указ. соч. С. 799.
[201] Бородин Д.Н. Алкоголизм и самоубийства // Там же. Т. 3. С. 1103.

нюю цифру Анфимов считал даже преуменьшенной[202]. Кроме того, по наблюдениям современников, основным ядром (56,5 %) фабричных рабочих являлось молодое крестьянство, возраст представителей которого колебался от 18 до 35 лет[203]. Среди крестьян Рязанской губернии на рубеже XIX – XX веков была даже распространена поговорка: «Нас кормит не земля, а Москва»[204].

Сельские жители, в особенности земледельческих губерний с сильными патриархальными традициями, осознавали угрозу своему *міру,* шедшую от промышленных городов, знакомство с которыми по выражению современного исследователя В.П. Булдакова выворачивало душу крестьян[205]. Так, крестьяне из Ливенского уезда Орловской губернии, составляя приговор в Государственную думу II созыва, писали о необходимости разрешать работу на отхожих промыслах лишь с одобрения главы семейства, мотивируя свое предложение следующим образом: «В настоящее время все служащие и рабочие по видам в отхожих промыслах заработанные деньги пропивают и проигрывают в карты, не считая нужным в зрелом своем возрасте помогать воспитателям и родителям своим; погибают сами в горниле разврата и разоряют свой семейный очаг, а иногда в таком настроении явившись на родину, не хотят работать, пьянствуют, скандалят и требуют раздела, а затем, получивши свою часть, уходит по виду, бросая семью и расточая все нажитое его предками, шатаясь по чужой стороне как блудный сын…»[206].

Попытки установить определенный контроль над отходничеством вплоть до его ограничения были характерны в большей степени для земледельческих районов страны. В промышленных губерниях процесс поиска заработка на стороне уже зашел к тому времени слишком далеко.

---

202 Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904 гг. М., 1984. С. 34.
203 Смирнов А. Из наблюдений земского статистика // Русское богатство. 1904. № 4. С. 3.
204 Бржеский Н.К. Указ. соч. С. 35.
205 Булдаков В.П. Указ. соч. С. 31.
206 Приговоры и наказы крестьян Центральной России. 1905-1907 гг. Сборник документов. М., 2000. С. 352.

В.П. Булдаков пишет о том, что «в сущности, все новейшие беды России связаны с тем, что ее социокультурное распадение на “город” и “деревню” стало к началу XX в. болезненно заметным на бытовом уровне, а война усилила персональную человеческую остроту этого ощущения. Галопирующая маргинализация (выпадение из без того разрушающихся сословных границ традиционных социумов) довершила дело»[207]. Стоит с большой долей уверенности полагать, что разница в потреблении спиртного в городе и деревне была одним из значительных срезов обозначенной Булдаковым проблемы.

Надо полагать, что отходники по возвращении в родное село могли предпринимать попытки культивирования приобретенных за время жизни в городе привычек, в том числе к частому питию алкоголя, однако было бы ошибочным считать, что эти попытки попадали на благодарную почву. Позиции общины по-прежнему были сильны в начале XX века, даже несмотря на некоторые успехи столыпинской аграрной реформы. А община, главным образом, ее деятельное активное ядро, внимательно следила за тем, чтобы ее члены оставались трудоспособными для ведения полноценного хозяйства, что было несовместимо с регулярным пропиванием сбережений. Поэтому логично предположить, что крестьянин, занимавшийся отходничеством, в городе на заработках демонстрировал одну модель потребления алкоголя – регулярного, практически ежедневного, по прибытии же в деревню возвращался в рамки принятого крестьянством спорадического потребления.

---

[207] Булдаков В.П. Указ. соч. С. 28.

§ 3. Потребление алкогольных напитков молодым поколением и женщинами

Особое внимание необходимо уделить вопросу о том, как в деревне обстояла ситуация с потреблением алкогольных напитков подрастающим поколением. По многочисленным свидетельствам современников знакомство крестьян со спиртным происходило в весьма раннем возрасте, в абсолютном большинстве случаев во время широкого празднования семейных или церковных торжеств.

Доктор А.М. Коровин в 1908 году вместе с коллегами провел опрос в 358 сельских школах Московской губернии на предмет употребления алкогольных напитков учащимися. В своем докладе на Всероссийском съезде по борьбе с пьянством, он цитировал одного знакомого врача, который, описывая крестьянский быт в Калужской губернии, приводил следующий факт: «Ни один престольный праздник, ни одно семейное или иное торжество не обходятся без того, чтобы 3-4 летним и 2-летним детям не давали водки»[208].

Существование подобной традиции применительно к сельским свадьбам подтверждал и Д.Н. Бородин: «По обычаю, жених или отец жениха выносят в холодные сени большой графин водки с закуской и начинают подносить всем по очереди по 2 стакана водки. Маленьким, пришедшим смотреть на свадьбу, наливают такой же стакан»[209].

Известный публицист М.О. Меньшиков приводил слова сельского учителя, который под Рождество дал задание своим ученикам написать в сочинении о том, как они проведут праздник: «Многие ребята написали: “Пойду в гости с родителями и напьюсь пьян”»[210].

---

[208] Коровин А.М. Сельская школа и алкоголизм в Московской губернии // Труды… Т. 2. С. 567.
[209] Бородин Д.Н. Пьянство среди детей // Там же. С. 483.
[210] Меньшиков М.О. Пьяный бюджет // Новое время. 1907. №11 393.

Тот же Коровин приводил примеры, когда старшее поколение активным образом способствовало скорейшему ознакомлению детей с алкоголем. Он цитировал «типичный», по его мнению, ответ ученика в Курской губернии на вопрос «не стыдно ли ему водку пить?»: «Чего ж стыдно? У нас и тятька, и мамка, и дедка, и меньшая сестра пьют, а отчего ж мне не пить? Они так пьют, что к вечеру валяются, а я так напиваюсь только на Великий день, да на свои именины; а больше на ногах держусь»[211].

В другом случае сообщалось, что бывали случаи насильственного спаивания детей собственными родителями: «Одну 11-летнюю девочку пьяный отец так напоил, что она чуть не умерла по ее собственному признанию; другую девочку пьяная бабушка приневоливала пить, и “грудь страшно жгло от водки!” – рассказывала девочка при опросе»[212].

Справедливости ради стоит усомниться в том, что подобные ответы представляли собой типичный материал, а не характерные для всех времен и социальных групп исключительные случаи. Приучение младшего поколения к употреблению алкогольных напитков шло, как правило, через личный пример поколения старшего, которое позволяло себе спиртное, как правило, в строго оговоренные традицией случаи. «Сельские школьники пьют, вернее, поят их, конечно, при тех же самых случаях, что и взрослые», – указывал А.М. Коровин[213].

Более того, у крестьян бытовало мнение, что употребление спиртного с малых лет будет являться залогом того, что, повзрослев, человек не станет пропойцей, вероятно, избежав, таким образом, комплекса «запретного плода». «В простом народе сохраняется убеждение, что, если дитя приучить пить водку сызмала, тогда он не будет пьяницей, не будет даже и пить водку в зрелых годах», – отмечал священник В.Я. Михайловский[214].

---

[211] Коровин А.М. Сельская школа… С. 570.
[212] Там же. С. 569-571.
[213] Там же.
[214] Михайловский В.Я. Друзьям трезвости. Винопитие детей, отроков и отроковиц. СПб., 1891. № 6. С. 11.

Таким образом, дети приучались с ранних лет к тому, что для потребления спиртного есть определенные, относительно немногочисленные поводы, выход за рамки которых является отклонением от норм сельской жизни. Так в деревне у молодого поколения формировалась определенная культура пития, которая, конечно, была далека от идеальных трезвеннических установок, но так или иначе контролировала потребление алкоголя, держала этот процесс в рамках.

Безусловно, раннее знакомство со спиртным, пусть даже не носившее регулярного характера, негативно влияло на растущие организмы крестьянских детей. Однако отдавали ли себе в этом полный отчет сельчане, если, по словам отечественного психиатра И.А. Сикорского, сказанным на закате XIX века, «вред алкоголизма стал точно известен медицине лишь с конца 70-х годов настоящего столетия, до того же времени пьянство скорее привлекало внимание моралистов, нежели врачей, в пьянстве усматривали отвратительную, но не особенно вредную привычку»[215].

Кроме того, нельзя сказать, чтобы дети в деревне каким-то образом отличались от своих сверстников в городе в плане потребления алкогольных напитков. Д.Н. Бородин сообщал о том, что в четырех школах Санкт-Петербурга из 182 учеников 8-13 лет 166 человек были уже знакомы со спиртным, 151 учащийся пил водку[216]. Как видно, в городе также подавляющее большинство школьников пили алкогольные напитки. Более того, дети рабочих, ориентируясь на пример своих родителей, имели больше шансов пристраститься к спиртному, чем их ровесники из сельской местности. По мнению А.М. Коровина, «городской промысловый и рабочий люд обнаруживает сильную наклонность приближаться к ежедневному потреблению спиртных напитков, в виду особых условий городского склада существования»[217].

---

[215] Сикорский И.А. Алкоголизм и питейное дело. Киев, 1897. С. 10.
[216] Бородин Д.Н. Указ. соч. С. 484.
[217] Коровин А.М. Указ соч. С. 567.

Нельзя не отметить и тот факт, что число детей, больных алкоголизмом, то есть регулярно употреблявших спиртное, имевших влечение к нему и, как следствие, страдавших различными физическими и психическими недугами, было сравнительно мало. Из 22 с лишним тысяч школьников Московской губернии в этом смысле алкоголиками можно было назвать 0,7 % мальчиков и 0,4% девочек[218]. Для сравнения отметим, что сто лет спустя регулярными потребителями спиртного в России являются 9,1 % 12-летних детей[219].

Некоторые современники вовсе отрицали факты пития алкоголя детьми или считали их совершенно не типичными. «Среди детей употребление спиртных напитков является как исключение», – утверждал священник из Орловской губернии[220]. «Между тем, пьют только мужчины, хотя говорили тут, что и дети. Но это, так сказать, дворянские дети, может быть, пьют, а крестьянским не до того, не до питья», – говорил в Государственной думе депутат из крестьян И.С. Томилов[221].

В то же время современники признавали, что сравнительно высоким уровнем потребления алкоголя отличалась деревенская молодежь. Депутат-октябрист из Пензенской губернии С.В. Андронов отмечал, что основным потребителем сельских винных лавок являлось молодое поколение, «те подростки, которые, с одной стороны, стараются подражать взрослым, а с другой стороны, к величайшему нашему ужасу и сожалению, думают, что пьянство есть молодечество». «И если бы таких лавок не было, то и пьянства среди той молодежи не было бы», – резюмировал депутат[222].

В.А. Черневский, изучавший потребление алкоголя в деревне Владимирской губернии, делал вывод, что больше всего пьют молодые, малосемейные

---

[218] Там же.
[219] Дудкина О.В. Алкоголизация населения в России: социально-демографические последствия: автореф.… дис. канд. социол. наук. Новочеркасск, 2007. С. 22.
[220] Прот. Н. Миртов. Указ. соч. С. 1142.
[221] Стенографические отчеты. Сессия вторая. Ч. 2. СПб., 1909. Стб. 96.
[222] Там же. Стб. 80.

или неженатые, малоимущие и неграмотные мужчины[223]. Стоит признать, что модернизация постепенно разрушала патриархальный уклад деревни, в начале XX века во взрослую жизнь вступало поколение молодых крестьян, чье мировоззрение существенно расширилось за счет отходничества, распространения грамотности, свободы, зачастую эти молодые люди были свидетелями и участниками революционных событий 1905–1907 гг., что вело к напряжению обстановки в деревне на фоне конфликта отцов и детей.

«В настоящее время патриархальность общины подорвана, сыновья и внуки вышли из-под контроля отцов, авторитет старейших членов общины пал, старики отстранились от схода и общественных дел – уже не они повелевают детьми, а дети ими. На сходах появились водка и подкуп», – сообщали об изменениях в общинной жизни современники[224].

«Драки в деревнях среди деревенской молодежи, уже прошедшей через школы, на деревенских праздниках и гуляньях становились совершенно заурядным явлением, и кровавая, под пьяную руку, расправа была главным средством для сведения счетов, возникших на почве имущественных или романтических отношений», – констатировал князь Борис Александрович Васильчиков[225].

В газете «Речь» за 1907 год описывался следующий случай, произошедший в Череповецком уезде Новгородской губернии: «21 ноября в селе Суды был престольный праздник. Как водится, на праздник вся деревня пьянствовала и гуляла во всю. Некий Л.П. пришел в деревню в гости к своему сыну. Пробыв у родных, Л.П. пошел гулять по селению и встретил компанию молодых людей, среди которых был окончивший техническое училище в Череповце. Вот этот-то молодой человек ни с того, ни с сего ударом ножа убил Л.П. Сыну, вступивше-

---

[223] Черневский В.А. Указ. соч. С. 11.
[224] Тернер О.Г. Общинное владение и частная собственность // Вестник Европы. 1895. № 3. С. 45.
[225] Кн. Борис Васильчиков. Воспоминания. М., 2003. С. 106.

муся за отца, компания отрезала руки, после чего спокойно отправилась догуливать праздник»[226].

Согласно опросу крестьян Владимирской губернии первое место по приучению молодежи к потреблению спиртного играли отхожие промыслы. В пользу них ответил 71 % респондентов. Еще 17 % высказались в пользу того, что вовлечение молодого поколения в процесс пития алкоголя происходило в домашних условиях, 9 % опрошенных отвели эту роль армии[227].

Дело в том, что следствием введения в России в 1874 году всеобщей воинской повинности вместо рекрутского набора стал тот факт, что масса молодых крестьян несколько лет проводила вдали от своей общины, в местах воинской службы. За это время крестьяне могли как научиться полезным умениям и навыкам, в том числе грамоте, так и пристраститься к употреблению алкоголя.

«Нередко парень, поступающий на военную службу трезвым, возвращается в деревню пьяницей солдатом», – утверждал учитель А.Т. Соловьев[228]. Обострение алкогольной проблемы многими современниками отмечалось и применительно к русской армии во время русско-японской войны: «Во время последней войны вопрос об алкоголиках был очень острым, о чем открыто свидетельствует ряд участников войны»[229]. Напомним, что долгое время военнослужащим была положена винная порция. В военное время строевые солдаты получали одну чарку (0,16 л.) три раза в неделю, нестроевые – 2 раза. В мирное время количество выдач чарок солдатам в год доходило до 15. В декабре 1908 года на общей волне борьбы с пьянством выдача винных порций, а также продажа водки в солдатских буфетах, были отменены[230].

Говоря о женском потреблении спиртного, современники отмечали, что для крестьянских женщин в целом не был характерен полный отказ от спиртно-

---

[226] Провинциальная хроника // Речь. 1907. № 289. С. 6.
[227] Черневский В.А. Указ. соч. С. 24.
[228] Соловьев А.Т. К вопросу о борьбе с пьянством // Труды… Т. 3. С. 953.
[229] П.Н. О пьянстве в армии // Новое время. 1907. № 11 416.
[230] Протько Т.С. В борьбе за трезвость: страницы истории. Минск, 1988. С. 32-35.

го, но все-таки представительницы слабого пола в селе пили значительно меньше мужчин. «Хотя крестьянские женщины вообще и не могут похвалиться полным воздержанием, но потребляют крепкие напитки несравненно реже мужчин и более умеренно», – отмечал В. Норов[231]. «Употребление спиртных напитков у нас не распределяется между всеми членами семьи, как на Западе, а сосредоточено почти исключительно на мужчинах, а также на женщинах среднего возраста», – писал И.А. Сикорский[232].

«Пьют положительно все, не только мужчины, но и женщины, девицы и мальчишки-подростки. Но “пьянствующих” нет», – сообщал сельский священник из Пензенской губернии[233]. Священник из Орловской губернии отмечал, что «пьют мужчины, пьют, хотя меньше, и женщины и даже дети»[234].

«Русская баба – эта поистине многострадалица земли русской – только в редких случаях отказывается от заработка, если ей его дают, и только в редких случаях заработок бабы пропивается, а не идет на нужды раздетых и полуголодных детей», – свидетельствовала участница антиалкогольного съезда в Санкт-Петербурге Е.Н. Половцева[235].

Несколько менялась ситуация с потреблением спиртного женщинами в тех регионах страны, где было развито отходничество. Под влиянием того, что мужья значительную часть времени находились на заработках вдали от села, и на женщинах лежал больший груз ответственности и обязанностей работы по хозяйству, последние позволяли себе большего в плане пития спиртного, чем женщины из сельскохозяйственных губерний.

«Причиною пьянства женщин служит то обстоятельство, что мужское население нашего уезда занимается отхожим промыслом в столицы, а женщины в летнюю страдную пору остаются в деревне единственными работницами по

[231] Норов В. Указ. соч. С. 15.
[232] Сикорский И.А. Указ. соч. С. 12.
[233] Прот. Н. Миртов. Указ. соч. С. 1141.
[234] Там же.
[235] Половцова Е.Н. Поддержка кустаря как одна из мер борьбы с пьянством // Труды... Т. 3. С. 1508-1509.

сельскому хозяйству, и вот предоставленные сами себе, как будто вознаграждая себя за свой, можно сказать, непосильный труд, и позволяют они себе время от времени выпить вина (но не пьянствовать)», – сообщалось из Костромской губернии[236].

Обобщая, можно сказать, что традиционная крестьянская культура предполагала раннее знакомство молодого поколения со спиртными напитками в рамках широкого празднования семейных торжеств, при этом речь не могла идти о регулярном потреблении алкоголя, нераспространенного в деревне в принципе.

Ситуация менялась при активном вовлечении сельского населения к заработкам на стороне – отходничеству. Молодежь, оказавшись в городе без общинного контроля, быстро приучалась к регулярному питию вина, женщины, в отсутствии мужей оставались в деревнях, по сути, домохозяевами и одновременно с увеличением обязанностей расширяли и свои права – в том числе и в плане увеличения потребления алкоголя.

---

[236] Прот. Н. Миртов. Указ. соч. С. 1141.

ГЛАВА 2. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ПРОДАЖИ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ В ДЕРЕВНЕ

На протяжении дореволюционной истории в России существовали три системы распространения спиртных напитков: откупная, акцизная и казенная продажи питей. В период существования последней власти взяли в свои руки очень существенный источник доходов, что осложнило трезвенническую борьбу государства, в первую очередь, защищавшего фискальные интересы казны. Сложности трезвенной работы администрации в период винной монополии очень хорошо дали о себе знать при организации борьбы с тайной продажей алкоголя. Кроме того, на период казенной продажи питей пришелся подъем общественного движения, что вызывает вопросы в отношении взаимосвязи потребления алкоголя и революционной активности.

§ 1. Юридические основания казенной продажи питей

Положение о казенной продаже питей было принято Государственным советом и утверждено императором Александром III 6 июня 1894 года. Согласно ему с 1 января 1895 года винная монополия «в виде опыта» распространялась в четырех губерниях империи: Уфимской, Пермской, Оренбургской и Самарской[237]. В 1901 году казенная продажа питей была введена на большей части территории Европейской России, в том числе в центральных губерниях. В 1904 году новая система торговли спиртным распространилась в Енисейской и Иркутской губерниях, а также в Забайкальской и Якутской областях. Винная

[237] ПСЗ-3. Т. 14. С. 404.

монополия не была введена лишь в Закавказье, Средней Азии, Приамурской, Приморской, Камчатской областях.

Высочайше утвержденное положение о казенной продаже питей включало в себя 50 статей, входящих в свою очередь в пять разделов: «общие постановления», «о выделке питей», «о продаже питей», «о заготовлении питей для казенной продажи», «заведывание казенною продажею питей».

Основными принципами винной монополии назывались: сокращение и даже уничтожение пьянства, что должно было привести к увеличению общей суммы государственных доходов по причине подъема благосостояния населения; изъятие питейной торговли из рук частных лиц; ликвидация распивочной торговли в пользу домашнего потребления; создание попечительств о народной трезвости; производство казной вина лишь из ректифицированного спирта; упорядочивание законодательства в части регулирования торговли пивом и виноградным вином[238].

По итогам питейной реформы винокуренная промышленность оставалась в руках частных лиц, тогда как распространение алкогольной продукции брало на себя государство. Цены на покупаемый казной спирт ежегодно определялись Министерством финансов по согласованию с владельцами винокуренных заводов, исходя из сведений об урожайности хлебов и картофеля, а также стоимости производства.

Приобретенный у частных производителей, так называемый «сырой» спирт, проходил ректификацию, то есть очистку от сивушных масел, на специальных казенных или частных заводах под акцизным надзором. Далее полученный 94-95 % спирт попадал на казенные специализированные склады, где его очищали до получения сорокаградусной водки. Казенные пития, надо сказать, делились на три вида: вино обыкновенное в 40 градусов, вино столовое (двойной очистки) в 40 градусов и вино в 57 градусов, распространявшееся в основ-

[238] Казенная продажа вина. Издание Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей. Под ред. Н.О. Осипова. СПб., 1900. С. 13-15.

ном в южных, юго-западных, северо-западных и привислинских губерниях империи[239].

Места продажи питей делились на казенные и частные. К первым относились винные лавки и склады с торговлей на вынос. Ко вторым: оптовые склады пива, меда, русских виноградных вин; заведения трактирного промысла; пивные лавки; погреба для продажи русских виноградных вин; ренсковые погреба; временные выставки для продажи пива, меда и русских виноградных вин. То, сколько и в каких местах открывается винных лавок, решал управляющий акцизными сборами по соглашению с губернатором и градоначальником[240].

Как отмечалось в самом Министерстве финансов, курс на сокращение количества мест распивочной торговли алкоголем был взят еще в середине 1880-х годов[241]. Точкой отсчета стала публикация Правил о раздробительной продаже напитков 1885 года, которые регулировали розничную торговлю спиртным. Согласно этим правилам, питейные заведения России делились на две группы: те, в которых продавали вино распивочно и на вынос, и те, в которых только на вынос[242]. По некоторым подсчетам во второй половине 1880-х годов по стране было закрыто более 80 тысяч питейных домов, торговавших спиртным распивочно[243]. Сохранили свое существование заведения трактирного типа – места, где покупатели могли заказать себе горячую закуску. В то же время начали активно распространяться винные лавки, где потребители покупали спиртное для распития вне их стен.

Государством было установлено пять размеров стеклянной посуды для казенного вина: 1/4, 1/20, 1/40, 1/100 и 1/200 ведра[244]. К 1902 году цена за ведро водки в 40 градусов составляла 7 рублей 60 копеек.

---

[239] Там же. С. 25-36.
[240] ПСЗ-3. Т. 14. СПб., 1898. С. 407. № 10766.
[241] Казенная продажа вина. С. 22-23.
[242] ПСЗ-3. Т. 5. СПб., 1887. С. 201. № 2946.
[243] Курукин И.В., Никулина Е.А. Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина. М., 2007. С. 329.
[244] Казенная продажа вина. С. 34.

Стоит также несколько слов сказать о том, как государство организовывало борьбу с незаконной торговлей алкоголем. Если обратиться к Уставу о питейных сборах 1901 года, регулировавшему производство и оборот спиртных напитков в Российской империи, то можно отметить относительную мягкость санкций, предусмотренных за тайное распространение спиртных напитков. В районах страны, где действовала казенная продажа питей, за торговлю алкогольными напитками без разрешения налагался штраф размером не более 30 рублей, если нарушитель распространял крепкие напитки с неповрежденными печатями, пломбами и этикетками на вынос, или тюремное заключение от 4 до 8 месяцев, если торговля велась распивочно, с повреждением вышеперечисленного. Судебные дела о беспатентной торговле возбуждались по протоколам чиновников акцизного ведомства[245].

В целях противодействия незаконной продаже питей государство при введении винной монополии пошло на ограничение некоторых прав сельских обществ. Так, крестьянство утратило возможность самостоятельно, міром, решать вопрос о существовании в селе питейного заведения. До питейной реформы крестьяне могли за определенную договорную плату позволить желающим открыть в селе кабак. В то же время сельчане оставляли за собой право закрыть его, если, по их мнению, торговля алкоголем начинала причинять крестьянам ощутимые финансовые и нравственные неудобства.

Это неформальное право сельских обществ с распространением казенное продажи питей было серьезным образом ограничено. Во-первых, сельчанам было запрещено брать деньги за открытие питейного заведения. Во-вторых, теперь принимаемые крестьянами решения о закрытии винной лавки одобрялись или отклонялись губернскими управляющими акцизными сборами по согласованию с губернаторами.

В случае возникших между ними разногласий вопрос о существовании питейного заведения должен был решать министр финансов по соглашению с

[245] Фридман М.И. Указ. соч. С. 562.

министром внутренних дел. В случае утверждения приговора о закрытии запрет на питейную торговлю действовал в течение трех лет, после чего крестьяне могли составить новое ходатайство или винная лавка вновь появлялась в селе. Кроме того, если в селе запретительный приговор был составлен еще до учреждения казенной продажи питей, то он также обладал законной силой, по крайней мере, при условии отсутствия тайной продажи вина[246]. Отклонение приговора о закрытии в селе винной лавки имело место в том случае, если чиновниками обнаруживалось, что крестьянские ходатайства «вызваны мотивами, ничего общего с целями отрезвления не имеющими»[247], иными словами, если крестьяне планировали заменить казенное питейное заведение шинком.

Надо сказать, что Министерство финансов очень заботилось о репутационной стороне реформы. К примеру, в финансовом ведомстве внимательно следили за тем, как реализация винной монополии освещается в средствах массовой информации. В 1896 году руководство Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей призвало управляющих акцизными сборами передавать опровержения относительной «неверных сообщений», касающихся питейной реформы, в различные печатные издания[248].

Интересовал чиновников и вопрос о том, кто будет продавать казенную водку. Первое время государство следило за тем, чтобы в казенных винных лавках работали люди благонадежные, пользовавшиеся авторитетом, отличавшиеся в лучшую сторону от нарисованного властями же негативного типажа кабатчика, однако со временем ситуация поменялась. «На должности приказчиков в винных лавках замещены были сперва… даже дамы, но разнузданный потребитель площадною бранью быстро заставил их бросить службу. Место их заняли лица сомнительного качества, способные вести с пьяными компанию или же готовые на всякие скандалы до выпроваживания буйных покупателей по

[246] Казенная продажа вина. С. 43.
[247] РГИА. Ф. 575. Оп. 6. Д. 836. Л. 11.
[248] РГИА. Ф. 575. Оп. 6. Д. 820. Л. 87.

загривку, и нравственное значение казенной продажи вина стало быстро падать», – писал Н.Н. Жеденов[249]. Сомнительный контингент сидельцев казенок сыграл свою неоднозначную роль в годы Первой российской революции. В полицейской справке относительно аграрного движения в Тульской губернии с июня по август 1907 года отмечалось, что главной причиной разросшегося движения является преступная агитация со стороны лиц низшего учительского персонала, а также сидельцев казенных винных лавок»[250].

Не оставалась без внимания государства и проблема того, как должны выглядеть места продажи казенных спиртных напитков. Чиновники заботились о том, чтобы казенное питейное заведение занимало в населенном пункте достойное место. В 1907 году И.Х. Озеров упоминал о циркуляре министерства финансов, согласно которому местным властям рекомендовалось открывать казенные винные лавки на больших и главных улицах городов[251].

Это нередко вызывало непонимание со стороны современников. «Лучшее здание в селе, да иногда и в городе – это питейное заведение, казенный винный завод или склад, а лучшая служба в последнее время – это по винному делу, потому что крупно оплачивается и в будущем обеспечена пенсией, да и знаний-то она никаких не требует», – сетовал М.Д. Челышев[252]. Народный учитель описывал такую ситуацию: «На краю деревни стоит покосившаяся избушка – это школа; в маленькой комнате сидят 40 человек крестьянских детей. Они сидят за изломанными партами и изорванными книгами. … Так наше правительство насаждает просвещение. Недалеко стоит нарядная казенная винная лавка. В хорошей комнате правительство продает яд – алкоголь. Так правительство борется с пьянством»[253].

---

[249] Жеденов Н.Н. Указ. соч. С. 460-461.
[250] Крестьянское движение в России. Июнь 1907 – июль 1914 г. Сборник документов. М., 1966. С. 97.
[251] Озеров И.Х. Русский доходный бюджет // Русское слово. 1907. № 291. С. 2.
[252] Челышев М.Д. Главная причина нашего несчастья. Самара, 1907. С. 19-20.
[253] Протокол вечернего соединенного заседания всех секций 2 января 1910 года // Труды… Т. 1. С. 150-151.

В целом же можно выделить главное противоречие, которое заключало в себе казенная продажа питей: согласно соответствующему законоположению государство должно было одновременно заниматься продажей алкогольных напитков и организовывать трезвенническую борьбу среди населения страны. Торговля спиртным очень быстро стала для государства весьма прибыльным предприятием. В 1913 году бюджет Российской империи почти на четверть состоял из доходов от продажи питей: общий размер доходной части обыкновенного бюджета страны составил 3417,4 млн. руб., из них 899,3 млн. руб. принесла в казну винная монополия [254]. Реализация той части закона, в которой администрации предписывалось заниматься борьбой с чрезмерным потреблением спиртного, зачастую стала носить формальный характер.

В 1914 году правительство совершило поворот в алкогольной политике. В январе император Николай II отправил в отставку министра финансов В.Н. Коковцова. Это произошло благодаря придворной интриге с участием Григория Распутина, В.П. Мещерского, С.Ю. Витте которые ставили Коковцову в вину высокие доходы государства от винной монополии[255]. В высочайшем рескрипте на его имя Николаем II указывалось на то, что «благосостояние казны должно быть поставлено в зависимость не от разорения духовных и хозяйственных сил населения, а от подъема его материального положения и от народного производительного труда, не подрываемого нетрезвой жизнью»[256]. Усилия придворного круга, убравшего с ключевого министерского поста Коковцова, спекулируя на трезвеннической тематике, увенчались успехом. Император, надо сказать, оказался восприимчив к антиалкогольной риторике.

В этой связи для характеристики взглядов Николая II, касаемо рассматриваемой проблемы, интересен следующий эпизод. Когда в начале XX века в России получил распространение вызвавший неоднозначные оценки и во многом

[254] Россия. 1913 год. Документально-статистический справочник. СПб., С. 154.
[255] Аксенов В.Б. «Сухой закон» 1914 г.: от придворной интриги до революции // Вопросы истории. 2011. № 4.
[256] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 112. Д. 90 (3-е делопроизводство). Л. 2.

предвзятый роман И.А. Родионова «Наше преступление», основной мыслью которого был тезис о том, что «народ спился, одичал, озлобился, не умеет и не хочет трудиться»[257], Николай II, по словам государственного секретаря С.Е. Крыжановского, позволил себе следующую рецензию: «Нет, я все-таки этому не поверю. Человек, который это написал, просто не любит народа»[258].

Так или иначе, но сменивший Коковцова на посту министра финансов П.Л. Барк в первой половине 1914 года не спешил пересматривать государственную питейную политику. Все поменялось с началом Первой мировой войны. С 17 июля было принято решение о приостановке продажи спиртного на время мобилизации, 22 августа Николай II повелел продлить этот запрет на весь период войны[259].

Наконец, 13 октября 1914 года высочайше утвержденным постановлением Совета министров было решено: «Впредь до окончания военного времени по ходатайствам заинтересованных общественных учреждений о полном прекращении торговли крепкими напитками таковая прекращается в подлежащих местностях во всех без всякого изъятия местах продажи питей по ходатайствам сельских и волостных обществ, земских собраний и городских дум – распоряжениями губернаторов и градоначальников, по ходатайствам же прочих заинтересованных учреждений в случае признания таковых ходатайств уважительными – распоряжениями министра внутренних дел»[260]. Таким образом, реализация «сухого закона» передавалась в органы местного самоуправления. Казенная продажа питей осталась в истории.

[257] Родионов И.А. Наше преступление. М., 1997. С. 3.
[258] Крыжановский С.Е. Воспоминания: из бумаг последнего государственного секретаря Российской империи. СПб., 2009. С. 142.
[259] Вестник трезвости. 1914. № 236-237.
[260] Там же. № 238. С. 2.

§ 2. Казенная продажа питей и великорусская деревня

Уже в первые годы реализации государственной винной монополии деревня начала ощущать на себе ее экономические последствия. Главным образом, дала о себе знать отмена права сельских обществ брать определенную плату за открытие питейного заведения на территории их усадебной оседлости.

Представители министерства финансов указывали на якобы «непроизводительное расходование» крестьянами средств, полученных от разрешения на открытие в селе кабака. По мнению властей, выручаемые таким образом суммы должны были в массе своей идти на погашение различных платежей, но крестьяне «по неграмотности» не вписывали их в свои податные книжки и в итоге платили дважды. Также, по мнению чиновников, нередко крестьяне могли эти же деньги просто коллективно пропить[261].

Кроме того, чиновники считали, что на самом деле вознаграждение крестьян за право открытия кабака в селе было довольно несущественным, поскольку сельчане в результате появления частного питейного заведения за каждый полученный от кабатчика рубль, возвращали ему в ходе торговли более десяти[262].

Тем не менее, далеко не все, и в первую очередь это касалось сельских обществ, были согласны с подобной постановкой вопроса. По сообщениям из Курской губернии отрицательное отношение местного негородского населения к винной монополии мотивировалось преимущественно лишением доходов от разрешения открывать кабак в селе[263].

По подсчетам российских земств казенная продажа питей лишала крестьян сотен тысяч рублей в год. Так, крестьяне Курской губернии по данным за

[261] Казенная продажа вина. С. 18.
[262] Норов В. Указ. соч. С. 30.
[263] Проппер С.М. Казенная продажа питей и общественное мнение. СПб., 1900. С. 9.

1890-е годы получали от права разрешать на территории сельских обществ питейную торговлю порядка 380 тысяч рублей. Крестьяне Тамбовской губернии – более 450 тысяч, Воронежской – более 560 тысяч[264]. А.Л. Парвус характеризовал лишение сельских обществ дохода от выдачи разрешений на открытие питейных заведений как «ограбление мирских касс». В своей книге «Голодающая Россия» он приводил данные самарского губернского земства, согласно которым сельские общества губернии за 1895-1897 годы потеряли 3 150 000 рублей[265]. Депутат из крестьян В.Ф. Александров рассказывал, сколько потеряли конкретные сельские общества той же Самарской губернии от потери права разрешать на своей территории открывать питейные заведения. По его словам, слобода Новочеркасская получала в год 15 тыс. рублей, селение Пономаревка – 13 тыс. рублей, село Матвеевка – 10 тыс. рублей. Самый малый доход равнялся 100 рублям[266]. По данным Норова, на 1901 год потери сельских обществ от введения казенной продажи питей составили порядка 15 миллионов рублей[267].

Все было не так однозначно, как представляли себе это в финансовом ведомстве, и с использованием крестьянами полученных средств. Многочисленные свидетельства тех лет не позволяют утверждать о непроизводительном использовании «кабацких» денег. Елецкое земское собрание Орловской губернии заверяло, что большая часть средств от разрешительных приговоров сельских обществ об открытии питейных заведений шла на содержание учителей и обслуживание училищ[268]. «Сельские общины остались без всякого вознаграждения, и это тем более печально, что “кабацкие” деньги шли зачастую на дела народного образования, которое является лучшим союзником в борьбе с алкоголизмом», – признавал И.Х. Озеров[269].

---

[264] Фридман М.И. Указ соч. Т. 2. С. 228-229.
[265] Ленин В.И. Случайные заметки // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 421.
[266] Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 3. СПб., 1908. С. 327-328.
[267] Норов В. Указ. соч. С. 29.
[268] Фридман М.И. Указ. соч. С. 228-229.
[269] Озеров И.Х. Казенная винная монополия // Очерки экономической и финансовой жизни России и Запада. М., 1904. С. 314.

Даже в самом Главном управлении неокладных сборов и казенной продажи питей признавали, что суммы, полученные сельскими обществами от разрешения открытия питейного заведения, «расходовались, главным образом, на уплату недоимок казенных и земских, а затем на разные общественные нужды, как-то: приобретение земли, возобновление церквей и часовен, постройку запасных хлебных магазинов, приобретение пожарных инструментов, исправление дорог, осушение полей, призрение членов общества, уплату жалованья должностным лицам общества и т.п., а также и на народное образование: на постройку, ремонт и содержание школ»[270].

Существовали, конечно, и иные традиции распоряжения средствами от кабатчиков за разрешение открыть питейное заведение на территории того или иного сельского общества, которые, впрочем, нельзя считать наиболее распространенными. «Если казна откажется от соответствующего вознаграждения, то крестьяне постараются – из злобы, – чтобы кабака вовсе не было. При этом они не согласны и на то, чтобы эти деньги переводились в зачет сборов, а чтобы непременно поступали на руки и пропивались», – сообщалось о настроениях крестьян Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии в начале введения винной монополии[271].

Нельзя не отметить тот факт, что до введения в России казенной продажи питей аналогичным правом взимания с кабатчиков платы за право открывать на своей территории питейное заведение обладали помимо сельских обществ города, земства, казачьи войска. Они также были лишены этого права с учреждением монополии. Однако, в отличие от крестьянства, государство возместило им понесенные убытки – исходя из средней суммы таких вознаграждений, полученных за последние пять лет до введения казенной продажи питей[272]. Подобный факт вызвал за собой волну возмущения, ходатайств и различных пред-

---

[270] Казенная продажа вина. С. 204.
[271] Проппер С.М. Указ. соч. С. 9.
[272] ПСЗ-3. Т. 14. СПб., 1898. С. 405. №10766.

ложений по компенсированию сельским обществам финансовых потерь. Еще при подготовке проекта питейной реформы Министерства внутренних дел и юстиции выступали за то, чтобы возместить потери сельских обществ – предлагалось с каждого проданного ведра водки в сорок градусов 15 копеек отчислять в пользу сельских обществ, однако финансовое ведомство не пошло навстречу. Не убедили Министерство финансов и многочисленные ходатайства земских учреждений о выдаче пособий для возмещения ущербов сельских обществ после введения казенной продажи питей. Воронежское и псковское земства даже ходатайствовали, разумеется, безуспешно, о повышении цен на вино (на 20-40 копеек с одного ведра) с тем, чтобы излишек возвращать на нужды образования[273].

Депутат Государственной думы третьего созыва князь А.Д. Голицын, между прочим, председатель правления Всероссийского общества винокуров, в качестве антиалкогольной меры предлагал понизить крепость водки при сохранении прежней цены для того, чтобы полученную разницу передавать местным органам власти для распространения просвещения и развития экономических сил народа[274].

Депутат А.И. Предкальн отмечал, что правительство нашло средства «вознаградить, в том числе прибалтийское дворянство, часть помещиков Привислинского края, казачьи войска, и теперь производит вознаграждения некоторым городским самоуправлениям и земствам.

Между тем правительству и в голову не приходило подумать о том, что более в этом вознаграждении нуждаются бедные сельские общества, для которых этот доход от сдачи питейных заведений составлял почти самый крупный ресурс, которым эти общества могли пользоваться для поддержания тех жалких культурных учреждений, которые они имеют»[275].

---

[273] Фридман М.И. Указ. соч. С. 228-229.
[274] Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 2. СПб., 1908. Стб. 58-59.
[275] Там же. Ч. 3. СПб., 1908. Стб. 275.

Возмущение среди депутатов-крестьян вызвали попытки чиновников объяснить, что своего рода компенсацией сельским обществам за потерю права получать денежное вознаграждение от открытия питейного заведения на их территории стала отмена выкупных платежей. А.Ф. Кучинский говорил, что высочайший манифест и указ 3 ноября 1905 года – не что иное, как «милость самодержца нашего, а нам вменяют это в награду»[276].

В. Норов изо всего этого делал следующий вывод: «Итак, деньги сельских обществ, расходуемые прежде на местные нужды, сосредоточиваются теперь в государственном казначействе и идут на общегосударственные цели. Роль местного финансового хозяйства, и без того крайне ограниченная, еще более суживается, ближайшие настоятельные потребности отодвигаются на задний план, общество теряет возможность самому удовлетворять свои насущные нужды и приносит все новые жертвы для гигантского роста нашего государственного механизма. Это соответствует всей общественно-экономической политике последнего времени»[277].

И, тем не менее, экономические убытки сельских обществ не ограничились потерей «кабацких денег». Отечественные экономисты признавали, что винная монополия отнюдь не способствовала увеличению денежного оборота в регионах страны. П.Х. Шванебах отмечал, что от казенной продажи питей особенно пострадал Центрально-черноземный район России, поскольку, по словам специалиста, «ни в одной другой области казна не расходует на местах так мало сравнительно с суммою взимаемых там налогов»[278]. К слову, А.А. Дроздова, участница Всероссийского съезда по борьбе с пьянством, приводила данные, согласно которым из государственного бюджета на душу населения тратилось в Центрально-черноземном регионе – 18 коп., в Восточном – 22,7 коп., в Промышленном – 23 коп., Прибалтийском – 84,4 коп.[279] По сути, правительство

[276] Там же. Сессия вторая. Ч. 2. СПб., 1909. Стб. 86-87.
[277] Норов В. Указ. соч. С. 31.
[278] Шванебах П.Х. Наше податное дело. СПб., 1903. С. 82.
[279] Дроздова А.А. О мерах борьбы с алкоголизмом // Труды... Т. 3. С. 990.

экономило на губерниях Центральной России, направляя значительные финансовые потоки в окраинные районы страны.

«При вольной продаже питей деньги, уплаченные за них населением, не исчезали моментально из оборотов, а оставались некоторое время на местах, в кассах кабатчиков, местных торговцев и т.д. С появлением же казенных винных лавок пропитые деньги тотчас уходят безвозвратно в казенные сундуки и каждые десять дней или две недели перевозятся сборщиками в ближайшие казначейства», – считал Шванебах[280].

Похожие взгляды излагал и И.Х. Озеров: «Население уплачивает крупные суммы, уплачивает во всевозможных формах, опутанное множеством налогов на потребление, но эти средства не возвращаются ему в полезной и производительной работе, вот в чем наше тяжелое положение»[281].

На волне общей критики казенной винной монополии многие экономисты также утверждали, что государство вело питейную торговлю менее эффективно, чем это делали частные виноторговцы, и для получения прибыли нередко просто прибегало к повышению стоимости своей продукции различными способами.

Как уже было отмечено, в начале 1900-х годов цена за ведро водки в 40 градусов составляла 7 рублей 60 копеек. До введения казенной продажи питей стоимость одного ведра колебалась от 5 рублей 50 копеек до 6 рублей. При этом стоимость очистки спирта, что так ставило себе в заслугу государство, составляла по данным заводской статистики 20 копеек на одно ведро. Таким образом, по подсчетам А.В. Пешехонова, уже к 1902 году потребитель переплатил за казенное вино 78 миллионов рублей[282].

При этом власти надеялись приучить население к покупкам водки в мелкой посуде («сотках» и «двухсотках»), считая, что приобретение спиртного

---

[280] Шванебах П.Х. Указ. соч. С. 82-83.
[281] Озеров И.Х. Русский расходный бюджет по проекту росписи на 1908 г. // Русское слово. 1907. № 263.
[282] Пешехонов А.В. Экономическая политика самодержавия. СПб., 1906. С. 27-28.

большими объемами в большей степени способствовало пьянству, и в связи с этим делая оптовые цены выше, чем в домонопольный период. На деле все получилось не совсем так, как рассчитывали чиновники.

Покупки крестьянами алкоголя в крупной посуде были следствием не повышенной тяги к питию спиртного в больших количествах, а сложившегося формата потребления вина в деревне – спорадического, приуроченного к большим церковным и семейным праздникам, когда требовалось щедро угостить односельчан. К концу 1890-х годов доля приобретенных крестьянами спиртных напитков в мелкой посуде составляла лишь 18,5 % от общего числа монопольной водки[283]. В итоге сельчане опять переплачивали.

Экономист Л.В. Ходский также отмечал повышение стоимости ведра водки при введении монополии даже с учетом ректификации. По его словам, «чистый доход от винной операции есть результат замаскированного повышения акциза на вино более чем на 2 ½ коп. с градуса»[284]. При этом Ходский считал, что если бы не это повышение, то казенная продажа питей оказалась бы убыточным предприятием[285].

По мнению В. Норова, переплаты потребителей пошли на покрытие расходов от организации казенной продажи питей. По его подсчетам, без этих переплат винная монополия дала бы дефицит почти в 10 млн. рублей[286].

Общественный деятель правого толка Н.Н. Жеденов приводил данные по Уфимской губернии, одной из первых ощутившей результаты питейной реформы. По его словам, в 1895 году расход на потребление спиртных напитков в губернии составил 1 руб. 84 коп. на одного жителя губернии. При этом годовая сумма казенных и земских повинностей с выкупными платежами равнялась 2 руб. 68 коп. «Следовательно, если бы народ наш не пил вина, то почти две тре-

[283] Шванебах П.Х. Указ. соч. С. 58.
[284] Ходский Л.В. Основы государственного хозяйства. СПб., 1901. С. 296.
[285] Там же.
[286] Норов В. Указ. соч. С. 44.

ти повинностей уплатил бы экономией на вине», – заключал Жеденов[287]. «Несомненно, что зачастую операции по казенной винной монополии ведутся очень нехозяйственно», – замечал И.Х. Озеров. По его сведениям, в 1899 году цены на спирт в ряде губерний были назначены на 20 копеек выше, чем, если бы определялись на торгах.

Кроме того, ректификация спирта обходилась дороже на казенных складах и заводах, чем на частных. Вдобавок продажа одного ведра водки из казенной винной лавки обходилась государственному бюджету в 31,9 коп., тогда как владелец частной лавки тратил 29,5 коп.[288].

Представители Министерства финансов заявляли, что винная монополия затронула интересы 140 тысяч семей, имея в виду тех, так или иначе был связан с частной виноторговлей[289]. В действительности же число пострадавших семей от питейной реформы может идти на миллионы, если в их число включить сельские общества.

Впрочем, от винной монополии в выигрыше осталась не только государственная казна. Правы были те, кто говорил, что казенная винная монополия была помимо всего прочего направлена на поддержание экономического благополучия помещиков, занимавшихся винокурением, за счет гарантированных закупок их продукции. «Казенная винная монополия, создавая обеспеченный сбыт для винокурен сельскохозяйственного типа, тем самым носила покровительственный характер», – отмечал И.Х. Озеров[290]. Критика винной монополии велась и с позиции того, что государство поощряло винокуренную промышленность, использовавшую в качестве сырья помимо картофеля еще и злаковые. «Винокурение уничтожает хлебные запасы, в то же время не достает хлеба голодающим крестьянам», – отмечал один из участников Всероссийского съезда

---

[287] Жеденов Н.Н. Указ. соч. С. 440.
[288] Озеров И.Х. Как расходуются в России народные деньги. М., 1907. С. 92-94.
[289] Казенная продажа вина. С. 17.
[290] Озеров И.Х. Казенная винная монополия // Очерки экономической и финансовой жизни России и Запада. М., 1904. С. 314.

по борьбе с пьянством И.Е. Усачев, гласный Саратовского губернского земства[291].

Подобную политику крестьяне не понимали еще и в домонопольный период. «"Что ж это за порядки, – толковали в народе, – все крестьянство покупает хлеб, а хлеб везут мимо нас к немцу. Цена хлебу дорогая, не подступиться, что ни на есть лучший хлеб пережигается на вино, а от вина-то всякое зло идет"», – приводил А.Н. Энгельгардт слова крестьян, относящиеся еще к 1870-м годам. И далее объяснял: «Мужик не понимает, что чем больше пьют вина, тем казне больше доходу, мужик думает, что денег можно наделать сколько угодно. Не понимает мужик ничего в финансах, но все-таки, должно быть, чует, что ему, пожалуй, и не было бы убытков, если б хлебушка не позволяли к немцу увозить да на вино пережигать. Мужик сер, да не черт его ум съел»[292].

Доходы казны от продажи питей действительно росли с каждым годом. Согласно официальной росписи государственных расходов и доходов, в 1895 году, еще в рамках эксперимента, валовые доходы от винной монополии составили около 23 млн. рублей, чистый доход – 16 млн. В 1900 году эти показатели увеличились до 273 и 188 млн. соответственно. В 1904 году – 547 и 380 млн. (22% дохода казны); в 1909 году – 719 и 522 млн.; наконец, в 1913 году – 899 и 675 млн.[293] Для сравнения другой значительной статьей доходной части обыкновенного бюджета России в предвоенный год стали казенные железные дороги, принесшие в бюджет 813,6 млн. рублей[294]. «Этот блестящий результат достигнут в значительной степени экспроприацией в пользу казны прибыли посредников по продаже спиртных напитков», – писал В.А. Васильев. По его данным, за счет этого казна выиграла от 5 до 35 миллионов рублей[295].

---

[291] Протокол соединенного заседания всех трех секций 28 декабря 1909 года // Труды… Т. 1. С. 100.
[292] Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 408.
[293] Фридман М.И. Указ. соч. С. 238-239.
[294] Россия. 1913 год. Документально-статистический справочник. СПб., С. 154.
[295] Васильев А.В. Финансовая сторона вопроса о борьбе с пьянством в прениях Государственного совета. Пг., 1916. С. 6.

Такая величина питейных поступлений в бюджет в сравнении со статьями расходов государства на социальные и образовательные нужды провоцировала общество на критику экономической политики правительства. В Государственной думе третьего созыва М.Д. Челышев сетовал, что тогда как на образование государство тратило 70 млн. рублей, народ уплачивал в казну, покупая водку, вино и пиво, порядка одного миллиарда. «На рубль учили, а на пятнадцать развращали», – сетовал депутат[296]. Норов видел прибыльность винной монополии в том, что прежние доходы сельских обществ, городских и земских учреждений с введением казенной продажи питей превратились в доходы казны и стали расходоваться не на местные, а на общегосударственные нужды. Монополия, по его мнению, увеличила податное бремя населения «и в результате создала новый вид сложного и громоздкого бюрократического механизма, пожирающего огромные средства, доставляемые потребителями вина»[297].

Таким образов, возможно, в начале реализации винной реформы государство ставило своей целью повысить благосостояние населения, за счет чего обеспечить стабильность поступлений в бюджет. В конце 1894 года министр финансов разослал чиновникам акцизного ведомства в четырех восточных губерниях, где в качестве эксперимента вводилась казенная продажа питей, циркуляр, в котором рекомендовал не заботиться об увеличении потребления вина населением. Желательность понижения потребления спиртного обосновывалась в документе тем, что «при уменьшении потребления крепких напитков образуются сбережения, которые обеспечивают населению возможность более исправной уплаты податей»[298].

Но даже несмотря на заверения самого С.Ю. Витте в том, что казенная продажа питей учреждалась главным образом для реализации трезвеннических устремлений правительства, трудно поверить, что финансовое ведомство в пе-

[296] Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 1. Стб. 652.
[297] Норов В. Указ. соч. С. 45.
[298] Жеденов Н.Н. Указ. соч. С. 440.

риод активизации промышленной деятельности ставило перед собой подобные социальные задачи. Более реальным смотрится умозаключение В.И. Гурко: «На крестьянство Витте смотрел преимущественно как на дешевую рабочую силу для той же промышленности, причем земельное крестьянство было в его глазах не столько производителем ценностей, сколько плательщиком налогов, поступающих преимущественно от потребления им зелена вина»[299].

И.А. Сикорский отмечал, что правительство в качестве одного из положительных моментов винной монополии называло продажу качественного очищенного вина. Однако, по красноречивому замечанию этого известного отечественного психиатра, для развития алкоголизма этот факт в целом безразличен[300].

В целом казенная продажа питей совершенно четко укладывалась в рамки одной из главных тенденций исторического развития русского государства, согласно которой, по словам В.О. Ключевского, его расширение, сопровождалось обогащением «не народа, а казны и отдельных предпринимателей». «Государство пухло, народ хирел», – резюмировал историк[301]. Власти совершенно определенно использовали винную монополию в качестве разновидности взимания косвенных налогов с населения, не увеличивая при этом социальные расходы казны.

---

[299] Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 67.
[300] Сикорский И.А. Указ. соч. С. 25.
[301] Ключевский В.О. Курс русской истории. Полное издание в одном томе. М., 2011. С. 511-512.

§ 3. Шинкарство в великорусской деревне

Как известно, одной из важнейших составляющих антиалкогольной борьбы для любого государства являются предупредительные, запретительные и карающие меры в отношении незаконного оборота спиртного, который, как правило, наносит ущерб бюджету страны, создает благоприятную среду для распространения некачественной продукции, угрожающей жизни и здоровью населения, приводит к алкоголизации населения в целом.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона называет шинкарство синонимом корчемства и определяет как «тайную выделку, провоз и продажу предметов, обложенных акцизом или представляющих регалию казны (вино, пиво, табак, соль)», «чаще всего … тайный провоз и продажу вина»[302]. Стоит отметить, что, несмотря на определенную многозначность термина, в рассматриваемый нами период он употреблялся современниками в подавляющем большинстве случаев как синоним незаконной торговли спиртными напитками.

Исследователи едины во мнении, что самогоноварение в деревне начало развиваться с 1914 года, когда государством был введен ряд ограничений на продажу спиртных напитков, в особенности в селе[303].

Обращаясь к рубежу XIX–XX вв. можно было бы предположить, что с 1895 года, когда в губерниях Российской империи постепенно началась вводиться казенная винная монополия, противодействие государства шинкарству должно было стать еще более жестким.

Однако на деле ситуация обстояла несколько иначе, так, современники отмечали относительную мягкость наказаний за беспатентную торговлю алкоголем. В подтверждение того, что штрафы до 30 рублей или тюремное заклю-

---

[302] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1895. Т. 16. С. 359.

[303] Дейчман Э.И. Алкоголизм и борьба с ним. М., 1929. С. 92; Литвак К.Б. Самогоноварение и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов // Отечественная история. 1992. № 4. С. 76.

чение от четырех до восьми месяцев не страшили желающих заработать на незаконной торговле спиртным, можно привести слова архангельского губернатора С.Д. Бибикова, рассказывавшего следующее: «Подобного рода случай имел место в 1912 году на острове Колгуеве, куда намеревались провезти водку в количестве нескольких ведер для спаивания самоедов, штраф за это был наложен в размере 3 руб., и водка была возвращена»[304].

Критиковались и другие законодательные меры по борьбе с незаконной реализацией алкоголя, например, более строгое наказание – тюремное заключение – в случае торговли напитками с поврежденными печатями и этикетками. «Если закон карает лиц, продающих тайно вино, то совершенно непонятным является, почему поступок их становится менее преступным при продаже вина в запечатанной посуде», – отмечал Д.Н. Бородин[305]. Однако здесь можно предположить, что тем самым правительство боролось со случаями добавления в казенное вино различных примесей, зачастую наносивших вред здоровью.

Можно не сомневаться, что подобное отношение со стороны властей способствовало тому, что шинкарство в годы винной монополии значительно увеличилось. Д.Н. Воронов приводил следующие цифры, характерные для всей Европейской России. В 1902 году на этой территории было зарегистрировано 26 тысяч случаев тайной продажи вина. В 1910 году – уже 61 тысяча[306].

Аналогичные показатели дает региональная статистика. По сведениям акцизного управления в Вологодской губернии в 1905 году в производстве о тайной продаже вина находилось 352 дела, в 1913 – 1134, и это только то, что власти сумели обнаружить[307]. Тот же Воронов сообщал о том, что в 1912 году в Пензенском уезде одноименной губернии на одно село приходилось 10 мест тайной торговли спиртным[308]. «С введением монополии в деревнях развилась

---

304 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 112. Д. 90 (3-е делопроизводство). Л. 75.
305 Бородин Д.Н. Последнее слово о винной монополии // Труды… Т. 2. С. 387-388.
306 Воронов Д.Н. Указ. соч. С. 48.
307 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 112. Д. 90 (3-е делопроизводство). Л. 58об.
308 Воронов Д.Н. Указ. соч. С. 50.

такая бездна шинков, что, пожалуй, что ни двор, то шинок. … Есть дома, где две бабы торгуют водкой – каждая за свой счет и страх», – отмечал в 1907 году публицист М.О. Меньшиков[309].

Экономист И.Х. Озеров находил причины распространенности шинкарства в материальном неблагополучии деревни. «У бедной женщины, одинокой бобылки, нет коровы, нет даже овец, домашнее хозяйство в полном упадке. Да и велико ли оно? Две ложки, ухват, один горшок. Что остается такой бабе делать, если есть хоть капля энергии. Конечно, шинок завести: это и легко и выгодно. … А количество захудалых хозяйств у нас растет», – отмечал Озеров[310].

К похожим выводам пришла комиссия по борьбе с пьянством, работавшая в Государственной думе третьего созыва. Ею отмечалось, что «в центральных губерниях империи корчемством занимаются солдатки, вдовы и вообще небогатый люд, имеющий оборотный капитал в несколько десятков рублей, в западных губерниях корчемство носит уже чисто капиталистический характер»[311].

Это утверждение на основе материалов по Пензенской губернии с некоторыми корректировками подтверждал Воронов, отмечая, что шинкарством занималось «рядовое крестьянство средней состоятельности и среднего морального облика, не ради крупной наживы, а для устранения некоторых прорех в хозяйственном бюджете»[312]. Для него средний статистический шинкарь – это женщина, «соблазнившаяся легким способом заработать лишнюю копейку, чтобы заполнить прорехи в своем ”бабьем бюджете”»[313]. По сведениям Воронова, годовой оборот шинка давал 50-60 рублей заработка, что для женщины весьма и весьма неплохо[314].

---

309 Меньшиков М.О. Пьяный бюджет // Новое время. 1907. № 11393.
310 Озеров И.Х. На темы дня. К экономическому положению России. М., 1912. С. 90.
311 Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия 1. 1907-1908 гг. СПб., 1908. Стб. 2391.
312 Воронов Д.Н. Указ. соч. С. 57.
313 Там же. С. 51.
314 РГИА. Ф. 575. Оп. 6. Д. 827. Л. 151.

«В деревне на сорок дворов можно насчитать 10-15 шинков; бывает в одном дворе по два шинка, т.е. торгует, например, свекровь и в то же время совершенно самостоятельно ее сноха. Шинкарствует обыкновенно женщина, что особенно грустно, так как женщина доселе была образцом трезвости и она же мученицей от пьянства буйных мужей или сыновей», – сообщалось из Данковского уезда Рязанской губернии[315].

При удобном случае и население пригородных промышленных районов страны не упускало возможности подзаработать на продаже спиртного из-под полы в праздничные дни. «Вследствие громадного спроса на водку и ограниченной торговли таковой в казенных винных лавках и трактире в Сормове на святках замечалось усиленное развитие тайной продажи спиртных напитков. Некоторые предприимчивые сормовцы, предвидя хорошие барыши, запаслись водкой и пивом как бы для домашнего потребления и впоследствии прекрасно торговали, наживая изрядные проценты на затраченный капитал. У них можно было достать водки в какое угодно время дня и ночи», – сообщалось в Нижегородских губернских ведомостях[316].

Специфику борьбы государства с тайной продажей вина составлял также тот факт, что шинкарство, как ни странно это звучит на первый взгляд, отвечало фискальным интересам казны. Дело в том, что держатели шинков закупали продукцию для своей торговли в казенных винных лавках оптом и притом регулярно, что не являлось секретом ни для народа, ни для чиновников министерства финансов, ни для полиции.

Об этом свидетельствует характерная запись в журнале Особого совещания представителей ведомств Орловской губернии, созванного в апреле 1914 года для обсуждения мер борьбы с чрезмерным потреблением спиртных напитков: «Самая организация продажи вина в казенных винных лавках создает благоприятные условия для развития корчемства. Так, продавцы казенных винных

[315] Прот. Н. Миртов. Указ. соч. С. 1160.
[316] Корреспонденции // Нижегородские губернские ведомости. 1902. № 2.

лавок не только не способствуют искоренению этого зла, а, наоборот, упрочивают его, поддерживая деятельность шинкаря продажей ему оптом большого количества вина, чем при продаже его в розницу отдельным потребителям»[317].

Причина этого – материальный интерес продавца казенки: за доставку вина со склада в лавку он получал определенную плату с каждого ведра, к тому же увеличение оборотов лавки вело к ее переводу в высший разряд с соответственным увеличением вознаграждения сидельца. Так, годовой оклад продавца в лавке первого разряда доходил до 360 рублей, второго – до 540 рублей, третьего – до 700 рублей[318]. Разница, бесспорно, весьма существенная для того, чтобы активно работать по направлению к повышению прибыльности казенной винной лавки.

Кроме того, как отмечала комиссия по борьбе с пьянством в Государственной думе третьего созыва, «сиделец винной лавки заинтересован в том, чтобы в районе его лавки было возможно больше лиц, занимающихся корчемством, потому что это облегчает его труд, давая ему возможность торговать сравнительно большими партиями и не весь день сидеть за прилавком»[319].

Нередко продавцы казенного вина злоупотребляли своим положением. «Закрытие… винной лавки необходимо еще и потому, что сиделец ее Медведев после закрытия казенки переносит торговлю водкой по соседству в свой собственный дом, при котором им устроен постоялый двор и торгует там и ночью, и в праздники. Спаивание ведется ужаснейшее…», – говорится в прошении дворянина С.Ф. Еленина о закрытии по «мольбам крестьян» казенной винной лавки в селе Лубни Смоленского уезда той же губернии[320].

Участник Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством Н.С. Соколов, рассказывая о ситуации, когда в одном селе после закрытия казенной лавки возникло три места тайной продажи вина, приводил слова бездейство-

[317] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 112. Д. 90 (3-е делопроизводство). Л. 79 об – 80.
[318] Казенная продажа вина. С. 39.
[319] Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Стб. 2391-2392.
[320] РГИА. Ф. 575. Оп. 6. Д. 827. Л. 28.

вавшего местного земского начальника: «Казна ничего не теряет, все равно продается казенное вино, а я спокоен, что никаких экспроприаций не будет»[321].

«Можно, однако, с уверенностью сказать, что если где совершается беспатентная торговля, если где происходит незаконное распитие питий, то это может совершаться только с ведома местной полиции, как низшей, так и высшей», – считал Н.Н. Жеденов[322].

По данным Д.Н. Воронова, касающимся Пензенской губернии, на долю шинкарей приходилось 39 % от всего вина, забираемого в казенной лавке в одном селе за год, что представляет собой довольно существенную цифру[323].

Ф.Я. Несмелов отмечал, в 1913 году 20 % водки, проданной в селе, было реализовано в шинках. Таким образом, по его сведениям, крестьяне за год переплатили около 12 миллионов рублей[324], покупая спиртное у держателей незаконных питейных заведений, которые помимо надбавки к цене водки за ее доставку из казенной винной лавки, нередко разбавляли свою продукцию водой, а также добавляли в нее различные отнюдь не безопасные для здоровья примеси[325].

Современники также отмечали, что тайная продажа вина попросту девальвировала все положительные моменты казенной продажи питей. «Разве можно придавать значение сокращению питейных заведений при монополии, если развивается прямо до ужасающих размеров тайная продажа питей и если каждая площадь и улица превращаются в кабаки огромных размеров?», – вопрошал В. Норов[326].

Анализируя причины сложности борьбы с шинкарством, помимо двойственного отношения к нему властей на местах можно выделить еще две. Обе

321 Соколов Н.С. Меры борьбы с пьянством по проекту Государственной думы и министерства финансов // Труды… Т. 2. С. 896.
322 Жеденов Н.Н. Указ. соч. С. 473.
323 Воронов Д.Н. Указ. соч. С. 51.
324 Цит. по: Протько Т.С. В борьбе за трезвость: страницы истории. Минск, 1988. С. 40.
325 Варб Е. Общественно-педагогическое значение деятельности попечительств о народной трезвости. М., 1899. С. 17-18.
326 Норов В. Указ. соч. С. 57.

связаны с отношением местного населения к тайной торговле спиртным на территории их проживания, точнее с мотивами, позволявшими крестьянам во многих случаях отказываться от борьбы с тайной торговлей алкоголем или даже ее покрывать.

С одной стороны речь может идти о страхе сельчан пред угрозами. Об этом писал врач И.И. Рождественский, проводивший в 1913 году анкетный опрос о пьянстве сельского населения Уфимской губернии: «Бороться с шинкарством становится очень и очень опасно: шинкари пользуются хулиганами с целью наводить страх на односельчан, обнаруживающих какие-либо тенденции стеснить их в таком выгодном занятии, как шинкарство»[327].

С таким утверждением можно отчасти согласиться, однако стоит отметить, что благополучие держателей мест тайной продажи вина основывалось не только и не столько на страхе крестьян перед местью, сколько на ряде выгод, получаемых сельскими обывателями от существования шинка в их деревне.

В том же журнале Особого совещания представителей различных ведомств Орловской губернии 1914 года имеется следующая запись: «Местный шинкарь, связанный с деревней родственниками и житейскими связями, является к услугам местного населения в нужную минуту, избавляя односельцев от необходимости поездки в соседнее село за водкой, снабжая водкой нередко на льготных условиях не за наличные деньги, а под залог домашнего скарба, и эти услуги оцениваются односельцами, видящими в шинкаре не нарушителя неведомого им акцизного устава, а своего человека, нуждающегося в их охране от притязаний полиции и акцизного надзора»[328]. Вывод Рождественского также неубедителен, если согласиться с тем, что в значительной степени шинкарство в великорусской деревне было уделом женщин.

Стоит также отметить, что далеко не всегда у представителей властей получалось поймать шинкарей, что называется, за руку. И.Х. Озеров пересказывал

[327] Рождественский И.И. Указ. соч. С. 27.
[328] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 112. Д. 90 (3-е делопроизводство). Л. 79 об.

историю, как один чиновник акцизного ведомства пытался бороться с незаконной торговлей алкоголем, покрываемой местным населением: «Взялся за дело один акцизный чиновник с товарищем, нарядились они охотниками, зашли к мужику и попросили яиц, чаю, водки. Мужик им всего этого дал. Подошло дело к расплате: "Сколько дашь за чай? – Тридцать копеек. – А за яйца? – Шестьдесят копеек! – Дорого, дорого. Ну, а за водку? – Помилуйте, – говорит мужик, – да разве я могу водкой торговать? Водкой я вас угостил, а за хлеб-соль денежки получил, и на том спасибо!" Таким образом, сами же акцизники деньги за водку заплатили, но хозяина не уличили»[329].

В продолжение темы Воронов отмечал, что «шинки за очень редкими исключениями вовсе не служат притонами массового пьянства, тем более разврата и карточной игры, как это принято думать»[330].

Причина этого видится в спорадическом характере потребления спиртных напитков крестьянами, которым спиртное было необходимо, как правило, лишь в установленные традицией дни. Таким образом, можно предположить, что очень часто шинки существовали в селах, пользуясь поддержкой местного населения, главным образом за то, что их держателями были свои же односельчане, с которыми всегда можно было бы договориться в вопросе приобретения спиртного.

При этом не всегда имел место процесс спаивания жителей села с их последующим материальным разорением. «Тайная продажа водки есть в каждом селении, но это не способствует ни к прекращению, ни к развитию пьянства», – отмечал священник из Казанской губернии[331].

Благополучие шинкарей состояло еще и в том, что крестьяне видели в шинках более привычные для себя, чем казенные лавки, кабаки – места, распивочной торговли, где не только можно выпить водки, но и поговорить с люд-

---

[329] Озеров И.Х. Казенная винная монополия // Очерки экономической и финансовой жизни России и Запада. М., 1904. С. 355.
[330] Воронов Д.Н. Указ. соч. С. 54
[331] Прот. Н. Миртов. Указ. соч. С. 1162.

ми, обменяться новостями, обсудить дела, переждать непогоду и т.д. Корреспондент «Нижегородских губернских ведомостей» сообщал о том, что в развитии шинкарства «виновата сама монополия, заставляющая пить на улице при 25-30° мороза; в виду этого поневоле создаются такие места, где пьющие находят приют от холода»[332].

Казенная винная лавка, где нельзя было употреблять спиртное, и где крестьянина встречал, по сути, государственный служащий, казалась сельским обывателем чуждым их миру заведением. Крестьяне Воронежской губернии в начале введения винной монополии признавали, что им «не особенно удобно будет ходить “в кабак к чиновнику”»[333]. «Население, безусловно, не сочувствует казенным лавкам, оно покрывает всякого корчемника», – отмечал участник Всероссийского съезда по борьбе с пьянством М.Г. Котельников[334].

Не способствовало борьбе с шинкарством и ограничение права крестьян закрывать питейное заведение в селе. Чиновники в этом вопросе оставляли последнее слово за собой, боясь, что сельчане станут добиваться прекращения работы казенных винных лавок для того, чтобы дать зеленый свет держателям шинков.

Логика государства понятна – вполне можно допустить случаи, когда сельский сход постановлял о закрытии казенной лавки в селе за определенное вознаграждение со стороны держателя шинка, желающего избавиться от конкуренции. Ситуация осложняется, если допустить правомерность логики участников Особого совещания представителей ведомств Орловской губернии, утверждавших, что продавцы казенных винных лавок поддерживают шинкарей. В этом случае закрытие казенки существенно осложняло ведение тайной торговли – ведь чем дальше находилась лавка, тем накладнее было вести дело корчемникам, расходующим средства на доставку спиртного.

---

[332] Корреспонденции // Нижегородские губернские ведомости. 1902. № 4.
[333] Проппер С.М. Указ. соч. С. 9.
[334] Котельников М.Г. Что дала России винная монополия // Труды… Т. 2. С. 466-467.

Видимо, и в этой ситуации фискальный интерес казны преобладал над задачами государства ограничивать потребление спиртного. В подтверждение этого можно привести слова прокурора архангельского окружного суда С.Р. Некраша, которому «неоднократно приходилось давать заключение в Комитете трезвости о необходимости закрытия винных лавок. Представитель акцизного ведомства всегда замечал, что просьба о закрытии винной лавки удовлетворена ни в коем случае не будет»[335].

Об этом же свидетельствовали сами крестьяне. Один из авторов газеты «Русские ведомости» писал о том, что как-то поинтересовался у жителя большого села, отчего сельчане не просят о закрытии казенной лавки, оказывавшей негативное влияние на хозяйственный и моральный облик жителей. В ответ услышал твердое: «Все равно не закроют»[336].

Между тем, современники считали, что именно право крестьян решать судьбу питейного заведения в местах их усадебной оседлости и получать за это денежное вознаграждение, могло бы быть действенным инструментом в борьбе с шинками, как это и было в домонопольный период в России. «Кабатчик … уплачивал крупные деньги казне и сельским обществам, а потому он не мог допустить корчемной торговли и делиться выгодами от торговли вином; тайные шинкари были его врагами и кабатчик боролся с ними всеми способами и на его стороне были и сельские общества, заинтересованные, при лучшей торговле, получить с него большие суммы за право торговли», – утверждал Д.Н. Бородин[337]. Н.Н. Жеденов предполагал, что именно участие сельских обществ в получении прибыли от функционирования на их территории питейных заведений во многом должно было способствовать возвращению торговли алкоголем в законное русло, борьбе с шинкарством[338].

---

[335] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 112. Д. 90 (3-е делопроизводство). Л. 74об.
[336] Северянин. Борьба с алкоголизмом // Русские ведомости. 1907. № 288.
[337] Протокол заседания третьей секции 5 января 1910 года // Труды… Т. 1. С. 185.
[338] Жеденов Н.Н. Указ. соч. С. 483-484.

Смоленское земство в 1897 году даже предложило, чтобы судьбу питейных заведений решали уездные попечительства о народной трезвости, исходя из соответствующих приговоров сельских обществ. Однако в Министерстве финансов ответили отказом[339].

Подобное отношение государственных органов способствовало распространению точек незаконной торговли спиртным, что не могло не приносить свои плоды. Тот же Воронов писал о том, что «шинкарство серьезно увеличивает потребление»[340]. В.А. Черневский, изучавший потребление спиртного во Владимирской губернии в начале XX века, пришел к следующему выводу: «… три основных причины способствуют пьянству местного населения: “темнота народная”, шинки и оторванность молодежи от семьи»[341]. И.И. Рождественский указывал на то, что 37 % опрошенных им респондентов причиной неумеренного употребления алкогольных напитков назвали наличие шинков, 32 % – различные сельские торжества, 25 % – неграмотность[342].

Вопрос о тайной продаже вина сделался даже причиной одного инцидента, произошедшего на Всероссийском съезде по борьбе с пьянством 1909–1910 годов. На одном из секционных заседаний форума докладчик Д.Н. Бородин заявил, что Министерство финансов «покровительствует» шинкарству. В ответ представители финансового ведомства покинули съезд, посчитав данное заявление «в высшей степени оскорбительным и совершенно недопустимым» в отношении государственного органа[343].

Нельзя не сказать и о том, что ситуация, когда представители властей и крестьяне отдавали себе отчет в том, что шинкарство запрещено на официальном уровне, но или закрывали на него глаза, или даже активно покрывали и яв-

[339] Озеров И.Х. Казенная винная монополия // Очерки экономической и финансовой жизни России и Запада. М., 1904. С. 336.
[340] Воронов Д.Н. Указ. соч. С. 55.
[341] Черневский В.А. Указ. соч. С. 26.
[342] Рождественский И.И. Указ соч. С. 29.
[343] Протокол соединенного вечернего заседания всех секций 3 января 1910 года // Труды… Т. 1. С. 156.

лялись потребителями продукции корчемников, несомненно, способствовала развитию пренебрежительного отношения к закону в деревне. «Известны такие местности, где тайная торговля настолько развилась, что население потеряло всякое представление о незаконности ее, она производится явно на глазах у всех», – писал В. Норов[344].

В связи с этим кадет В.А. Караулов убеждал коллег в Государственной думе третьего созыва: «Не ставьте население в конфликт с законом и в такой конфликт, в котором закон будет побежден, потому что всякое такое нарушение есть само по себе деморализующий момент»[345].

Необходимость активизации борьбы с тайной торговлей спиртным встала на повестку дня в России в период функционирования Государственной думы третьего созыва. Там эта тема поднималась в рамках разработки общего законопроекта по борьбе с пьянством в стране. Он был принят Государственной думой через 4 года после его внесения – в декабре 1911 года, и содержал в себе помимо прочего несколько моментов, ужесточивших наказания за торговлю спиртным без соответствующего разрешения. В первый раз виновные согласно законопроекту должны были подвергаться штрафу от 10 до 100 рублей и аресту до 3 месяцев, при дальнейших аналогичных нарушениях – штрафу от 30 до 300 рублей и лишению свободы от 2 недель до 1 года. Кроме того депутаты предусмотрели возможность стимулирования усилий местных властей по борьбе с шинкарством. Так, за обнаружение мест тайной продажи алкогольных напитков представители полиции, сельской и волостной администрации могли претендовать на вознаграждение в пределах половины стоимости конфискованного товара, при этом – не менее 15 рублей. С другой стороны законопроект предполагал ужесточение наказания за укрывательство местными властями тайной торговли – штраф от 5 до 50 рублей или арест от 3 до 14 суток[346].

---

[344] Норов В. Указ. соч. С. 29.

[345] Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 2. СПб., 1908. С. 66.

[346] Одобренный Государственною Думою законопроект о мерах борьбы с пьянством (об изменении и дополнении некоторых, относящихся к продаже крепких напитков, постановле-

Весной 1914 года в ряде губерний были созваны особые совещания по борьбе с пьянством, в заседании которых принимали участие представители администрации, полиции, Церкви. Согласно протоколам этих заседаний, одной из главных причин неумеренного потребления спиртных напитков в деревне называлось шинкарство[347].

Уфимский губернатор П.П. Башилов в письме губернскому управляющему акцизными сборами Ю.И. Модейскому в 1914 году предлагал увеличивать награды полицейским пропорционально количеству протоколов об обнаружении мест тайной продажи вина, а также утверждать ходатайства сельских обществ о закрытии казенных винных лавок лишь при условии выбора на сельском сходе лиц, обязующихся следить за отсутствием в селе шинков. Кроме того, учитывая тот факт, что шинкари запасались товаром в казенных лавках, Башилов предложил устанавливать слежку за лицами, приобретающими спиртное в количестве, превышающем «домашнее потребление»[348]. Эти предложения вызвали одобрение со стороны министра финансов П.Л. Барка[349].

Неизвестно, какая судьба, в конечном счете, постигла бы антиалкогольный законопроект, разрабатывавшийся и обсуждавшийся на разных уровнях более шести лет. В августе в связи с началом Первой мировой войны в Российской империи был введен «сухой закон». В истории борьбы за трезвость открылась новая страница.

Подводя итоги, можно отметить, что благополучие и определенный рост незаконной торговли алкогольными напитками были обусловлены двумя основными факторами. С одной стороны, это формальное отношение к проблеме со стороны государства, де-факто смотревшего на шинкарство, как на один из инструментов пополнения бюджета страны. В то же время государство в пери-

---

ний) // Челышов М.Д. Речи, произнесенные в Третьей Государственной Думе, о необходимости борьбы с пьянством и по другим вопросам. СПб., 1912. С. 690-701.

[347] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 112. Д. 90 (3-е делопроизводство). Л. 58, 74, 79.

[348] Там же. Л. 37-39.

[349] Там же. Л. 48.

од активизации трезвеннической борьбы могло выставить шинкарство своего рода жупелом, объявив его главной причиной пьянства. Такая постановка вопроса избавляла чиновников от необходимости выявлять глубинные социально-экономические и духовные причины потребления народом спиртного, дававшего до трети дохода казны.

С другой стороны, само крестьянство не стояло единым фронтом в борьбе с корчемством. До определенного момента наличие шинка в деревне устраивало сельчан из-за возможности в любое время быстро получить нужное количество спиртного, если казенная лавка находилась далеко. Такая необходимость вполне могла возникнуть в деревне в случае, если, к примеру, крестьянин хотел отблагодарить соседа за какую-либо оказанную помощь, поставить магарыч сельской администрации и т.п. Кроме того, постоянной клиентурой шинков были сельские пьяницы, которых, впрочем, было, как указывалось, очень скромное число. Крупные закупки алкоголя несколько раз в год к престольным праздникам, свадьбам, крестинам и т.п. крестьяне вряд ли совершали в шинках, чтобы избежать переплаты.

Все эти факторы в совокупности и являлись причиной довольно скромной прибыли отдельно взятого шинка в великорусской деревне. Однако благоприятные условия для занятия шинкарством способствовали его распространению, как сравнительно легкому способу поправить хозяйственные дела. В свою очередь появление в селе нескольких точек незаконной продажи вина, несомненно, являлось фактором, стимулирующим потребление спиртного. Роль государства могла бы стать ключевой в ограничении этого процесса. Тем не менее в рассматриваемый период ситуация складывалась иначе. Предполагаемое Государственной думой ужесточение наказаний за шинкарство смогло бы при реализации сыграть определенную роль в борьбе с незаконной торговлей алкоголем.

Однако предложение – результат спроса, и одних карающих механизмов в данном направлении недостаточно. В прессе того времени сообщалось о си-

туации, когда в селе Бусаеве Рязанской губернии после закрытия винной лавки крестьяне обратились к властям с жалобой: «Водку отняли, а взамен ее ничего не даете»[350]. Очевидно, что борьба государства со злоупотреблением спиртным должна вестись не только посредством запретов, но и с помощью мер, направленных на удовлетворение культурных запросов населения, в противном случае заполняющего нечастные периоды досуга потреблением алкоголя.

[350] Там же. Л. 34.

§ 4. Алкоголь и революционные выступления в России

Потребление алкоголя во все времена – явление чрезвычайно многогранное, внимательно рассматривая которое можно анализировать события и процессы экономической, культурной, политической, общественной жизни государства. Ответы на вопросы о том, что, как, когда, зачем, сколько пили люди в определенных исторических условиях, иной раз помогают глубже проникнуть в суть тех или иных социальных явлений.

Изучение размеров потребления спиртных напитков в России в 1900-х годах дает один очень любопытный факт. Динамика этого процесса дает скачкообразный рост потребления алкоголя в городах и уездах страны применительно к 1906 году[351]. К примеру, в Московской губернии в 1906 году было продано на 300 тысяч ведер казенного вина больше (всего – 1 797 000 ведер), чем в 1905 году[352].

Депутат М.Д. Челышев на заседании Государственной думы третьего созыва отмечал, что в 1902 году в России было выпито 63 млн. ведер водки, а в 1906 году – 85 млн.[353].

«В Московской губернии в это время хотя и было спокойно, но недоимки все росли, население очень плохо вносило платежи, а между тем тайная торговля вином все больше и больше распространялась, и пьянство среди населения заметно увеличивалось», – оставил в своих воспоминаниях московский губернатор В.Ф. Джунковский, который в связи с таким подъемом потребления спиртного даже опубликовал обращение к населению, в котором описывал негативные последствия пьянства для благосостояния хозяйства и общественного правопорядка[354].

---

[351] Озеров И.Х. На темы дня. К экономическому положению России. М., 1912.
[352] Московские вести // Русское слово. 1907. № 258.
[353] Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 1. СПб., 1908. С. 317.
[354] Джунковский В.Ф. Воспоминания. В 2 т. Т. 1. М., 1997. С. 182.

Современники уже по горячим следам Первой российской революции начали выяснять взаимосвязь между потреблением спиртных напитков и степенью развития общественных движений, их масштабами и результатами. Представитель Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей Министерства финансов А.А. Шумахер, дискутируя в 1909 году с участниками Всероссийского съезда по борьбе с пьянством, подчеркивал, что повышение потребления алкоголя на протяжении 1900-х годов характерно лишь для 1906 года «по всем известным исключительным условиям, которые приходилось переживать в России»[355]. «Вот так была пропита великая русская революция», – констатировал в те годы публицист А.С. Изгоев[356].

Стоит признать, что нередко попытки установить какую-либо взаимосвязь с потреблением алкогольных напитков и революционными событиями были продиктованы не столько желанием найти истину, сколько идеологическими мотивами, стремлением дискредитировать политических оппонентов.

Так, в 1907 году доктор медицины Н.Н. Шипов на одном из заседаний монархической организации «Русское собрание» выступил с докладом «Алкоголизм и революция», в котором назвал алкоголь почвой, на которой выросла русская революция. Шипов утверждал, что «пропойца является одним из лучших последователей и пропагандистов революции… лучшим исполнителем революционных постановлений, так как у алкоголика притуплено нравственное чувство и сильно развита жестокость, почему он легко соглашается убивать просто за деньги, по найму, и при том, беря совершенно недорогую плату, каковую он немедленно же пропивает»[357].

Резюмируя, Шипов называл алкоголика «нужным человеком для революции»[358], подчеркивая заинтересованность сил, стремящихся к насильственной

---

[355] Протокол вечернего соединенного заседания всех секций 2 января 1910 года // Труды… Т. 1. С. 150.
[356] Изгоев А.С. Пути развития России // Русская мысль. 1908. № 3. С. 152.
[357] Шипов Н.Н. Алкоголизм и революция. СПб., 1908. С. 35.
[358] Там же.

смене государственного строя, в увеличении потребления спиртного населением.

Подобные взгляды не были редкостью и, как правило, являлись одним из элементов политической риторики людей правых взглядов. «Революция нашего обывателя научила, действительно, и пьянствовать, и бездельничать», – утверждал в Государственной думе третьего созыва депутат-монархист священник Константин Рознатовский[359]. Его коллега октябрист М.Д. Челышев в Думе говорил, что «народ трезвый никогда не пошел бы ни на какое насилие»[360] и что революционный террор на 90 % – «последствие всесильно царствующего кабака»[361]. Несомненно, такой подход содержит в себе некоторое упрощение проблемы, имеющей более глубокие корни.

Другая точка зрения гласила, что власть намеренно способствовала увеличению потребления спиртного, чтобы посредством горячительных напитков сбавить градус революционной активности населения. Еще Н.А. Некрасов писал:

У каждого крестьянина
Душа что туча черная –
Гневна, грозна, – и надо бы
Громам греметь оттудова,
Кровавым лить дождям,
А всё вином кончается[362].

«Бабушка русской революции» Е.К. Брешко-Брешковская писала о том, что государство намеренно стимулировало народное пьянство «из политических и финансовых соображений»[363].

---

[359] Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 1. СПб., 1908. Стб. 2092.
[360] Там же.
[361] Стенографические отчеты. Сессия вторая. Ч. 2. СПб., 1909. Стб. 28.
[362] Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо // Он же. Сочинения в 3 т. М., 1959. Т. 3. С. 112.

Подобные взгляды также излагал член организационного комитета Всероссийского съезда по борьбе с пьянством М.Г. Котельников, задававшийся вопросом, одни ли финансовые выгоды на самом деле преследовала винная монополия[364].

Современный исследователь С.А. Павлюченков, анализируя результаты революций в России начала XX века, пришел к следующему выводу: «Печально отразилось на карьере Николая II и всей романовской династии его опрометчивое решение о введении в 1914 году “сухого закона”. Переизбыток народных эмоций не растворился в вине, а воплотился в революцию»[365].

Чтобы разобраться с причинами роста потребления спиртных напитков в годы Первой российской революции, необходимо прояснить несколько важных моментов, одним из которых является алкогольная политика государства.

В годы Первой российской революции, во время которой, по логике Павлюченкова, «переизбыток народных эмоций растворился в вине» в отличие от 1917 года, в России действовала казенная продажа питей. Ее введение в 1894 году сопровождалось объяснением, что основное назначение питейной реформы состояло в «уменьшении пьянства», подчеркивалось, что с этой задачей может справиться лишь государство. Однако тот факт, что в начале XX века доходы от винной монополии стали составлять до трети бюджета страны, позволил уже современникам отмечать, что де-факто главной идеей казенной продажи питей являлся фискальный интерес, удовлетворение экономических потребностей государства.

Однако понимали ли власти политический аспект контроля над оборотом спиртного? В конце 1907 года один из авторов питейной реформы, экс-министр финансов Российской империи С.Ю. Витте на заседании Государственного со-

---

[363] Брешко-Брешковская Е.К. Указ. соч. С. 292.
[364] Котельников М.Г. Что дала России винная монополия // Труды… Т. 2. С. 472.
[365] Павлюченков С.А. Веселие Руси: революция и самогон // Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». М., 2000. С. 191.

вета произнес следующее: «Что было бы, если бы Александр III не ввел монополию? … Было бы на 800 или на 900 тысяч революционных гнезд больше»[366].

Цитата требует пояснений. Казенная продажа питей, распространившаяся, главным образом, на водку, нанесла удар по самому популярному месту распития спиртного для широких масс населения – деревенскому кабаку. Применительно к селу введение монополии упразднило продажу вина распивочно, заменив кабак казенной винной лавкой, отпускавшей спиртное только в запечатанной посуде на вынос. По мысли реформаторов, такая мера должна была приучить народ к равномерному потреблению алкоголя в домашних условиях в противоположность «пьяному кабацкому угару». В реальности вышло противоположное: в результате ликвидации общедоступных мест распития алкоголя развилось так называемое уличное пьянство, когда покупатели пили приобретенное вино по выходе из казенной лавки, на улице. Бесспорно, что такая форма потребления спиртного – у всех на виду – отнюдь не способствовала идее распространения трезвости.

Возможно, глубинные причины ликвидации распивочной торговли лежали в другой плоскости. По мнению многих современников, кабак являлся в дореволюционной России не только, а, возможно, даже и не столько питейным заведением, сколько сельским клубом, местом, где можно было за стаканом вина узнать последние новости, поговорить о политике, хозяйстве, житейских проблемах.

«Здесь крестьянин встречал свою веселую компанию, здесь часто находил и музыку, и пение, и забаву в виде русской пляски какого-либо пропойцы. Кроме того, в кабаке встречались друзья, знакомые… и начинается общее распитие полштофа со свободным разговором и воспоминаниями…», – писал о кабаке в 1873 году сельский священник[367]. В художественной литературе хрестоматийным является описание сельского кабака в рассказе «Певцы» И.С. Турге-

[366] Гр. Витте о кабаке // Русское слово. 1907. № 284.
[367] Канель В.Я. Указ. соч. С. 375.

нева из цикла «Записки охотника»[368]. В нем также кабак отнюдь не предстает перед читателями в качестве притона, являя собой, скорее, специфическое средоточие общественной жизни в деревне. И.Х. Озеров цитировал одного корреспондента, писавшего, что «все крестьяне хотели бы иметь возможность выпить в трактире, посидеть в свободное время, развлечься, повидаться с соседями и знакомыми, узнать про новости, – теперь же нет трактиров, и народ толпится на улице»[369].

Американский исследователь А. Кимбалл в связи с этим называет деревенский кабак «зародышем гражданского общества в России во второй половине XIX века». Кимбалл приходит к выводу, что кабак, являясь «крепким орешком» для государственной власти, «бросал вызов самодержавию, стремившемуся держать общественные отношения под неусыпным контролем»[370].

Стоит признать, что власть вызов приняла. По итогам введения винной монополии деревенский кабак и как питейное заведение, и как элемент гражданского общества был уничтожен. Судя по всему, в результате реформы реализовывались две задачи – казна получала новый серьезный источник дохода, сфера свободной общественной жизни в деревне сужалась, что, в общем-то, вписывалось в общую логику так называемых «контрреформ» Александра III.

О том, что власть чувствовала угрозу со стороны владельцев кабаков, опасаясь их неблагонадежности и соответствующего негативного с точки зрения администрации влияния на крестьян, упоминали современники. П.Н. Милюков рассказывал в Думе, что, по словам С.Ю. Витте, «сидельцы казенных винных лавок хороши не потому, что они не были заинтересованы в продаже и не впускали бы пьяниц и малолетних, а потому что они не держат бомб и браунингов». «Великая затея, огромное государственное дело сведено на борьбу с

---

[368] Тургенев И.С. Певцы // Он же. Записки охотника. М., 1985.

[369] Озеров И.Х. Казенная винная монополия // Очерки экономической и финансовой жизни России и Запада. М., 1904. С. 355.

[370] Кимбалл А. Деревенский кабак как зародыш гражданского общества во второй половине XIX в. // Общественные науки и современность. 2004. № 6. С. 139.

неблагонадежностью», – резюмировал Милюков[371]. Таким образом, можно сделать вывод, что центральную власть с политической точки зрения интересовали не размеры потребления спиртного, а формы, правительству важно было заменить распивочную торговлю в кабаках продажей алкоголя на вынос из казенных винных лавок.

Местные же власти часто видели в спиртном не инструмент для «растворения народных эмоций», а, наоборот, катализатор погромного движения. В 1900 году калужский губернатор А.А. Офросимов распорядился закрыть питейные заведения в ряде селений Козельского уезда по причине «брожений», связанных с незаконной порубкой леса местными крестьянами[372].

Впрочем, возможно ли предположить, что не пьянство сделало возможным подъем общественного движения, а, наоборот, революционные события повлияли на потребление алкоголя в смысле его повышения?

Анализируя причины подъема потребления вина в середине 1900-х годов, Озеров упомянул одну интересную деталь. Оказывается, что в годы Первой российской революции и в особенности в 1906 году, увеличилась продажа игральных карт. Напомним, что карточная монополия в России принадлежала ведомству учреждений императрицы Марии Федоровны. Так вот, в 1904 году было продано 651 тысяча дюжин колод карт, в 1905 году – 688 тысяч, в 1906 году – уже чуть более 800 тысяч, в 1907 году – 795 тысяч. «Итак, нельзя не констатировать какую-то своеобразную психологию русского обывателя, который в освободительные годы особенно пил и играл в карты», – заключал Озеров[373].

Любопытно, что абсолютно синхронно с увеличением потребления спиртного и продажей игральных карт в России в указанные годы произошел рост психических и нервных заболеваний. По данным одного из основоположников отечественной санитарной и демографической статистики С.А. Ново-

---

[371] Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 1. СПб., 1908. Стб. 2120-2121.
[372] Крестьянское движение в России в 1890-1900 гг. Сборник документов. М., 1959. С. 499.
[373] Озеров И.Х. На темы дня. К экономическому положению России. М., 1912. С. 85.

сельского, в 1904 году в России было зарегистрировано 82 309 душевнобольных и 1 910 022 нервнобольных, в 1905 году – 87 575 душевнобольных и 1 828 273 нервнобольных, в 1906 году – 101 015 душевнобольных и 2 285 088 нервнобольных. В дальнейшем, стоит отметить, рост продолжался, но уже более равномерно[374].

Аналогичным образом подобная статистика выглядит на региональном уровне. К примеру, в пензенской психиатрической больнице в 1894–1904 годах годовое количество пациентов составляло в среднем 286-341 человек. В 1905 году на больничной койке оказалось 385 человек, в 1906 году – 502. «Почти половина прироста больных поступила как алкоголики», – отмечалось при этом в отчете[375].

Таким образом, налицо рост потребления спиртных напитков, числа психических и нервных заболеваний, а также увеличение спроса на предметы азартных игр у населения Российской империи в период Первой русской революции. Можно предположить, что все вышеперечисленное – следствие дестабилизации ситуации в стране, наступившей в результате революционных событий и неудач в ходе русско-японской войны, и являлось признаками болезненной реакции населения на масштабный кризис.

Подобную связь устанавливал русско-американский социолог П.А. Сорокин, обобщая исторический опыт изменения состояния человека и общества в условиях различных бедствий. По его мнению, для человека, живущего в условиях войны и (или) революции, характерно «физическое, умственное и эмоциональное напряжение – обусловленное лишениями, усталостью, меланхолией и депрессией, страхом и беспокойством, скорбью о погибших родственниках, чувством отвращения, которое вызывают сцены жестокости, насилия и несправедливости». Вследствие этого, «у многих людей нервная система не может

---

[374] Новосельский С.А. Очерк статистики населения, заболеваемости и медицинской помощи в России. СПб., 1912. С. 20.
[375] Провинциальная хроника // Речь. 1907. № 286.

противостоять шоку и ломается, что влечет за собой то или иное психическое расстройство», – отмечал Сорокин[376].

Вполне можно утверждать, что подобно физическое, умственное и эмоциональное напряжение вызывало у современников потребность в том, чтобы забыться, на время уйти от реальности. Как раз такую возможность предоставлял алкоголь. Перефразируя слова Шипова, можно сказать, что не алкоголь являлся почвой для революции, а, наоборот, революция как социальный феномен повлекла за собой некоторое увеличение потребления спиртного.

Так, О.А. Сухова пишет о компенсационной функции употребления алкоголя как «одной из характерных особенностей крестьянской повседневной культуры великороссов»[377]. По ее мнению, «смутное, скорее бессознательное, желание избавиться от ощущения безысходности и катастрофичности бытия и влекло обывателей к винным складам, винокуренным заводам, винным лавкам». Эти слова были отнесены к 1917 году, однако такой вывод вполне правомерен и для 1905–1907 годов.

«За последние пять лет у всех как бы притупились нервы, и все стали страшно падки на сильные ощущения и чрезвычайные зрелища», – сообщал сельский священник из Казанской губернии Алексей Кулясов[378].

Тем не менее, справедливости ради необходимо также выяснить, какие еще причины и обстоятельства могли привести к росту потребления спиртного в середине 1900-х годов.

Применительно к уездам этот факт можно связать с сокращением в 1906 году вдвое сумм выкупных платежей. Часть высвободившихся средств вполне могла пойти на «пропой». Тезис о прямой зависимости повышения уровня благосостояния населения и потребления спиртного характерен и для дореволюционных, и для современных исследователей. Однако в этом случае неясно, отче-

---

[376] Сорокин П.А. Человек и общество в условиях бедствий. СПб., 2012. С. 34, 39.
[377] Сухова О.А. Указ. соч. С. 610.
[378] Доклад священника Алексея Кулясова // Труды… Т. 3. С. 936.

го потребление снизилось в 1907 году, когда выкупные платежи были отменены полностью. К тому же массовое пропивание высвободившихся средств в революционные годы вполне укладывается в рамки гипотезы о повышении потребления спиртного как о следствии дестабилизации социально-политической обстановки в стране.

Согласно другой версии, уровень потребления алкоголя в России на рубеже XIX–XX веков зависел от состояния промышленности. По мнению В.К. Дмитриева, потребление увеличивалось во время активизации промышленного производства. Тогда основным потребителем становился крестьянин, пришедший в город на заработки. Но 1906 год никак нельзя назвать благоприятным временем для отходничества – промышленность страны находилась в состоянии депрессии.

Другой, более аргументированной точкой зрения, объясняющей подъем потребления алкоголя в 1906 году, является предположение о том, что данное повышение, по крайней мере, для сельского населения страны, было вызвано неурожаем. В этой связи стоит отметить, что различные данные говорят о том, что в годы недородов потребление спиртного либо вообще не уменьшалось, либо даже имело тенденцию к увеличению.

«Имеются многочисленные данные, доказывающие, что неурожаи очень мало отражаются на потреблении алкоголя в смысле его уменьшения», – писал В.Я. Канель. По его сведениям, неурожай в 1867 году сопровождался увеличение потребления спиртного на 4,5 % по сравнению с 1866 годом. Во время голода 1891 года потребление, напротив, понизилось на 15 % по сравнению с предыдущим годом. Наконец, повышение потребления было также зафиксировано в неурожайные 1902 и 1905–1906 годы[379]. Во время голодного 1901 года из Саратовской губернии сообщалось, что в одном селе казенная винная лавка продала за две недели товара на две тысячи рублей[380].

---

[379] Канель В.Я. Указ. соч. С. 122.
[380] Там же. С. 123.

Подобную тенденцию подтверждают цифры официальной статистики. По данным министерства финансов, в 1907 году было зафиксировано увеличение потребления спиртного в неурожайных губерниях на 6,5 %, в урожайных – на 3%[381].

Депутат М.Д. Челышев, отмечал в Думе в конце 1907 года, что в голодающих губерниях потребление спиртного отнюдь не уменьшается, а даже имеет тенденцию увеличиваться. Октябрист даже предлагал временно приостановить продажу спиртного в районах, где предполагалось оказание продовольственной помощи, чтобы выделенные средства расходовались по назначению[382]. Впрочем, депутаты его инициативу не поддержали. «Чем обильнее сбор хлебов, тем выше потребление. … Но понижение урожайности далеко не всегда влечет за собой сокращение потребления», – писал Норов, приводя в пример Самарскую, Оренбургскую, Уфимскую губернии[383].

Анализируя причины такого поведения, С.А. Первушин писал: «Как раз в годы неурожаев потребление становится именно более безалаберным, если можно так выразиться, более порывистым как в силу общего повального в подобные тяжелые годы обостренного психического разлада, так и в силу значительного увеличения пролетарских групп»[384]. «Страх перед голодом был, пожалуй, одним из определяющих в системе координат традиционного сознания», – отмечает и О.С. Сухова[385].

В.К. Дмитриев же, рассматривая динамику потребления алкоголя на рубеже 1880–1890-х гг., констатировал, что урожаи и недороды оказывают на этот процесс одинаковое влияние, и что голод не влияет на потребление в смысле его понижения[386]. «Урожай и неурожай, т.е. повышение или понижение мате-

---

[381] Дроздова А.А. О мерах борьбы с алкоголизмом // Труды… Т. 3. С. 987.
[382] Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 1. СПб., 1908. Стб. 805-806.
[383] Норов В. Указ. соч. С. 52.
[384] Канель В.Я. Указ. соч. С. 318.
[385] Сухова О.А. Указ. соч. С. 550.
[386] Дмитриев В.К. Указ. соч. С. 176-179.

риального благосостояния, никакой роли в развитии народного пьянства не играют», – сообщал священник Петр Миртов[387].

Примечательно, что, по сообщениям современников, в зависимости от урожаев находилась и динамика преступности. Так, во второй половине 1880-х гг. когда наблюдалось падение цен на рожь, уровень преступности снизился. Напротив, в голодные 1890–1891 гг. он вновь увеличился[388]. Получается так, что сэкономленные после отмены выкупных платежей средства крестьяне направили на приобретение и потребление алкоголя, желая тем самым снять эмоциональное напряжение, вызванное революционным брожением и неурожаем.

Стоит отметить, что в какой-то степени сам вектор алкогольной политики, выбранный государством в конце XIX – начале XX вв., провоцировал массы на формирование антиправительственных настроений.

Во-первых, этому способствовала монополизация государством питейной торговли, по-своему лишившая доходов очень широкие слои населения. В откровенной и несколько грубой форме экономические потери населения после введения винной монополии охарактеризовал крестьянин из Пензенской губернии Гордей Денисов, вложивший в свою реплику и антиправительственный настрой, персонифицируя водочного монополиста: «До введения казенных винных лавок кормилось от кабаков много народа, а ныне завладел ими один сукин сын»[389].

Кроме этого момента, государственная монополизация торговли спиртными напитками ударяла и по репутации властей. Казенные винные лавки во многом оставались чуждым явлением в крестьянском мире, сельчанину иной раз привычнее было идти за водкой в шинок, напоминавший ему более привычный кабак. Факт продажи государством вина, которое потенциально не только может скрасить суровую деревенскую жизнь, но и привести хозяйство к

---

[387] Прот. Н. Миртов. Указ. соч. С. 1164.
[388] Канель В.Я. Указ. соч. С. 182-183.
[389] Цит. по: Сухова О.А. Указ. соч. С. 328.

разорению, наводил крестьян на свои, в общем-то, логичные выводы. «Мысль о том, что водка – разорение и что продажа водки поощряется, глубоко сидит во всем трудолюбивом и стойком ядре русского крестьянства», – отмечалось современниками[390]. Депутат из Самарской губернии Н.В. Жданов приводил следующие слова крестьян: «Зачем же нам говорят о вреде пьянства, когда у нас есть казенные лавки и в них ничего об этом не говорится?»[391].

Возможно, в таком отношении лежит коренная причина погромов казенных винных лавок, прокатившихся по стране в годы Первой русской революции. «Кроме помещичьих усадьб в щепки летели казенные кабаки», – писал применительно к 1905–1907 гг. депутат Государственной думы первого созыва С.В. Аникин[392].

По сообщениям прессы в Олонецкой губернии крестьянское «движение сопровождалось закрытием винных лавок и насилиями над имуществом землевладельцев и над их служащими»[393]. В 1906 году крестьяне села Николаевское Владимирской губернии «требовали закрытия винной лавки, а когда их просьба была отвергнута, 8 июля 1906 года разгромили ее»[394].

На таких настроениях пытались сыграть различные революционные агитаторы. Так, в апреле 1911 года в селе Богородское Горбатовского уезда Нижегородской губернии местными представителями РСДРП были разбросаны листовки, содержащие помимо прочего такой призыв: «Не будем пить вина, этого дара помазанника Божия Николая казенщика…»[395].

Желая продемонстрировать свои лучшие намерения в отличие от «спаивающих народ властей», революционеры даже использовали заведения трезвеннической направленности для своих пропагандистских целей. Полицейские

---

[390] Северянин. Борьба с алкоголизмом // Русские ведомости. 1907. № 288.
[391] Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 1. СПб., 1908. Стб. 864.
[392] Аникин С.В. По родным местам (из наблюдений бывшего депутат) // Русское богатство. 1907. № 1. С. 52.
[393] В.В. Крестьянские волнения 1905–1906 гг. // Современник. 1911. № 5. С. 237.
[394] Там же. С. 249.
[395] Крестьянское движение в России. Июнь 1907 – июль 1914 гг. Сборник документов. М., 1966. С. 269.

чины Воронежской губернии в декабре 1905 года докладывали, что в чайной лавке села Репьевка Коротоякского уезда общество трезвости «устраивает собрания “партии злонамеренных людей”, которые открыто говорят о низвержении самодержавия»[396].

Введение в России в 1914 году «сухого закона» не поменяло в корне отношение масс к алкогольной политике государства. В годы Первой мировой войны народ потерял возможность при помощи спиртного снижать уровень стресса, повышавшийся от гибели и увечий близких на фронте, военных неудач, распространявшихся слухах об измене в верхних эшелонах власти, осложнявшейся социально-экономической обстановки. Но главное – «сухой закон» был не для всех. Алкогольные напитки, к примеру, по-прежнему были доступны для посетителей ресторанов первого разряда. Это только усиливало ощущение социального неравенства, что в условиях развивавшегося внутриполитического кризиса, явившегося следствием сложной для страны затяжной войны, приобрело фатальный характер для государства.

Ситуация, когда «сухой закон» был, по сути, объявлен только для низов, тогда как аристократы, представители буржуазии, офицеры продолжали пользоваться продукцией винокуренной промышленности, привела к тому, что многочисленные погромы винных складов, когда солдаты и рабочий люд буквально до смерти упивались спиртным, для революционной толпы явились формой восстановления социальной справедливости. По выражению одного из исследователей, штурм винного склада для масс олицетворял собой штурм старого режима[397].

Погромы винных складов были характерны как для февральских, так и для октябрьских событий 1917 года, во втором случае власти поспешили увидеть в этом явлении дело рук «контрреволюционных элементов». Однако по-

[396] Очерки крестьянского движения на Воронежщине. Воронеж, 1925. С. 43.
[397] Ильюхов А.А. Борьба с пьянством и погромами с Петрограде в 1917 году // К истории русских революций: события, мнения, оценки. Памяти И.И. Минца. М., 2007. С. 619.

верхностность и несостоятельность подобных утверждений была ясна уже современникам. «В “Правде” пишут о пьяных погромах как о “провокации буржуев”, – что, конечно, ложь, это “красное словцо”, которое может усилить кровопролитие», – писал Максим Горький[398].

Очевидно, что алкоголь играл и продолжает играть поглощающую роль по отношению к накоплению негативного настроя населения к окружающей действительности, к политике властей в частности. Непредсказуемость поведения нетрезвого человека или массы людей, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, не позволяет гарантированно предсказать плоды их участия в революционных событиях.

С одной стороны, опьянение, ослабляя чувство ответственности, уменьшая страх, может стимулировать погромные настроения[399]. Тем более, что, как отмечала О.А. Сухова, «в период революции 1905–1907 гг. погромы помещичьих усадеб чаще всего совпадали с датами храмовых праздников данного прихода и совсем не случайно приходились в основной своей массе на время после окончания полевых работ»[400].

С другой стороны, состояние аффекта исключает элемент организованности в действиях революционных масс, что ставит под сомнение возможность достижения ими больших успехов. В этой связи представляется, что алкоголь в целом не сопутствует успеху революции.

Российское руководство в начале XX века не оценило по достоинству данное свойство спиртных напитков, пойдя в 1914 году на введение «сухого закона». До этого же власти были в первую очередь заинтересованы в установлении контроля над продажей алкоголя, изъяв ее из рук частных лиц и лишив крестьян распивочных кабаков и трактиров.

---

398 Горький М. Несвоевременные мысли: заметки о революции и культуре. М., 1990. С. 98.
399 Гаврилюк И.В. Крестьянское движение в Орловской губернии в период Первой российской революции 1905-1907 гг.: дис… канд. ист. наук: 07.00.02. Орел, 2013. С. 215-221.
400 Сухова О.А. Указ. соч. С. 550.

ГЛАВА 3. БОРЬБА ЗА ТРЕЗВОСТЬ

Борьба за трезвость – это процесс, который во все времена довольно точно характеризует важнейшие показатели жизни страны, а именно: экономическую и социальную политику государства, степень консолидированности и зрелости различных общественных сил и групп. В начале XX века в трезвенническую борьбу вступил новый для России институт власти – законодательная Государственная дума. Развернувшаяся между депутатами дискуссия в отношении антиалкогольной борьбы во многом сохраняет свою актуальность и сегодня. Кроме того, рубеж XIX–XX веков – время беспрецедентной активизации представителей образованных слоев населения в деле противодействия алкогольной угрозе. По-прежнему на одних из первых ролей в данной борьбе находилось православное приходское духовенство. Тем временем, трезвенническая политика государства отличалась противоречивостью, как и на протяжении всей своей истории. В деревне общинные ценности в рассматриваемый период продолжали удерживать крестьян от массовой алкоголизации, предотвращая нравственное и хозяйственное разложение сельских обывателей. Тем не менее, модернизационные процессы в России, главным образом, усиление контактов города и деревни, ставили перед крестьянством новые вызовы, в том числе и в сфере потребления спиртного, на которые сельские жители искали свои ответы.

§ 1. Формы и методы трезвеннической борьбы крестьянства

Главным инструментом борьбы за трезвость, который находился в арсенале великорусской деревни на рубеже XIX–XX вв., являлась возможность составления приговоров сельских обществ о закрытии в пределах усадебной

оседлости мест продажи крепких спиртных напитков. Это право не являлось безусловным – после введения винной монополии принимаемые крестьянами решения одобрялись или отклонялись губернскими управляющими акцизными сборами по согласованию с губернаторами. Отклонение приговора о закрытии в селе винной лавки имело место в том случае, если чиновниками обнаруживалось, что крестьяне планировали заменить казенное питейное заведение шинком.

Между тем возможность сельских обществ самостоятельно решать судьбу питейного заведения их территории было одним из самых эффективным средств антиалкогольной борьбы еще до утверждения казенной продажи питей. Так, в 1892–1894 годах в России были составлено около 40 тысяч запретительных приговоров[401].

Масштабы такого приговорного движения не уменьшались и в начале XX века. По словам депутата Государственной думы третьего созыва М.Д. Челышева, в 1904 году сельскими обществами было составлено 34 тыс. приговоров о закрытии питейных заведений на их территории[402].

Крестьяне из деревни Маркова Грязовецкого уезда Вологодской губернии аргументировали в марте 1914 года свое прошение следующим образом: «Наши дети, проходя в училище и обратно, сходятся с пьяными, которые торчат у винной лавки, и смотрят, как раскупоривают, и слушают неприличные слова. И мы, родители наших детей, усмотрели, чтобы дети наши не заразились с детства дурной привычкой пьянством как самой опасной для детей заразой…»[403].

Однако, по многочисленным свидетельствам современников и даже официальным данным, далеко не все приговоры утверждались властями. Члены Комиссии по вопросу об алкоголизме при Русском обществе охранения народного здравия еще в 1898 году отмечали, что «приговоры сельских обществ

---

[401] Коровин А.М. Указ. соч. С. 6.
[402] Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 1. СПб., 1908. Стб. 649.
[403] РГИА. Ф. 575. Оп. 6. Д. 827. Л. 111.

сплошь не утверждаются начальством»[404]. Священник Алексей Станиславский рассказывал, что в конце 1890-х годов в Богодуховском уезде Харьковской губернии из 50 приговоров о закрытии питейных учреждений в селах был утвержден лишь один[405]. Ходатайство крестьян села Максимовка Бузулукского уезда Саратовской губернии о закрытии казенной винной лавки было удовлетворено лишь после того, как дело дошло до Государственной думы и повлекло за собой оформление депутатского запроса за подписью 120 народных избранников[406].

Депутат С.В. Андронов рассказывал об одном управляющем акцизными сборами, который на прошения сельских обществ о закрытии у них питейных заведений накладывал одну и ту же резолюцию. Крестьяне получали отказ по причине того, что их село находилось на торговой дороге из Петербурга в Москву, и, следовательно, винные лавки обслуживали не только сельчан, но и всех проезжающих. Кроме столиц также могли быть названы другие города, отстоящие от деревень на сотни верст, и между которыми были другие селения с казенными винными лавками[407].

В апреле 1908 года 193 депутата Государственной думы подписались под предложением ликвидировать питейную торговлю в селах и сосредоточить «места продажи крепких напитков исключительно в городах». Значительное число подписантов составляли крестьяне, утверждавшие следующее: «Прожив всю жизнь в деревне и зная ее нужды и нравы, крестьяне-депутаты единогласно утверждают, что не прирожденные привычки к вину и органическая потребность в нем, а лишь легкая возможность достать его из разбросанных по селениям винных лавок и шинков доводит часто сельское население до разорения и нищеты, уменьшая его платежную способность и создавая неоплатную недои-

[404] Одобренный Государственной думой проект закона о мерах борьбы с пьянством с изменениями, дополнениями и мотивами Совещания для рассмотрения законопроектов Постоянной комиссии по вопросу об алкоголизме. СПб., 1913. С. 43-44.
[405] Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 1. СПб., 1908. Стб. 854.
[406] Протокол соединенного вечернего заседания всех секций 3 января 1910 года // Труды... Т. 1. С. 161.
[407] Стенографические отчеты. Сессия вторая. Часть 2. СПб., 1909. Стб. 81.

мочность»[408]. Тем не менее, «запретительные приговоры крестьянских обществ в огромном большинстве случаев оставляются без исполнения», – констатировали участники Всероссийского съезда по борьбе с пьянством на рубеже 1909–1910 гг.[409] Даже министр финансов П.Л. Барк в 1914 году на заседании Государственного совета сообщал, что на 1 мая указанного года в министерство поступило 811 приговоров сельских обществ о закрытии винных лавок, из которых были удовлетворены 208, то есть почти только четверть[410].

Несколько лучше ситуация выглядела в 1912–1913 гг. Так, за этот период в Курской губернии из 5 приговоров были удовлетворены 4, в Тамбовской губернии были удовлетворены оба поступивших приговора, в Воронежской губернии – 3 из 5-ти, в Орловской 3 из 3-х. Однако в тоже время в Рязанской губернии положительный ответ был дан на 5 приговоров из 10, в Калужской – 5 из 16-ти[411].

Нетипичные данные были получены по Пензенской губернии. В 1912 году там было оформлено 45 запретительных приговоров, на 20 из которых пришел положительный ответ. В Главном управлении неокладных сборов и казенной продажи питей столь массовое составление приговоров объяснялось тем, что в том году губернское акцизное управление сообщило местному губернатору о желательности таких приговоров в ближайшие годы. Губернатор же спустил соответствующий циркуляр земским начальникам и уездным исправникам, которые в свою очередь рассказали о «воле начальства» сельским администрациям, проявившим усердие в этом вопросе[412].

Как правило, чиновники Министерства финансов аргументировали свое критическое отношение к запретительным приговорам крестьян опасениями,

---

[408] Челышев М.Д. Речи, произнесенные в Третьей Государственной Думе, о необходимости борьбы с пьянством и по другим вопросам. СПб., 1912. С. 70-71.
[409] Протокол заключительного публичного общего собрания 6 января 1910 года // Труды… Т. 1. С. 91.
[410] Канель В.Я. Указ. соч. С. 515.
[411] РГИА. Ф. 575. Оп. 6. Д. 836. Л. 9-32.
[412] Там же. Л. 83.

что место закрытой казенной винной лавки в селе займет шинок, в котором спиртное продавалось бы без всяких ограничений.

В действительности, по отзывам современников, дело обстояло таким образом, что чем дальше от села находилась казенная винная лавка, тем меньше было шансов у шинкарей развернуть свою активность. В прошении о закрытии казенной винной лавки, адресованном Министру финансов советом Сергиевского братства трезвости и взаимопомощи села Толстых Веневского уезда Тульской губернии, говорилось: «Близость шинка – соблазн для мужика, близость казенной лавки – соблазн для шинкарки, давая ей всегда возможность без труда и затрат времен запастись вином»[413].

«И глубоко прав был земец, заявивший товарищу министра финансов на совещании о хлебных ценах, что, по наблюдению местных жителей, корчемство усиливается с открытием “казенок” и сравнительно слабо, где “казенок” нет», – отмечалось в одной из газетных статей того времени[414].

Крестьяне из Новооскольского уезда Курской губернии в приговоре, адресованном депутатам Государственной думы I созыва, просили вообще запретить продажу водки, мотивируя свою просьбу следующим образом: «Думали, что будут одни казенные лавки, а вышло, что в каждом доме кабак, кто хочет, тот и торгует, невольно соблазняет слабых людей, и тем развивается пьянство в среде крестьян»[415].

Кроме того, приговоры сельских обществ порой трактовались современниками не как следствие трезвеннических порывов местного населения, а как результат столкновений интересов различных лиц. «Сейчас запретительные приговоры вызываются нежеланием владельца помещения лавки выставить обществу ведро-другое вина, необходимостью нести стражу около лавки, ссо-

[413] Там же. Д. 827. Л. 151.
[414] Северянин. Борьба с алкоголизмом // Русские ведомости. 1907. № 288.
[415] Приговоры и наказы крестьян Центральной России. 1905-1907 гг. Сборник документов. М., 2000. С. 268.

рой писаря с продавцом, вызываются они и стараниями некоторых администраторов», – писал Н.С. Соколов[416].

О подобных эпизодах сообщало и Министерство финансов. В 1912 году не было удовлетворено ходатайство о закрытии винной лавки в селе Пришня Крапивинского уезда Тульской губернии по той причине, что приговор «явился как результат интриги со стороны крестьянина Бориса Воронина». Воронин, по сообщению главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей, за два года до этого, напротив, добился открытия в селе казенной винной лавки, намереваясь под нее сдать свое помещение и получать от этого доход. Однако крестьяне в итоге сделали выбор в пользу другого односельчанина, предложившего более дешевый вариант, что подвигло Воронина предпринять попытку закрыть питейное заведение из желания лишить конкурента дохода от аренды[417].

Тем не менее, стоит полагать, что в массе своей приговоры крестьян соответствовали их желаниям ограничить потребление спиртного в рамках мест проживания.

Чрезвычайно любопытны сообщения о том, в какой обстановке на сельских сходах обсуждались вопросы существования в селе питейного заведения. Имели место такие случаи, как в Олонецкой губернии: «Один крестьянин просил сельское общество разрешить ему питейное заведение и за согласие предложил 20 рублей. Тогда другой крестьянин предложил 40 своих рублей, если не дадут разрешение»[418]. Анкетный опрос в селах Уфимской губернии давал похожие отзывы: «Так говорят: если при закрытии винных лавок уменьшится доход правительства, то мы согласны уплачивать б**о**льшую подать»[419]. Отдельные сообщения свидетельствуют о том, что иногда борьба за трезвость в деревне

---

[416] Соколов Н.С. Меры борьбы с пьянством по проекту Государственной думы и Министерства финансов // Труды... Т. 3. С. 895.
[417] РГИА. Ф. 575. Оп. 6. Д. 836. Л. 20.
[418] Коровин А.М. Указ. соч. С. 6.
[419] Рождественский И.И. Указ. соч. С. 9.

оборачивалась человеческими жертвами. Так, 1895 году во Владимирской губернии на сходе был «зверски убит крестьянин Болашев за то, что восставал против открытия кабака в селении»[420].

В деревне существовали и радикальные способы борьбы с нежелательными питейными заведениями, если власть не внимала прошениям. «В одном из селений, а именно в Воятицах, в котором отклонено ходатайство крестьян, помещение казенной винной лавки сгорело, и лавка после пожара не открыта за неимением помещения. Частных мест продажи крепких напитков в этом селении нет», – красноречиво сообщалось из Ярославской губернии[421].

Еще одним мощнейшим фактором трезвеннической борьбы деревни являлось распространение грамотности, просвещения в целом. Современники отмечали тягу крестьян к получению образования, к знаниям на рубеже XIX–XX вв. «Наш русский крестьянин любит “умную” книжку и “умные разговоры”, и готов за ними провести несколько часов подряд», – отмечал И.С. Клюжев[422]. «Теперь цена грамотному человеку выросла. Каждый клочок печатной бумаги тщательно приберегается, прочитывается и обсуждается», – писал С.В. Аникин об отношении к грамотности в деревне в начале XX века[423].

Влияние добросовестного сельского учителя трудно переоценить. Педагог Н.Ф. Бунаков приводил рассказ крестьянина: «Пусть грамотен-то из книжек, да от учителя научится жить по Божьему. Ныне какие времена-то настали: стариков не слухают, с ребячьих лет вином зашибаются да трубку сосут, на слове не крепки, работать ленивы, ты ему слово, а он тебе десять – разве так можно, разве это по Божьему? – Эк ты, дед, сомневается другой мужик, – разве этому в школе можно выучить? – А то где же, как не в школе? … Вот я тебе пример укажу. Приехали к барину плугари с Чертковских хуторов. Договори-

[420] Коровин А.М. Указ. соч.
[421] РГИА. Ф. 575. Оп. 6. Д. 836. Л. 4.
[422] Клюжев И.С. Внешкольное образование как одно из мероприятий в борьбе с алкоголизмом // Труды... Т. 2. С. 546.
[423] Аникин С.В. По родным местам (из наблюдений бывшего депутата) // Русское богатство. 1907. № 1. С. 52-53.

лись, условие написали, поднесли как следовает. А с ними паренек, лет под двадцать, и ему подносят. На том благодарю, говорит, а вина не потребляю, учился я в училище, так учитель наш, Порфир Ермолаич, наказывал нам вина не пить, ну и не пью»[424].

Крестьянин-депутат М.С. Андрейчук в Государственной думе говорил: «Мы, крестьяне, просим усилить у нас в селах образование, школы, науку, и эти все напитки убрать от нас, убрать с глаз, чтобы их не было совсем. Мы без этих напитков можем обходиться»[425]. Андрейчук просил вообще запретить торговлю спиртным в селах и вместо питейных заведений открыть училища. По словам К.Р. Качоровского, относящимся к началу XX века, под влиянием школ и распространения грамотности произошло «значительное отрезвление сходов»[426].

Обращаясь к теме обрядового пьянства в деревне, приуроченного к семейным и религиозным праздникам, отметим, что во многом широкие гуляния были обусловлены отсутствием доступных альтернатив досуга. Духовные потребности крестьян в тот период неуклонно росли и не могли быть удовлетворены за счета простых школ, раскрывающих азбучные понятия, поскольку, по отзывам современников, «крестьянин, видимо, стремится дальше азбуки»[427].

О том, что потребление алкогольных напитков как способ проведения праздничных дней по большей части – безысходность, чем целенаправленный выбор, писал барон В.Е. Менгден. «Наш крестьянин по своей натуре вовсе не пьяница, его в большинстве случаев легко удержать от водки, но этим делом некому заняться, да зачастую никто и не хочет», – отмечал он[428].

Менгден приводил в пример собственный опыт, когда он вместе с приходским священником и учителем на престольный праздник Покрова в селе

---

[424] Бунаков Н.Ф. Сельская школа и народная жизнь. Наблюдения и заметки сельского учителя. СПб., 1906. С. 8.
[425] Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 2. СПб., 1908. Стб. 56.
[426] Качоровский К.Р. Жизнь деревни // Ежемесячный журнал. 1915. № 8. Стб. 221.
[427] И-в Н. Уезд Среднего Поволжья // Вестник Европы. 1895. №. 2. С. 523.
[428] Менгден В.Е. Проект сельскохозяйственной школы и ее обеспечение. Пожар и пьянство как бичи деревни. М., 1909. С. 13.

устроил чтение с туманными картинами (волшебным фонарем) и граммофоном. По его словам, мероприятие, проходившее в волостном правлении, собрало массу народа. «Но что меня порадовало, что в этот день мы пьяных почти не видели, явились, правда, трое, но их сами крестьяне моментально убрали. По окончании крестьяне просили и на другой день повторить, что мы охотно и исполнили. … Крестьяне же после благодарили, говоря, что праздник прошел хорошо и деньги сохранились», – писал Менгден[429].

Вне зависимости от скорости распространение грамотности в великорусской деревне в рассматриваемый период приобрело характер необратимого процесса. «Сознательное отношение к грамотности со стороны крестьян проявляется в настоящее время настолько сильно, потребность к грамотности так велика, что она со стихийной силой перешагивает через все преграды, встречающиеся на ее пути; там, где нет официальной школы, вырастают частные: отставные солдаты, убогие мужички, старушки-бобылки и т.п. по мере сил своим и разуму трудятся над насаждением в глухих деревнях света просвещения», – отмечали современники. При этом наибольшая тяга к грамоте, к получению образования была характерна для крестьян промышленных губерний страны, в значительной мере занятых отхожими промыслами, работой на фабрике, где ценились знания[430].

Тем не менее, ошибочно было бы видеть в распространении просвещения некую панацею от излишнего потребления алкоголя. Известный русский поэт и успешный сельский хозяин пореформенной России А.А. Фет писал, что «грамотность, как простая техника чтения, вещь полезная и пригодная в жизни, но видеть в ней какой-то амулет от порчи и безнравственности мы просто non possum. Сравнительное большинство беспросыпных пьяниц – заштатные чиновники, писаря и бывшие дворовые, более грамотные, чем крестьяне»[431].

[429] Там же.
[430] Смирнов А. Из наблюдений земского статистика // Русское богатство. 1904. № 4. С. 13.
[431] Фет А.А. Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство. М., 2001. С. 295.

К тому же ситуация с масштабами распространения грамотности в России в начале XX века оставляла желать лучшего. Тогда как в Австро-Венгрии на 100 человек приходилось 52 грамотных, в Англии – 90, в США – 92, в Германии – 98, то в России это соотношение составляло 16 из 100[432]. По данным переписи 1897 года количество грамотных в стране насчитывалось 21,1% от общего числа населения[433].

В этой связи стоит сказать, что все большее вовлечение крестьян в зарабатывание денег не через земледельческий труд имело своим следствием не только повышение ценности образования в глазах сельских обывателей. Попадавший в незнакомую для себя городскую обстановку крестьянин, ускользая от общинного контроля, нередко приобретал для себя далеко не самые лучшие привычки.

Кроме того, в арсенале деревни, боровшейся с чрезмерным потреблением спиртного, имелась масса разнообразнейших средств, подчас вызывающих противоречивые чувства, но в тоже время безупречно вписывавшихся в рамки крестьянского быта.

Любопытны сведения, рассказывающие о сечении розгами, как о средстве от запоя и пьянства. Корреспондент «Нового времени» сообщал: «В двух волостях я в глаза и поименно знаю крестьян, излеченных розгой от пристрастия к водке, начавших трезвую жизнь и резко поправившихся в хозяйственном отношении». Здесь же приводились слова крестьянина, на которого подобная терапия подействовала положительным образом: «Перестал, не пью… Илья Григорьевич (старшина) отучили. Так принялись за меня, что хошь из села беги или от водки отставай»[434].

Очень любопытны и показательны приговоры сельских и волостных судов в отношении проступков, совершенных на почве неумеренного потребле-

---

[432] Коровин А.М. Указ. соч. С. 6.
[433] Россия. 1913 год. Документально-статистический справочник. СПб., 1995. С. 327.
[434] Михайловский В.Я. Указ. соч. С. 8.

ния алкоголя. Так, имели место случаи, когда судьи наказывали не только провинившуюся сторону, но даже свидетелей, явившихся в суд в нетрезвом виде[435].

К.К. Толстой писал даже, что «по слухам» имели место случаи, когда за нарушение трезвого образа жизни мирские сходы обязывали крестьян уплачивать «штраф» водкой[436].

На рубеже XIX–XX вв. в привычный крестьянский обиход начала входить традиция чаепития. «Теперь чай стал насущной потребностью в крестьянстве. Самовар вы найдете в самой плохонькой избе, и чай пьется не по воскресным только дням, как прежде, и не в разных более или менее торжественных случаях и "оказиях", а каждый день, в иных семьях и по два раза», – писал Н.Е. Кудрин[437].

Многими современниками отмечалось, что этот напиток вполне мог бы стать для рабочих людей заменителем алкоголя. Так, Д.Н. Бородин полагал, что «чай не только помогает легче выносить всю тяжесть деревенской "страды", зимнего извоза, фабричной работы и проч., но и может служить хорошим подспорьем к скудной крестьянской пище, особенно во время постов»[438].

Министерство финансов также подтверждало повышение потребления чая и сахара в стране в конце 1890-х годов, объясняя это благотворным влиянием винной монополии. За этот период, по данным финансового ведомства, увеличилось и количество чайных, открываемых попечительствами о народной трезвости – со 120 в 1895 году до 1717 в 1898 году[439].

Стоит отметить, что, несмотря на выгодность содержания питейного заведения, или даже шинка, данная деятельность критически рассматривалась крестьянами с моральных позиций. Митрополит Вениамин (Федченков), выхо-

---

435 Земцов Л.И. Крестьянский самосуд: правовые основы и деятельность волостных судов в пореформенной России (60-80-е гг. XIX в.). Воронеж, 2007. С. 230.
436 Толстой К.К. Указ. соч. С. 55.
437 Кудрин Н.Е. Двадцать лет спустя (из деревенских впечатлений) // Русское богатство. 1907. № 10. С. 31-32.
438 Бородин Д.Н. Значение чайных в борьбе с алкоголизмом. СПб., 1903. С. 11.
439 Казенная продажа вина. С. 145.

дец из смоленских крестьян, описывал следующий эпизод. В его детские годы родители, оказавшись в тяжелом финансовом положении, были вынуждены открыть в селе винную лавку, ежегодно выплачивая сельскому обществу 100 рублей, при этом выручая сумму в 3-4 раза большую. Однажды у Федченковых появился конкурент, предложивший обществу сумму годовой компенсации на 25 рублей больше. Крестьяне готовы были оставить право торговли вином в селе за Федченковыми, при условии повышения платы до 110 рублей. Мать будущего церковного иерарха засомневалась и решила посоветоваться с сыном:

– Как ты сынок, думаешь?

– Мамочка бросим это дело. Нехорошее оно! Грех!

– Чем же жить?

– Бог поможет за это как-нибудь.

– Ну, хорошо, пойду, откажусь!

И отказалась, слава Богу. А летом отец нашел себе старую конторскую работу…»[440].

А.А. Фет приводил также следующие слова крестьян, касающиеся потребления водки еще в 1860-х годах: «Да пропади она пропастью. Мы подписку дадим, чтобы вовек ее у нас и не было. Заведи кабаки, так от них, пожалуй, неровен час, и деревня слетит, а теперь их кругом, куда ни сунься»[441].

Отдельно стоит сказать о том, что в рассматриваемый период в деревенской среде постепенно, еще до введения серьезных ограничений на продажу спиртного в 1914 году, стало распространяться такое явление, как трезвенничество, когда как отдельные крестьяне, так и целые семьи и сельские общества, принимали решение по моральным и экономическим причинам полностью отказаться от употребления алкогольных напитков. В «Сельском вестнике» в 1910 году сообщалось, что в деревне Григорово Пошехонского уезда Ярославской

[440] Митрополит Вениамин (Федченков). Указ. соч. С. 63.
[441] Фет А.А. Указ. соч. С. 227.

губернии два года соблюдалось собственное решение сельчан не употреблять спиртных напитков[442].

Депутат из крестьян Д.П. Гулькин в Государственной думе третьего созыва отмечал, что сам уже три года не пьет, и что «русский народ потому беден, что он пьет»[443]. А корреспондент «Ежемесячного журнала» признавался, что его односельчане празднуют около ста дней в году, «а я вот уже несколько лет во все дни работаю»[444]. Писатель из крестьян С.Т. Семенов писал применительно к 1890-м годам следующее: «В нашей деревне не было мирского пьянства. Причиной этому было то, что у нас уже несколько лет ходил старостой очень умный, хозяйственный и трезвый мужик, Степан Астафьев. Он за все время своего хождения не допускал ни одной выпивки на мирские деньги»[445].

О распространении в крестьянской среде людей, дававших зарок не употреблять алкоголь, сообщают и материалы членов Русского Географического Общества. Том второй «Полного географического описания нашего Отечества», посвященный описанию населения черноземного региона, сообщает о том, что в крестьянской среде «стали появляться отдельные личности – трезвенники, дающие добровольный зарок не пить “вина”, от которого все “худое” – и бедность, и болезнь, и грех – “происходит”»[446].

Врач И.В. Сажин отмечал, что трезвенники «среди экономически обездоленных и социально нижестоящих слоев встречаются отнюдь не реже, чем среди обеспеченных господствующих классов»[447].

Крестьянин-мемуарист М.П. Новиков, уроженец Тульской губернии, последователь учения Л.Н. Толстого, отмечал роль в сельском обществе тех людей, кто полностью отказался от потребления спиртного. В крестьянской среде

---

[442] Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 1. СПб., 1908. Стб. 2133-2134.
[443] Там же. Стб. 869.
[444] Ежемесячный журнал. 1914. № 1. С. 154.
[445] Семенов С.Т. Двадцать пять лет в деревне. Пг., 1915. С. 66.
[446] Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Под ред. В.П. Семенова. Т. 2. СПб., 1902. С. 184.
[447] Сажин И.В. Умеренное потребление спиртных напитков или полное воздержание от них? // Труды... Т. 2. С. 783.

по итогам решения различных общественных дел было принято пропивать миром часть общественных средств. Новиков описывал, как влияло на крестьян требование непьющих соседей выдать им их долю деньгами: «… как-то само собой случилось, что мужики стали меня стесняться и не при всяком случае выпивать четвертную или полведра». И далее он продолжал: «Даже при весенних общественных молебнах о дожде и погоде, когда так твердо верилось, что если не выпить после молебствия, то не пойдет и дождь, и в таких случаях стали стесняться. Надо было пропивать общественные деньги, а мы, непьющие, и тут требуем свою долю деньгами. Так и расстраивалась всякий раз освященная веками общественная пьянка»[448].

Кроме того, в деревне начинают распространяться так называемые «трезвые» свадьбы, когда вопреки традициям родственники чествовали молодоженов без горячительных напитков на праздничных столах. Об одной из таких свадеб сообщал в 1914 году отчет Сергиевского братства трезвости и взаимопомощи села Толстых Веневского уезда Тульской губернии: «Теперь оба молодые – тоже наши члены и своим присутствием среди нас обращают в уверенность нашу надежду, что близится то время, когда "трезвые" свадьбы станут явлением обычным»[449].

Отмечая тенденцию к постепенному распространению идеи абсолютной трезвости в деревне, А.М. Коровин резюмировал: «Лучшая часть крестьян начинает сплачиваться и действовать сообща»[450].

Однако приверженцы абсолютной трезвости не всегда находили понимание в деревне среди своих односельчан, где все еще сильны были позиции обрядового потребления алкоголя, освященного традицией.

Так, выходец из крестьянства И.Я. Столяров, уроженец села Карачун Задонского уезда Воронежской губернии в своих «Записках» описывает следую-

---

[448] Новиков М.П. Из пережитого. М., 2004. С. 193.
[449] РГИА. Ф. 575. Оп. 6. Д. 827. Л. 159.
[450] Коровин А.М. Указ. соч. С. 6.

щий эпизод. В юном возрасте после неудачных первых опытов употребления алкоголя, Столяров решил вообще отказать от него. По воспоминаниям автора, за это радикальное решение односельчане подвергли его своеобразному остракизму: «В течение более двадцати лет я не выпил ни капли водки. Это было трудно, так как мои товарищи смеялись надо мной за мой отказ присоединиться к ним, когда представлялся случай. Женщины ехидно и иногда жестоко поднимали на смех мою трезвость, а мужчины называли “бабой”»[451]. Такая реакция односельчан Столярова вызвана, однако, стоит полагать, не самим фактом его отказа от употребления водки, а тем, что посредством этого отказа он, по мнению крестьян, противопоставлял себя сельскому обществу, где достаточно сильны были всегда коллективистские тенденции.

Это подтверждает рассказ доктора А.М. Коровина: «Случалось, что мать приходила ко мне просить гривенник “на гулянье” подростка, ибо смеются, будто гривенника не хватает, потому ее сын не идет в трактир. Между тем сын сам не любит трактиров, предпочитая посидеть дома за книжкой, но мать из ложного стыда приневоливает туда идти»[452].

Священник Петр Миртов сообщал, что имели место случаи тайной записи крестьян в общества трезвости из-за опасений преследования со стороны пьющих односельчан[453].

В целом, наиболее сознательная часть крестьянства к началу XX века начинала осознавать вред, наносимый им от потребления алкоголя даже при установленных традицией поводах – престолах и свадьбах. Борьба с пьянством в долгосрочной перспективе заключалась в распространении образования в деревне, знакомстве ее с различными культурными достижениями. Трудно, в этой связи, переоценить роль авторитетного сельского учителя в деле воспитания

[451] Столяров И.Я. Записки русского крестьянина // Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма. М., 1989. С. 385.
[452] Коровин А.М. Сельская школа и алкоголизм в Московской губернии // Труды... Т. 2. С. 571.
[453] Прот. Н. Миртов. Указ. соч. С. 1173.

молодого крестьянского поколения. В ближайшей перспективе желание избавиться от алкогольных соблазнов выражалось в принятии решения о закрытии на территории села питейного заведения, или же в коллективном или личном полном отказе от употребления спиртных напитков навсегда или на какой-либо конкретный промежуток времени. В первом случае навстречу желаниям крестьян неохотно шли чиновники финансового ведомства, подсчитывавшие убытки для казенного хозяйства от закрытия в селе государственной винной лавки.

Во втором случае далеко не всегда все члены общины были солидарны с теми, кто решил положить конец потреблению алкоголя. Традиционные установки, предписывавшие крестьянам широким разгулом сопровождать знаменательные события семейной и церковной жизни, пусть и ценой траты значительных денежных средств и нанесения ущерба здоровью, очень непросто преодолевались в деревне. Но при этом общинники, твердо стоявшие на своем в деле отказа от потребления спиртного, со временем, как правило, начинали вызывать у односельчан не чувство неприязни, а уважение, и даже желание подражания, так как плоды трезвости в виде материального преуспевания были очевидны.

§ 2. Правительственная борьба за трезвость

При введении казенной продажи питей власти официально заявили, что одним из направлений государственной политики будет являться «ослабление пьянства»[454].

При этом на официальном уровне утверждалось, что пьянство применительно к России заключалось не в том, сколько пьют, а в том, как это происходит. То есть предполагалось вести борьбу с формами потребления спиртных напитков. По мысли чиновников Министерства финансов, «пьянство, как таковое, не находится в прямой связи с потреблением алкоголя… пьянство может существовать и при малом потреблении алкоголя (как это было и в России), и наоборот – оно может отсутствовать как общественное зло при незначительных размерах этого потребления»[455].

Вследствие такого подхода, одним из первых шагов государства в направлении отрезвления народа стало значительное ограничение распивочной торговли путем распространения казенных винных лавок, отпускавших крепкие напитки только на вынос. По мысли реформаторов на смену пьянству в кабаках должно было придти культурное равномерное потребление в семейной обстановке. Кроме того, власти считали, что кабаки и их держатели «развращали» народ. «Тип кабатчика… был особенно вредным в России, благодаря низкому культурному уровню низших слоев городского и сельского населения и усвоенной им привычке к беспорядочному потреблению водки», – считали представители финансового ведомства[456].

Справедливости ради стоит сказать, что власть взяла курс на сокращение распивочной торговли еще за десять лет до введения винной монополии. Это

[454] Казенная продажа вина. С. 19.
[455] Там же. С. 7.
[456] Там же. С. 8-9.

сокращение началось уже в 1886 году после принятия правил о раздробительной продаже напитков в 1885 году[457]. Так, в 1884 году соотношение распивочных мест продажи спиртного к прочим составляло девять к десяти. В 1886 году – уже четыре к семи, в 1903 году – два к пяти[458].

Однако практически сразу после начала введения в губерниях Российской империи винной монополии с мест появилось множество сообщений, согласно которым можно было сделать вывод, что народ не спешил переносить потребление алкогольных напитков к себе домой, и за неимением отныне специальных помещений, которые в большей мере были местом общения, клубом, стал пить спиртное сразу по выходе из казенной лавки – прямо на улице.

«Население лишилось места, где бы оно могло выпивать, и вынуждено было, приобретая водку, идти к себе, в свой дом, в свою семью и здесь еще делиться со своими домашними купленной бутылкой, естественно, что это отразилось на развитии, в некоторых, по крайней мере, местностях, уличного пьянства…», – писал Озеров, отмечая, что вследствие этого образовалась даже «профессия лиц, предлагающих штопор для откупорки бутылки, хлеб, огурцы»[459], разумеется, не на безвозмездной основе.

«Винная монополия привела к развитию уличного пьянства, перенесению пьянства в семью, усиление тайной продажи казенной водки», – отмечалось в резолюции Всероссийского съезда по борьбе с пьянством[460].

В январе 1897 года министр внутренних дел И.Л. Горемыкин в виду того, что «беспрепятственное появление пьяных на улице и в публичных местах может повести к укоренению в сознании народном дозволенности сего», даже проинструктировал губернаторов в том отношении, что «чинам полиции надлежит удалять с улиц или из публичных мест всякого рода пьяных, поведение

[457] ПСЗ-3. Т. 5. С. 549. № 2946.
[458] Рутцен А.Н. Винная монополия // Вопросы государственного хозяйства и бюджетного права. СПб., 1907. С. 202.
[459] Озеров И.Х. Казенная винная монополия // Очерки экономической и финансовой жизни России и Запада. М., 1904. С. 347-349.
[460] Протокол заключительного общего собрания 6 января 1910 года // Труды... Т. 1. С. 91-92.

которых не согласуется с общественной тишиной и порядком, подвергать из задержанию до вытрезвления, а затем возбуждать преследование»[461].

О распространении продажи спиртного на вынос с критической точки зрения писал в то время В.В. Розанов: «Знаете, что в современном опьянении составляет самую отвратительную, и вместе самую опасную сторону? … выпивка стала беззакусочной»[462]. Из-за отсутствия закуски приходилось пить на пустой желудок, что, естественно, способствовало скорейшему опьянению организма.

На самом деле, неизвестно, что более вредило делу трезвости – потребление вина в кабаке, в закрытом помещении, или на улице – у всех, в том числе у подрастающего поколения, на виду. Народные привычки были сильнее административных методов – если со временем уличное пьянство и снизилось, то только за счет того, что потребители нашли себе пристанище в тайных местах продажи спиртного, где им, как и в более привычном, чем казенная винная лавка, кабаке, могли предоставить и закуску, и крышу над головой.

Учреждение казенной продажи питей сопровождалось также введением со стороны государства ограничений торговли спиртным. Исключая трактирные заведения, в городах продажа алкоголя была возможна с 7 часов утра до 10 часов вечера. В селах с апреля по август – также с 7 часов утра до 10 часов вечера, в остальные месяцы – до 8 часов вечера. Кроме того, с апреля по август питейная торговля позже 8 часов вечера (а в зимнее время – позже 6 вечера) была запрещена в селах по воскресным и праздничным дням. Во всех питейных заведениях торговля была запрещена на Страстной неделе, на Пасху и Рождество. В воскресные и праздничные дни продажа спиртного разрешалась только после окончания литургии. Государство также вводило запрет на торговлю алкоголем во время волостных, сельских, гминных сходов, во время разбира-

---

[461] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 59. Д. 84 (2-е делопроизводство). Л. 29-29об.
[462] Розанов В.В. Органическая работа над народным оздоровлением // Новое время. 1907. №11 420. С. 4.

тельств в волостных судах, если питейное заведение располагалось ближе, чем в 250 саженях от места схода или суда, а также в местах призывных участков и по решению местной администрации для сохранения общественного порядка. Все вышеперечисленные ограничения не распространялись на гостиницы, станционные дома, буфеты, постоялые дворы[463].

Было также решено, что питейные заведения не будут открываться в тех селениях, где еще до казенной продажи питей была запрещена раздробительная продажа спиртных напитков. Кроме того, в селениях, где местное население решило отказаться от питейной торговли, места продажи алкоголя могли открываться на расстоянии не ближе 100 саженей от усадебной оседлости отказавшихся домохозяев. Примечательно, все эти условия принимались государством во внимание лишь при условии отсутствия в вышеперечисленных местах тайной торговли спиртными напитками[464].

В этой связи об определенных двойных подходах с оттенком формализма к потреблению спиртного образованным классом и крестьянами упоминал с сарказмом А.Н. Энгельгардт, описавший съезд земских избирателей в 1870-х годах: «Через комнату от залы собрания буфет, где можно выпить и закусить; что значит образование! Тут же, подле, и буфет устроен, потому что безопасно, никто не напьется! А посмотрите у мужиков: здесь волостное правление, а кабак должен быть отставлен на 40 сажен, потому, говорят, нельзя иначе, – мужик напьется, если кабак будет рядом с волостью, а тут, все-таки ж, сорок сажен нужно пройти»[465]. Видится, что заявленные законом 100-150 сажен от села или места схода вовсе не были при необходимости непреодолеваемым расстоянием для крестьян, желавших выпить.

Вызывал со стороны государства озабоченность и тот факт, что к началу XX века у сельского населения страны возросло количество праздников, зачас-

[463] Казенная продажа вина. С. 46-47.
[464] ПСЗ-3. Т. 14. С. 405.
[465] Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 51.

тую, по мнению чиновников, сопровождавшихся обильными возлияниями. Государственный совет признал «чрезмерным» число празднуемых крестьянами дней, отмечая, что в иных местах число праздников (в том числе «самовольно установленных») достигает 120-140 в году, причем до 77 нерабочих дней порой приходится на страдную пору. При этом, по мнению совета, «празднование нередко соединяется с разгулом, продолжающимся далеко за пределы празднуемого дня»[466].

В связи с этим Государственный совет исключил из общего губернского учреждения и устава о предупреждении и пресечении преступлений указания «на воспрещение производства в воскресные и праздничные дни публичных работ». Также было принято следующее постановление: «Добровольное занятие работою в воскресные, праздничные и торжественные дни, церковные и гражданские, предоставляется усмотрению каждого, и никакая власть не должна чинить трудящимся каких-либо в сем препятствий»[467].

Подобную инициативу поддержал и Святейший Синод, присоединившийся к постановлению Государственного совета и обязавший священников «разъяснить народу истинный смысл праздничного покоя и научить народ пользоваться этим покоем по-христиански»[468].

Боролись по-своему с различными негативными проявлениями потребления спиртных напитков и на местах. Имели место случаи, когда представители властей намеренно угощали крестьян алкоголем, преследуя свои корыстные интересы.

Рязанский губернатор князь А.Н. Оболенский в мае 1914 года разослал циркуляр земским начальникам губернии, в котором отмечал следующее: «Не может быть допущено замечавшееся ранее явление подпаивания самими должностными лицами крестьян или же выдача ими последним денег под разными

---

[466] Церковные ведомости. 1904. № 24. С. 274.
[467] Там же. С. 276.
[468] Там же. № 32. С. 336.

предлогами, а в действительности на вино, при учетах, выборах, прибавке к жалованья и тому подобных случаях»[469].

Главным же государственным проектом в деле борьбы с чрезмерным потреблением спиртных напитков стало учреждение в соответствии с Уставом, принятом 20 декабря 1894 года, попечительств о народной трезвости (ПНТ). Как заявлялось, они были созданы «для ограждения населения от злоупотребления крепкими напитками в каждой из губерний и областей в районе казенной продажи питей».

В сферу деятельности попечительств о народной трезвости входило наблюдение за законным совершением питейной торговли; распространение среди населения «здравых понятий о вреде неумеренного потребления крепких напитков, а также изыскание средств для предоставления ему возможности проводить свободное время вне питейных заведений» (организация народных чтений, открытие чайных и библиотек, распространение трезвеннической литературы и т.п.); «попечение об открытии и содержании лечебных приютов для страдающих запоем»; оказание содействия учреждениям и частным обществам, деятельность которых направлена на достижение тех же целей[470].

Годовое финансирование новых учреждений заключалось в выделении 50 тысяч рублей на губернию, а также в пожертвованиях и вырученных средствах от продажи книг, устройства чайных и т.п. Структурно попечительства состояли из губернских и уездных комитетов, возглавляемых соответственно губернаторами и уездными предводителями дворянства. В состав попечительств в качестве непременных членов входили представители местной администрации, суда, сословных и общественных учреждений, духовенство. Кроме того, с правом совещательного голоса в работе попечительств могли принимать участие почетные члены и члены-соревнователи с совещательным правом голоса – всех

[469] РГИА. Ф. 575. Оп. 6. Д. 827. Л. 178.
[470] Казенная продажа вина. С. 49-50.

сословий и обоих полов[471]. Для первых лет существования попечительств о народной трезвости характерно повышение всех показателей работы. Росло число различных заведений трезвеннической направленности. Так, в 1890 году по стране было 60 библиотек и читален, в 1900 году – 3500[472].

При такой динамике в 1905 году в Российской империи всего насчитывалось, по некоторым данным, 17 467 учреждений, относящихся к попечительствам о народной трезвости. Из них число чайных и столовых равнялось 3598, библиотек и читален – 4494, оркестров – 1087[473].

Современники указывали, что среди мероприятий, проводившихся попечительствами, особой популярностью у населения пользовались публичные чтения с туманными картинами, вероятно, по причине своей наглядности[474].

Однако уже довольно быстро попечительства стали вызывать критику современников. Во-первых, в 1900-х годах изменилось отношение государства к их финансированию. Русско-японская война 1904–1905 гг. потребовала экономии бюджетных средств, и финансовое ведомство решило залатать дыры в бюджете, в том числе за счет сокращения расходов на попечительства о народной трезвости. Сообщалось, что до 1903–1905 гг. попечительства в среднем ежегодно получали из казны около 4 млн. рублей. Впоследствии эта сумма начала неуклонно снижаться[475]. В отчете попечительства о народной трезвости Ярославской губернии за 1912 год сообщалось, что за последнее время государственное финансирование учреждения сократилось с 55 тысяч рублей в год до 24 тысяч, то есть более чем в два раза[476].

Сокращение финансирования дало соответствующие результаты. Число чайных уменьшилось с 3796 в 1903 г. до 1151 в 1910 г. Соответственно умень-

---

[471] Там же. С. 52.
[472] Варб Е. Указ. соч. С. 19.
[473] Брейер Л. Упразднение попечительств о народной трезвости // Русские ведомости. 1907. № 281. С. 4.
[474] Варб Е. Указ. соч. С. 11-12.
[475] Брейер Л. Указ. соч. С. 4.
[476] РГИА. Ф. 575. Оп. 11. Д. 196. Л. 1-1об.

шилось и количество их посетителей: с 63 439 в 1902 г. до 26 527 в 1910 г. Подобная динамика характерна и для учреждений просветительской направленности. В 1902 г. при попечительствах насчитывалось 322 книжных склада, в 1910 г. их стало 124. В 1902 г. народные гуляния проводились в 865 различных местах по стране, в 1910 г. – в 192[477]. Резко уменьшились и объемы выпускаемой антиалкогольной литературы. Если в 1903 годы в России было выпущено 297 тыс. брошюр соответствующего содержания, то в 1904 году – уже 63 тыс.[478] (см. приложение 4).

Примечательно, что сокращалось и количество членов-соревнователей в составе попечительств. Их среднее число на одно попечительство о народной трезвости в 1904–1911 годы сократилось с 53 человек до 20, то есть более чем в два раза[479].

В итоге сложилась ситуация, о которой писал Ю.Н. Лавринович: «В то время как одно заведение, продающее водку, приходится у нас на площадь 264 кв. версты, одно заведение попечительства о народной трезвости на площадь в 1722 кв. версты, т.е. антиалкогольных учреждений почти в 7 раз меньше, чем алкогольных»[480].

Другой момент, провоцировавший критическое отношение общества к попечительствам, был связан с обилием бюрократических рамок, чрезмерной государственной опекой и подозрительностью, которые сопровождали различные предприятия данных учреждений, причем также носивших казенный характер.

Показательный пример – то, как на рубеже XIX–XX вв. можно было получить разрешение на проведение народных чтений. Первоначально процедура получения разрешения выглядела следующим образом. Инициатор проведения мероприятия отправлял соответствующее прошение в Министерство народного

[477] Канель В.Я. Указ. соч. С. 489-491.
[478] Ковалевский М. О мерах борьбы с пьянством // Запросы жизни. 1910. № 2. С. 84.
[479] Дейчман Э.И. Указ. соч. С. 173.
[480] Лавринович Ю.Н. Алкоголизм и наша финансовая система // Труды… Т. 2. С. 474.

просвещения, оттуда бумага для разрешительного заключения отправлялась к попечителю учебного округа, от него – директору и инспектору народных училищ. Если на этом этапе возражений не возникло, то ходатайство отправлялось в Министерство внутренних дел, где далее проходило следующую цепочку: из Министерства попадало на стол к губернатору, потом в жандармское управление к исправнику, потом к становому приставу и, наконец, к уряднику. Последней инстанцией был Святейший Синод. От обер-прокурора бумага спускалась к епархиальному архиерею, от архиерея – в местный причт. Лишь после успешного прохождения всех перечисленных инстанций и уровней власти следовала положительная резолюция[481].

«Для прочтения уже одобренных тремя цензурами книжек в какой-нибудь деревушке из десяти дворов, необходимо привести в движение весь сложный административный механизм внутреннего управления», – констатировал И.Х. Озеров. По его словам, имели место случаи, когда ожидание резолюции длилось 6 лет. Бывало и так, что за время ожидания человек, подававший ходатайство на проведение народных чтений, к моменту получения ответа переводился или переезжал на другое место.

Ходатайство в таком случае оставалось невостребованным – проводить одобренное мероприятие мог только отправитель прошения. В 1901 году власти существенно упростили данную процедуру. Народные чтения мог разрешать уже директор народных училищ[482].

А.М. Коровин отмечал «крайне бедный и бесцветный подбор книг и чтений, допускаемый в чтениях и библиотеках для народа». «Происходят курьезы – правительственные издания “Сельский вестник”, “Вестник благотворительности” допускаются туда лишь по особым ходатайствам», – отмечал врач[483].

[481] Озеров И.Х. Казенная винная монополия // Очерки экономической и финансовой жизни России и Запада. М., 1904. С. 347.
[482] Там же. С. 348-349.
[483] Коровин А.М. Указ. соч. С. 29.

В этой связи характерно, что в конце 1890-х годов курское земство обратилось в Министерство народного просвещения с просьбой: для больше простоты и пользы издать список книг запрещенных, а не разрешенных для народных чтений. Ответом стал отказ[484].

Представитель Вятской губернии в Государственной думе третьего созыва, социал-демократ Е.П. Астраханцев так описывал судьбу многих заведений трезвеннической направленности: «У нас, по крайней мере, в селах и городах, существуют чайные общества народной трезвости, куда ходит тот же низший класс – крестьяне, рабочие и т.д. Они ходят туда для того, чтобы быть трезвыми, а, следовательно, и людьми, но этого им не дают по следующей причине: какой-либо пристав или администратор узнает, что там очень много членов, то начинает подозревать, что тут что-то есть. Он делает губернатору доклад с ложными указаниями, и это общество прикрывают. Когда прикрывается это общество, то куда идет человек, лишившийся всего разумного, понимания? Он ходит по улицам. Попадает в первый встречный трактир…»[485].

Еще одним моментом, послужившим поводом для негативной характеристики деятельности попечительств, был тот факт, что, по мнению современников, ПНТ в своей работе сделали больший акцент на предоставлении населению развлекательных услуг вместо распространения просвещения.

И.М. Коваленко отмечал, что попечительства о народной трезвости «нажили нарекания на то, что ввели в свою программу такого рода развлечения, которые служат не к оздоровлению нравственности, а к расшатыванию этой нравственности[486].

В «Московских ведомостях», газете правого толка, можно было встретить мнение, согласно которому «борьба с пьянством посредством устройства всевозможных вечеров, спектаклей, танцевалок, читален и библиотек не только не

---

[484] Варб Е. Указ. соч. С. 29.
[485] Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 1. СПб., 1908. Стб. 873.
[486] Там же. Часть 3. СПб., 1908. Стб. 248.

уменьшила пьянство, но еще более увеличила». По мнению автора подобного утверждения, перечисленные мероприятия, как правило, антиправительственные по содержанию, «служили одному делу подготовки революции»[487], что, несомненно, было очевидным преувеличением.

«Умственная пища, которою в некоторых случаях насадители трезвости силятся вытеснять повально распространяемое пьянство, зачастую больно уж тенденциозна и заставляет вспомнить о французском выражении “le remede est pire que le mal” (лекарство хуже болезни. – *И.Ш.*). Что предлагается, а иногда и навязывается в некоторых “трезвенных” библиотеках, читальнях? Чего только не высказывают порою в этих “чтениях”, с туманными картинами и без оных?!», – с возмущение отмечал монархист В.Л. Величко[488].

«В борьбе с пьянством центр тяжести должен, во всяком случае, лежать не на чайных, столовых и т.д., а на просветительных учреждениях», – был убежден корреспондент «Нижегородских губернских ведомостей». Он также оставил описание чайной в селе Гагино Сергачского уезда Нижегородской губернии: «Представьте себе маленькую комнатку в три окна; посередине ее стоит пустой стол, накрытый белой скатертью, в левом углу стоит другой стол, поменьше, и на нем лежат в небольшой кучке “Волгарь” и “Русский паломник”. По стенам навешаны картинки, вырезанные из книги, трактующей о вреде вина, и представляющие наглядным образом этот вред»[489].

О формальном отношении к организации библиотек попечительств современники говорили неоднократно: «Часто библиотека – лишь ящик с книгами на сумму в 5 руб., находящийся в заведывании буфетчика чайной»[490]. Современники указывали также на факты, причем не единичные, продажи спирт-

---

[487] Святославский Е. Граф Витте и попечительства о народной трезвости // Московские ведомости. 1907. № 291.
[488] Величко В.Л. Вопрос о рабочих // Русские речи. М., 2010. С. 214.
[489] Корреспонденции // Нижегородские губернские ведомости. 1902. № 6.
[490] Одобренный Государственной думой проект закона о мерах борьбы с пьянством с изменениями, дополнениями и мотивами Совещания для рассмотрения законопроектов Постоянной комиссии по вопросу об алкоголизме. СПб., 1913. С. 57.

ных напитков в чайных и столовых попечительств о народной трезвости[491]. Еще одним уязвимым для критики попечительств местом был тот факт, что в составе ПНТ большими полномочиями обладали представители администрации – губернаторы, предводители дворянства, архиереи, судьи и т.п., тогда как представители общественности, городского и земского самоуправления не играли в них значительной роли. «Говорить об общественном контроле при подобном составе комитетов отнюдь не приходится. Это контроль министерств», – отмечал Д.Н. Бородин[492].

«Деятельность попечительств тем именно и характерна, что они не могли притянуть к себе, за немногими исключениями, этих сил (трудовых и общественных. – И.Ш.)», – отмечалось в «Русских ведомостях»[493].

Причину неудовлетворительного результата деятельности ПНТ Н.Н. Жеденов видел в том, что в состав данных учреждений входили «лица, участвующие в них не по духовному своему расположению к кругу занятий попечительством, а обязанные принять в них участие в силу тех должностей, которые они занимают»[494].

Жеденов констатировал: «Скажите, может ли заботиться о народной трезвости человек, у которого с вчерашней попойки болит голова? Наша провинция блещет примерами самого безбашенного пьянства и безумных выходок даже высших уездных чиновников»[495].

В бюджетной комиссии Государственной думы третьего созыва также признавали неэффективность попечительств о народной трезвости. Так, ее член октябрист князь А.Н. Голицын отмечал, что борьба с чрезмерным употребление алкогольных напитков посредством распространения просвещения и поднятия благосостояния лучше всего осуществляется органами земских и городских са-

---

[491] Лавринович Ю.Н. Указ. соч. С. 474.
[492] Бородин Д.Н. Попечительства о народной трезвости // Труды... Т. 3. С. 903.
[493] Брейер Л. Упразднение попечительств о народной трезвости // Русские ведомости. 1907. № 281.
[494] Жеденов Н.Н. Указ. соч. С. 470.
[495] Там же.

моуправлений[496]. Председатель думской комиссии по борьбе с пьянством епископ Митрофан (Краснопольский) отмечал, что «каких-либо особых результатов попечительства не дали»[497].

К аналогичным выводам пришли и делегаты Всероссийского съезда по борьбе с пьянством. Съезд признал, что «существующие попечительства о народной трезвости носят показной характер борьбы правительства с народным пьянством»[498]. Участники противоалкогольного форума выступили за увеличение государственного финансирования данных учреждений (против 2 миллионов рублей ежегодно), а также за передачу попечительств в руки городских и земских органов самоуправления[499].

Тем не менее, государство не спешило отдавать попечительства заинтересованным в антиалкогольной борьбе сторонам. «Дай свободу господам земцам, – они, пожалуй, на государственные средства настроят народных университетов, библиотек, театров, музеев, опытных станций и тому подобных отрезвляющих “крамольных” учреждений», – так характеризовали в либеральной газете «Русское слово» опасливое отношение государства к общественным инициативам[500].

Со временем количество перешло в качество. Постепенное накопление негативных характеристик попечительств о народной трезвости вызвало соответствующую реакцию в верхних эшелонах Российской власти. В начале декабря 1907 года 34 члена Государственного совета по инициативе своего коллеги В.П. Череванского предложили упразднить попечительства о народной трезвости по причине их низкой эффективности в деле распространения трезвости.

Московский губернатор в 1905–1913 гг. и председатель Московского столичного попечительства о народной трезвости В.Ф. Джунковский выступил од-

[496] Стенографические отчеты. Сессия вторая. Ч. 2. СПб., 1909. Стб. 3045.
[497] Речь епископа Митрофана (Краснопольского) // Труды… Т. 1. С. 56.
[498] Там же. С. 92.
[499] Там же. С. 92-93.
[500] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 112. Д. 90 (3-е делопроизводство). Л. 52.

ним из активнейших противников инициативы Государственного совета, объясняя предложение сановников «походом против С.Ю. Витте» – автора идеи попечительств. «Досадно было то, что большинство членов Государственного совета, подписавших законопроект, недостаточно были знакомы с работой в попечительствах и совершенного голословно обвиняли их», – писал Джунковский. По его мнению, «от упразднения попечительств о народной трезвости шансы на успешную борьбу, конечно, не увеличатся»[501].

В конце концов, в Государственном совете было решено отказаться от идеи упразднения попечительств о народной трезвости. Вместо этого был подготовлен законопроект, согласно которому попечительства из структуры Министерства финансов передавались в ведение Министерства внутренних дел. Тем не менее, ко времени принятия данного решения уже началась Первая мировая война, в стране был введен «сухой закон», проблема попечительств ушла с повестки дня.

Справедливости ради стоит сказать, что не всегда деятельность попечительств встречала только лишь негативные отзывы. Депутат Государственной думы третьего созыва С.Н. Клочков предостерегал коллег от абсолютного отрицания эффективности попечительств о народной трезвости, напоминая об их просветительской роли и сравнительно коротком сроке деятельности[502].

Тот же Джунковский по отношению к ПНТ относился более чем оптимистично, в первую очередь по причине того, что сам длительное время имел непосредственное отношение к работе такого учреждения. За десять лет существования, с 1901 по 1911 годы, московским попечительством о народной трезвости была построена лечебница для алкоголиков; 15 народных домов с чайными, столовыми, библиотеками; открыт музей по борьбе с пьянством; из средств попечительства было выделено более ста тысяч рублей различным обществам и учреждениям, участвовавшим в борьбе за трезвость. Кроме того, ежегодно уст-

[501] Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 261-262.
[502] Стенографические отчеты. Сессия вторая. Ч. 2. СПб., 1909. Стб. 41-42.

раивались народные гуляния, публичные чтения, различные образовательные курсы. К примеру, только в 1901 году эти мероприятия посетило более 28 тысяч человек[503].

Можно не сомневаться, что в крупных городах, где имелось достаточное количество неравнодушных профессионалов на разных этажах администрации, работа попечительств носила отнюдь не формальный характер. Однако то же самое ли наблюдалось в провинции? В отчете Ярославского губернского попечительства о народной трезвости за 1912 год говорится с сожалением о невозможности расширения своей деятельности в том числе «вследствие еще полнейшего индифферентизма даже и интеллигентного нашего общества к задачам попечительства»[504].

Разумеется, сводить работу даже провинциальных попечительств полностью к нулю нельзя, какие-то их семена были брошены на благодатную почву и приносили добрые плоды в плане распространения в народе просвещения и некоторых культурных достижений.

Кроме того, попечительства не забывали и о необходимости оказания различной медицинской помощи людям, страдавшим от чрезмерного употребления алкогольных напитков. Согласно отчету Ярославского губернского попечительства о народной трезвости за 1912 год в местное убежище для алкоголиков было принято 2014 человек[505]. В том же году 170 человек побывало на излечении в ярославской лечебнице для алкоголиков[506]. Может быть, цифры невелики, но за каждой из них стояли, как правило, жизни и здоровье живых людей, нуждавшихся в помощи.

Однако в целом результаты деятельности ПНТ оказались намного ниже ожиданий. Причины лежат на поверхности – это и излишняя бюрократизация работы попечительств, и ограниченное финансирование, и недостаточное уча-

[503] Там же. Стб. 572-584.
[504] РГИА. Ф. 575. Оп. 11. Д. 196. Л. 1.
[505] Там же. Л. 20.
[506] Там же. Л. 20 об.

стие в их деятельности заинтересованных инициативных лиц. Иного отношения к казенным трезвенническим мероприятиям не могло быть со стороны государства, чей бюджет, по выражению И.Х. Озерова, в начале XX века носил «ярко выраженные признаки алкогольного отравления», был «хроническим алкоголиком»[507]. При этом власти, не развивая собственную антиалкогольную работу, опасались ее передоверить общественным и земским структурам, в крайнем случае, соглашаясь на передачу попечительств из одного министерства в другое.

Вообще, противоречивая алкогольная политика государства на рубеже XIX–XX вв. – не новое явление для России. Похожая ситуация сложилась в 1650-х годах, когда по инициативе патриарха Никона были введены серьезные ограничения на торговлю спиртным – запрет на продажу алкогольных напитков в постные и воскресные дни, одному человеку за один раз могло быть продано не более одной чарки вина, в небольших селах кабаки ликвидировались полностью. Однако, задаваясь целью сократить народное пьянство, государство при этом ставило задачу сохранения повышающегося год от года питейного дохода. Результатом такого противоречия стала отмена в 1659 году всех ограничений на продажу спиртного[508].

Тенденция очевидна – задачи трезвенной политики в России, как правило, приносились в жертву финансовым интересам. Государство на рубеже XIX-XX вв., как правило, само не спешило воплощать в жизнь собственные заявления о трезвеннической работе и нередко ограничивало в этой деятельности прочие социальные институты.

---

[507] Озеров И.Х. Русский доходный бюджет // Русское слово. 1907. № 291.

[508] Соколов В. Пьянство на Руси в эпоху первых Романовых и методы борьбы с ним // Голос минувшего. 1915. № 9. С. 111-112.

§ 3. Антиалкогольный вопрос в Государственной думе третьего созыва

Попытка внести в повестку дня проблему борьбы с алкоголизмом бы предпринята еще в Государственной думе второго созыва. Тогда профессор гигиены Казанского университета, октябрист М.Я. Капустин предложил председателю Русского общества охранения народного здравия, где существовала специальная комиссия по вопросу об алкоголизме, М.Н. Нижегородцеву принять участие во фракционном обсуждении вопроса о борьбе с пьянством. В ответ Нижегородцев с коллегами к лету 1907 года предложил создать особую думскую антиалкогольную комиссию, однако как раз в это самое время последовал досрочный роспуск представительного учреждения[509].

В итоге трезвеннический вопрос стал достоянием Государственной думы третьего созыва. 16 ноября 1907 года, на одном из первых ее заседаний, депутат от Союза 17 октября М.Д. Челышев в ответ на программное выступление председателя Совета министров П.А. Столыпина неожиданно произнес речь с призывом начать широкую антиалкогольную кампанию в стране.

Депутат заявил, что «применение правительством… системы взимания налогов с населения через водку… есть зло», и что это зло наносит удар, в первую очередь, по крестьянству, а это создает угрозу для национальной безопасности страны. «Если живет хорошо крестьянская семья, то это есть здоровая единица государства, пока есть прочная и сильная семья, есть государство; нет сильного крестьянина, нет государства», – был убежден М.Д. Челышев[510].

Любопытно, что в схожем духе в Государственной думе высказывался и сам П.А. Столыпин, заявивший 5 декабря 1908 года, что правительство при реализации указа 9 ноября 1906 года «ставило ставку не на убогих и пьяных, а

---

[509] В обществах и партиях // Россия. 1907. № 602.
[510] Стенографические отчеты. Сессия первая. Часть 1. СПб., 1908. Стб. 317.

на крепких и сильных» крестьян[511]. То есть по мысли сановника, трезвый сельский обыватель должен был стать опорой власти при проведении аграрной реформы.

Так или иначе, но речь Челышева, давшая старт антиалкогольным прениям в Государственной думе, всколыхнула депутатов и общественность в целом. Кто-то горячо поддержал ее, кто-то отнесся скептически или даже с иронией, но равнодушных не было. Как отмечалось в прессе того времени, «… теперь к старому сдавленному крику “земля”, к звучащему по-прежнему громко крику “голод” присоединился новый крик третьей Думы: “пьянство”»[512].

Стоит сказать несколько слов о том, кто поднял впервые в Государственной думе вопрос о пьянстве. Михаил Дмитриевич Челышев (1860–1915) родился во Владимирской губернии в крестьянской семье, однако большая часть его жизни была связана с Самарой, где он разбогател, став владельцем нескольких городских бань и торговых заведений. В свое время Челышев, имевший лишь домашнее образование, был самарским городским головой, гласным городской думы и уездного земства[513].

Любопытны характеристики Челышева, которые наполнили страницы российских газет на исходе 1907 года. Так характеризовал самарского депутата публицист М.О. Меньшиков: «На трибуне стоял высокого роста брюнет, промышленник из крестьян в русской поддевке, без крахмального белья, но с крупным бриллиантом в перстне. Могучий голос, способный перекричать парламент…»[514].

Меньшиков также отмечал: «Впечатление именно скандала производят каждый раз речи г. Челышева, – из тех скандалов, когда в лицемерном обществе вдруг затешется “невоспитанный” человек, который начнет, не стесняясь,

[511] Стенографические отчеты. Сессия вторая. Часть 1. СПб., 1908. Стб. 2282.
[512] Речь. 1907. № 290. С. 1.
[513] Члены Государственной думы. Портреты и биографии. Третий созыв. 1907-1912 гг. Сост. М.М. Боиович. М., 1913. С. 286.
[514] Меньшиков М.О. Пьяный бюджет // Новое время. 1907. № 11 393.

говорить правду в глаза вместо условной лжи»[515]. «Оратор говорит чрезвычайно образно и красиво, часто срывая аплодисменты», – писали о Челышеве в «Санкт-Петербургских ведомостях»[516]. Различные рабочие организации слали М.Д. Челышеву приветственные телеграммы с одобрением его антиалкогольной риторики[517].

Имели место и такие отзывы: «Речь его приводит палату в веселое настроение. Челышев – миллионер, фанатично преданный идее борьбы с пьянством»[518]. В «Русском слове» отмечали, что депутаты смотрели на его речи как «на милую наивность»[519].

За неизменную привычку сводить самые различные темы к антиалкогольной проблематике современники прозвали М.Д. Челышева «самарским Катоном»[520]. О чем бы ни шла речь в думе – о налогах, образовании, военных нуждах – Челышев неизменно в своих выступлениях смотрел на все через призму необходимости борьбы за трезвость.

Так или иначе, но речи депутата из Самары не остались просто словами. 4 декабря 1907 года 66 депутатов обратились к коллегам с заявлением, в котором предложили образовать специальную комиссию, которая занялась бы поиском нового источника дохода для бюджета государства в случае отказа от пополнения казны прибылью от винной монополии[521]. В том же месяце 39 депутатов предложили создать думскую комиссию по борьбе с пьянством, что и было сделано 7 декабря.

13 декабря 1907 года в думе были избраны 22 члена Комиссии по борьбе с народным пьянством[522]. Председателем комиссии стал епископ Гомельский Митрофан (Краснопольский), член фракции правых. Также в состав нового

---

515 Там же.
516 В Государственной думе // Санкт-Петербургские ведомости. 1907. № 264.
517 Речь. 1907. № 288.
518 Из Думы // Голос Москвы. 1907. № 275.
519 Никита К. Самарский Катон // Русское слово. 1907. № 277.
520 Никита К. У самарского Катона // Русское слово. 1907. № 281.
521 Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 1. СПб., 1908. Стб. 789-790.
522 Там же. Стб. 1002.

думского органа вошли: кадет В.И. Башкиров (Вятская губерния, крестьянин из Самарской губернии), беспартийный П.П. Дворянинов (крестьянин из Тверской губернии), кадет С.В. Дунаев (врач, землевладелец из Казанской губернии), прогрессист С.И. Галущак (зауряд-прапорщик из Подольской губернии, «занимавшийся хлебопашеством»), октябрист Ю.Н. Глебов (дворянин из Черниговской губернии), октябрист князь А.Д. Голицын (Харьковская губерния), октябрист Н.В. Жданов (врач, землевладелец из Самарской губернии), октябрист В.А. Карякин (купец из Казанской губернии), националист В.Ф. Клопотович (врач, сын священника из Волынской губернии), октябрист И.Я. Кожевников (землевладелец из Тамбовской губернии), октябрист В.П. Куприанов (священник из Тверской губернии), националист А.Ф. Кучинский (крестьянин из Минской губернии), октябрист барон А.Ф. Мейендорф (Лифляндская губерния), представитель правых А.М. Станиславский (священник из Харьковской губернии), беспартийный И.И. Сторчак (крестьянин из Херсонской губернии), октябрист Н.В. Теребинский (гласный оренбургской городской думы), националист А.Н. Ткачев (землевладелец из Псковской губернии), националист И.А. Фомкин (крестьянин из Тамбовской губернии), представитель польско-литовской группы М.Е. Циунелис (крестьянин из Виленской губернии), октябрист М.Д. Челышев (выходец из крестьян, Самарская губерния), октябрист М.Я. Шульгин (почетный гражданин, землевладелец из Новгородской губернии[523].

Таким образом, в Комиссии значительную долю составляли октябристы – 10 человек, далее 4 депутата представляли националистов, по два депутата было от правых, кадетов и беспартийных, один прогрессист и один представитель польско-литовской группы. В целом партийный состав антиалкогольной Комиссии соответствовал политическому облику Государственной думы третьего созыва.

---

[523] Члены Государственной думы. Портреты и биографии. Третий созыв. 1907-1912 гг. Сост. М.М. Боиович. М., 1913.

В первом думском докладе Комиссии по борьбе с пьянством в начале 1908 года барон А.Ф. Мейендорф назвал предполагаемые меры по ограничению потребления спиртного: увеличение минимального размера емкости, в которой продавалась водка с 1/200 до 1/20 ведра, признание права сельских обществ запрещать продажу крепких алкогольных напитков в черте своей усадебной оседлости (так называемая «кабацкая конституция»), сокращение времени продажи алкоголя[524].

В феврале 1908 года Государственная дума поручила Комиссии по борьбе с пьянством выработать соответствующий законопроект, основываясь на перечисленных мерах. И.И. Новицкий, начальник Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей, соглашаясь в общих чертах с озвученными Мейендорфом положениями, предложил законопроект по борьбе с пьянством передать для разработки в Министерство финансов, мотивируя свое предложение тем, что в распоряжении финансового ведомства имелись значительные данные по потреблению спиртного[525].

Епископ Митрофан (Краснопольский) отметил, что было бы логичным все же оставить разработку антиалкогольного законопроекта за думской комиссией[526]. В итоге было принято решение о параллельной разработке своих вариантов законопроекта обеими сторонами.

Подготовка пакета постановлений, направленных на борьбу с пьянством, сопровождалась многочисленными любопытными дискуссиями в Думе, рассматривая которые можно сделать выводы о позициях различных политических сил в отношении этой довольно непростой темы. Особняком ото всех фракций стоял М.Д. Челышев, неизменно называвший неумеренное потребление алкогольных напитков исходной точкой большинства российских бед, и призывавший полностью отказаться от винокурения и виноторговли.

---

524 Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 1. СПб., 1908. Стб. 2076-2077.
525 Там же. Стб. 2081-2082.
526 Там же. Стб. 2140.

Призывая общественность и государство активизироваться в своей совместной борьбе с чрезмерным потреблением спиртного, Челышев, в общем-то, не являясь сельским жителем, порой рисовал апокалиптические картины народной, в первую очередь, деревенской жизни, рассказывая депутатам о том, что крестьянин «300 дней в году почти что пьян»[527], или, что «есть трезвые крестьяне, хотя, к несчастью, их очень немного»[528]. Коллеги обличителя пьянства по думскому корпусу не всегда выдерживали градус его антиалкогольной риторики. Что примечательно, оппонентами Челышова в отношении оценок степени алкоголизации деревни были, как правило, представители села. В частности депутат из крестьян Тверской губернии П.П. Дворянинов заявлял следующее: «Напрасно вы, г. Челышев, так беспощадно клеймите крестьян с этой трибуны. Не везде такие горькие пьяницы, как вы их рисуете»[529].

Еще один депутат из крестьян Д.П. Гулькин также возмущался манерой своего самарского коллеги описывать ситуацию с потреблением спиртного в деревне как катастрофическую: «Не могу найти слов выразить мое неудовольствие члену думы Челышеву на некоторые его возражения, которыми он постарался в каждой своей речи разнести русское крестьянство в пух и прах, назвал русских крестьян пьяницами, не знаю, знают ли нас за границей такими пьяницами, как поставил Челышев…»[530].

Лидер кадетов П.Н. Милюков, критически отнесшись к мерам комиссии по борьбе с пьянством и назвав их «запретительными», на основе иностранного опыта предлагал уничтожить частный интерес в продаже спиртного и передать доходы от алкогольной торговли обществу с тем, чтобы часть прибыли шла на борьбу с пьянством. Кроме того, он считал, что в прибыли от продажи алкоголя не должен быть заинтересован конкретный продавец, и что питейное заведение

[527] Там же. Стб. 647.
[528] Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 3. СПб., 1908. Стб. 292.
[529] Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 1. СПб., 1908. Стб. 2061.
[530] Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 3. СПб., 1908. Стб. 316.

должно быть лишено «всякой привлекательности»[531]. По мнению Милюкова, пьянство – «продукт нищеты, невежества и бесправия»[532]. Аналогичной точки зрения придерживались и трудовики. Их представитель В.И. Дзюбинский заявлял: «Путь к отрезвлению народа… в коренном изменении экономического, политического и финансового строя страны»[533]. По его мнению, «нужно давать народу поменьше опекунов, предоставить ему больше самостоятельности в самоопределении, пора, наконец, предоставить народу быть хозяином в своей собственной судьбе»[534].

Социал-демократ А.И. Предкальн отмечал, что борьба с чрезмерным потреблением алкоголя возможна и в условиях капитализма, однако должна быть сопряжена с широкими экономическими и просветительскими мерами[535]. Националист А.Н. Ткачев и представитель правых священник Алексей Станиславский были убеждены, что самой эффективной трезвенной мерой будет являться прекращение питейной торговли, главным образом, в сельской местности[536].

Крестьянский депутат В.Г. Амосенок на те средства, которые государство тратило на нужды казенной продажи питей, предлагал «купить крестьянам земли и обложить прогрессивным налогом эти самые земли крестьян, тогда крестьяне будут трезвы, будут устойчивы вообще и т.д., и тогда даже в России будет мир и тишина, и прекратится даже революция, сократится лишнее употребление оружия для внутренних беспорядков…»[537]. То есть депутат предлагал ликвидировать пьянство путем решения земельного вопроса.

Помимо частных мнений депутатов звучали в думе и партийные резолюции. Так, Трудовая группа предлагала Комиссии по борьбе с пьянством заниматься выяснением причин чрезмерного потребления спиртного, по мнению

---

[531] Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 1. СПб., 1908. Стб. 2117-2118.
[532] Там же. Стб. 2122
[533] Там же. Стб. 2131.
[534] Там же. Стб. 2133-2134.
[535] Там же. Стб. 2107-2108.
[536] Там же. Ч. 2. СПб., 1908. Стб. 62-63.
[537] Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 3. СПб., 1908. Стб. 325.

представителей этой думской фракции, связанных с «непомерно тяжелыми экономическими, правовыми и культурными условиями страны». Представители партии Народной Свободы указывали, что эффективность борьбы с пьянством возможна лишь «при широком развитии общественной самодеятельности». Социал-демократы же считали, что для успешной борьбы с алкоголизмом, прежде всего, «необходимы решительные меры, направленные к поднятию экономического уровня масс, необходим отказ правительства делать источник доходов из спаивания народа и необходима широкая самодеятельность народа на почве прочно установленной гражданской свободы»[538].

В ответ на такие предложения коллег представитель Комиссии по борьбе с пьянством барон А.Ф. Мейендорф заметил, что на комиссию возлагают «непосильную задачу всеобщего, всестороннего преобразования России»[539].

Епископ Митрофан призывал своих коллег по думскому корпусу: «… горе народное не должно служить для нас ареной игры политических страстей; в вопросе о борьбе с пьянством нужно нам всем объединиться и дружно идти на врага, имя которого “зеленый змий”». Характерно, что когда епископ произносил эти слова, с левых рядов раздался вопрос: «А правительство?»[540].

«Мы думаем, что в борьбе с пьянством возлагать никаких надежд на ведомство и даже никаких надежд на думское большинство нельзя. Правительство не в состоянии добровольно сокращать доходы от казенной монополии, оно не имеет никакого способа получить другим путем те доходы, которые дает казенная винная лавка. Правительство будет оставаться в роли кабатчика до тех пор, пока общество не получит возможности взять борьбу с пьянством в свои руки», – считал Предкальн, упрекая в частности епископа Митрофана в уповании на антиалкогольные инициативы государственных органов[541].

---

[538] Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 2. СПб., 1908. Стб. 83-84.
[539] Там же. Стб. 84.
[540] Стенографические отчеты. Сессия вторая. Ч. 2. СПб., 1909. Стб. 3057.
[541] Там же. С. 3068.

Надо отметить, что общество довольно скептически реагировало на то, что происходило в Государственной думе третьего созыва в отношении борьбы за трезвость. Критические отзывы в отношении деятельности самарского депутата слышались и со стороны участников Первого всероссийского съезда борьбы с пьянством. Так, Ю.Н. Лавринович называл законодательные инициативы Челышева «опереточными мерами». Он указывал: «Думская комиссия по борьбе с алкоголизмом оказалась такою же усердною последовательницей правительства, как и все другие комиссии III Думы, и гвоздем законодательных измышлений г. Челышева и его товарищей по комиссии явился анекдотический проект закупоривания "мерзавчиков" такими пробками, чтобы желающие "хватить шкалик" не могли выбить пробку ладонью руки»[542].

Поэт Саша Черный в 1908 году написал такие ироничные стихи:

Мужичок, оставьте водку,
Пейте чай и шоколад.
Дума сделала находку:
Водка – гибель, водка – яд.
<…>
Мужичок, оставьте водку,
Может быть (хотя навряд),
Дума сделает находку,
Что и голод тоже яд[543].

Очень условно по отношению к проблеме антиалкогольной борьбы самих думцев можно разделить на две группы. Представители одной группы, как правило, трудовики, кадеты, социал-демократы, были убеждены, что борьба с чрезмерным потреблением спиртного может лежать только лишь через корен-

[542] Лавринович Ю.Н. Алкоголизм и наша финансовая система // Труды… Т. 2. С. 475.
[543] Черный Саша. Собрание сочинений в 5 т. М., 1996. Т. 1. С. 333-334.

ные реформы по переустройству общественно-политического устройства и экономической системы. Для многих депутатов из этого лагеря борьба с пьянством была невозможна в принципе без борьбы с самодержавием, более того, во многих случаях она являлась даже просто еще одним поводом обвинить власти во всех народных бедах.

Здесь уместно вспомнить слова писателя И.А. Бунина, отмечавшего, что негативные явления российской жизни в начале XX века подчас становились лишь инструментом в антиправительственной риторике части оппозиции: «Страшно сказать, но правда: не будь народных бедствий, тысячи интеллигентов были бы прямо несчастнейшие люди. Как же тогда заседать, протестовать, о чем кричать и писать?»[544].

С таким выводом перекликается утверждение Б.Н. Миронова о том, что «кризисный, упадочный имидж России в конце XIX – начале XX века создавался кадетской, эсеровской и социал-демократической партиями намеренно, в борьбе за власть, с целью дискредитации своих политических противников»[545]. В качества примера подобной информационной войны Миронов упоминал в свое время вызвавшую общественный резонанс книгу члена конституционно-демократической партии А.И. Шингарева «Вымирающая деревня», в которой тот писал о глубоком кризисе села в Центральной России[546].

Об антиалкогольной риторике как о средстве, а не цели для более протяженного исторического периода пишет В.Б. Аксенов: «Общество неоднократно бросало властям обвинения в спаивании народа. С конца XIX по конец XX века они периодически звучали в средствах массовой информации, являясь чаще всего политической игрой»[547].

---

[544] Бунин И.А. Окаянные дни. М., 1991. С. 59.

[545] Миронов Б.Н. Модернизация имперской России и благосостояние населения // Российская история. 2009. № 2. С. 151.

[546] Шингарев А.И. Вымирающая деревня. СПб., 1907.

[547] Аксенов В.Б. Вместо введения. Или о князьях, царях и питиях // Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». М., 2000. С. 37.

Представители другой группы, как правило, правые и часть октябристов, напротив, считали, что пьянство само по себе – первопричина многих народных бед (яркий пример такого подхода являл собой октябрист Челышев). По мнению этих депутатов, борьба с алкогольными излишествами должна была заключаться по преимуществу в мерах запретительного характера, ограничивающих для народа возможности потребления. «Я никак не могу допустить, ни на минуту не укладывается в моей голове, чтобы от бедности было пьянство. По моему мнению от пьянства бедность и все разорение наше. Не будь этого систематического спаивания русского народа, и бедности бы не было», – считал М.Д. Челышев[548].

Так или иначе, антиалкогольный законопроект думской комиссии был в общих чертах разработан и передан на рассмотрение в Министерство финансов 2 июля 1908 года. В свою очередь, законопроект финансового ведомства был передан в Комиссию по борьбе с пьянством 20 октября того же года. Депутаты, проанализировав предложения чиновников, некоторыми из них дополнили свой законопроект и 29 ноября 1908 года передали его для заключения в Финансовую комиссию Государственной думы, а 18 марта 1909 – в Судебную комиссию[549].

Ответы были получены практически через год (от Финансовой комиссии – 17 декабря 1909 года, от Судебной комиссии – 2 марта 1910 года), и в целом были скептически оценены членами антиалкогольной комиссии, которые учли их в незначительной степени и передали готовый законопроект на рассмотрение в Государственную думу.

После трех обсуждений с января по ноябрь 1911 года депутаты 16 ноября одобрили законопроект «О мерах борьбы с пьянством (об изменении и дополнении некоторых, относящихся к продаже крепких спиртных напитков, поста-

---

[548] Челышев М.Д. Речи, произнесенные в Третьей Государственной Думе, о необходимости борьбы с пьянством и по другим вопросам. СПб., 1912. С. 35.
[549] Там же. С. 362-363.

новлений)»[550]. Документ был поделен на девять разделов, первый из которых включал в себя 25 статей, касающихся нововведений в устройстве казенной торговли спиртными напитками. Остальные восемь разделов были посвящены вносимым изменениям в уже существующие законоположения.

Одним из главных моментов законопроекта стало возвращение сельским обществам и городским думам права запрещать на своей территории питейную торговлю на три года. При этом казенные винные лавки должны были закрываться в течение двух месяцев со дня вступления соответствующего приговора в силу, частные питейные заведения – после истечения срока патента. Важнейшей деталью этой части законопроекта стало то, что право решать судьбу винной лавки в селе на сельских сходах получили и женщины – матери и совершеннолетние жены домохозяев[551]. На включение этой меры в законопроект активно настаивал Челышев[552], причем, совсем небезосновательно. В этой связи характерны слова тверского крестьянина, заявлявшего, что «не надо бабам давать прав, а то они все кабаки закроют»[553]. Очевидно, что твердая позицию деревенских женщин в отношении ограничения питейной торговли в селе была обусловлена тем, что именно они в первую очередь в полной мере испытывали на себе последствия пьянства своих мужей. Пример насилия в семье на почве алкогольного опьянения был красноречиво описан А.П. Чеховым в рассказе «Мужики»[554]. Кроме того, решение о закрытии питейного заведения в селе теперь должно было приниматься простым большинством голосов участвовавших в сходе лиц.

Законопроектом также предполагались временные ограничения на торговлю спиртным. Так, торговля прекращалась после двух часов дня в субботние

---

[550] Одобренный Государственной думою законопроект о мерах борьбы с пьянством (об изменении и дополнении некоторых, относящихся к продаже крепких спиртных напитков, постановлений) // Там же. С. 690.
[551] Там же. С. 690-691.
[552] Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 1. СПб., 1908. Стб. 2095.
[553] Протокол утреннего соединенного заседания всех трех секций 30 декабря 1909 года // Труды… Т. 1. С. 113.
[554] Чехов А.В. Мужики // Он же. Полн. собр. соч. Том 9. М., 1977. С. 281-313

и предпраздничные дни. В течение всего дня в воскресные дни и дни двунадесятых и некоторых других церковных праздников, в дни рождения и тезоименитства императора, императрицы и наследника престола, восшествия на престол и коронования императора, а также в дни храмовых престольных праздников, во время крестных ходов, призыва новобранцев, ярмарок, сельских и волостных сходов, разбирательств дел в сельских и волостных судах. При этом питейная торговля крепкими спиртными напитками должна была начинаться не ранее девяти часов утра, а заканчиваться в городах не позднее одиннадцати часов вечера, в селах – не позднее шести часов[555].

Депутатами также было принято решение о понижении крепости водки обыкновенной очистки до 37 градусов, продаже ее в посуде не менее 1/20 ведра. На этикетах, наклеенных на посуде, в которой потребителям отпускалось вино, должна была содержаться информация о вреде потребления спиртных напитков. Кроме того, информирование о негативных последствиях пития алкоголя должно было, по мысли депутатов, происходить во всех начальных, средних и педагогических учебных заведениях. Также было предусмотрено ужесточение наказаний за незаконную торговлю спиртным[556].

Из всех вышеперечисленных мер наиболее эффективной видится возвращение сельским обществам права запрещать питейную торговлю на своей территории при участии в принятии этого решения женского населения деревни. В то же время закрытие винной лавки простым большинством голосов могло привести к расколу населения, когда бы часть сельчан, не желая лишаться места продажи алкоголя, стала бы потворствовать развитию шинкарства.

Благотворно должны были сказаться и предложения по ограничению времени продажи спиртного, а также введение антиалкогольного просвещения в учебных заведениях. Понижение же крепости водки на три градуса и увели-

---

[555] Одобренный Государственной думою законопроект о мерах борьбы с пьянством... С. 693, 697.
[556] Там же. С. 695.

чение минимального размера посуды для ее продажи вряд ли можно назвать действенными мерами.

Общество приняло думский законопроект довольно прохладно, одобряя только лишь возращение права местного населения решать судьбу питейных заведений в местах его проживания. Так, В.М. Бехтерев называл большинство предлагаемых депутатами мер «паллиативами» и подчеркивал: «Единственное ценно и важное в думском законопроекте заключается в том, что он рассчитывает на самодеятельность населения в борьбе с алкоголизмом и призывает к решению вопроса о закрытии винной торговли, между прочим, и женщин»[557].

Принятый Думой законопроект в конце 1911 года поступил на рассмотрение в Государственный совет, где его изучала специальная комиссия в составе 15 человек. В феврале 1914 года законопроект был возвращен в Государственную думу уже четвертого созыва для внесения дополнительных корректировок. Однако увидеть свет ему уже было не суждено. С начало Первой мировой войны в России был введен «сухой закон», фактически положивший крест на почти семилетней разработке антиалкогольного законопроекта.

Вообще столь долгий срок уже современниками объяснялся противодействием сторон, немотивированных в ограничении потребления спиртного населением. Епископ Митрофан (Краснопольский) упоминал о том, что заинтересованные в «расширении водочного производства» силы способствовали тому, что принятие антиалкогольных мер всячески оттягивалось[558].

В целом же стоит сказать о том, что современники в значительной мере недооценивали работу депутатов по выработке мер борьбы с неумеренным потреблением алкоголя. Вероятно, многие из них полагали, что члены думской Комиссии по борьбе с пьянством должны были непременно ратовать за введение всеобщего обучения, совершенствование фабричного законодательства, отмену казенной продажи питей и введения в России республиканской формы

---

[557] Бехтерев В.М. Алкогольная политика или алкогольное оздоровление. СПб., 1912. С. 4.
[558] Стенографические отчеты. Сессия вторая. Ч. 2. СПб., 1909. Стб. 3058.

правления. Депутаты же проделали в целом важную работу, в том числе и по привлечению общественного внимания к проблемам распространения трезвости в России, во многом подготавливая почву под принятие решения о «сухом законе».

§ 4. Трезвенническая деятельность Русской Православной Церкви

Говоря о борьбе за трезвость в России на рубеже XIX–XX веков, невозможно не упомянуть о работе Русской Православной Церкви в этом направлении.

Самой распространенной формой церковной трезвеннической деятельности в великорусской деревне указанного периода являлись православные общества трезвости. Импульсом к развитию подобного рода деятельности стало распоряжение Святейшего Синода 1889 года о необходимости православного духовенства активно включиться в борьбу с алкогольной угрозой, в первую очередь, посредством создания обществ трезвости[559].

Данный шаг со временем дал определенные результаты. Так, к 1900 году в России насчитывалось чуть более 200 различных обществ трезвости, из которых 140 являлись церковно-приходскими[560]. Подобная пропорция при динамичном росте сохранялась и в дальнейшем: в 1911 году в России существовало уже 1873 общества трезвости, из которых 1782 (95 %) носили церковно-приходской характер[561]. Кроме того, последние, как правило, были распространены в селах, тогда как светские общества трезвости пользовались большей популярностью в городах, что не препятствовало активному участию в их работе и священников.

Отметим, что подобную тенденцию можно объяснить не только активной позицией православного духовенства, но и создаваемыми властью благоприятными условиями: для создания и функционирования таких обществ требовалось лишь получить разрешение от духовной консистории[562].

---

[559] Коровин А.М. Указ. соч. С. 8.
[560] Там же. С. 6.
[561] Афанасьев А.Л. Трезвенное движение в России в период мирного развития. 1907–1914 годы: опыт оздоровления общества. Томск, 2007. С. 40.
[562] Мордвинов И.П. Общество трезвости жизни и работа в нем. СПб., 1910. С. 40-41.

Помимо этого не стоит забывать тот факт, что большинство населения России составляло православное крестьянство, со своей стороны более отзывчиво реагировавшее на создание именно церковно-приходских обществ трезвости. Кроме того, именно приходской священник в прямом смысле слова находился среди народа, в особенности в деревне. «Никто так хорошо не знает быт простого народа во всех его тонкостях, как попы», – писал А.Н. Энгельгардт[563].

Такая ситуация породила целую плеяду православных священников, посвятивших себя делу распространения идеалов трезвости в народе и немало преуспевших в этом отношении. На всю Россию был известен священник Сергий Пермский, организовавший в селе Нахабино неподалеку от Москвы Сергиево-Нахабинско-Баньковское общество трезвости, включавшее в себя почти 31 тысячу человек[564]. Всероссийскую известность также получило Александро-Невское общество трезвости, функционировавшее не только в пределах Санкт-Петербурга, но и имевшее 12 отделений по всей стране[565]. С деятельностью этого общества связаны имена священников Александра Рождественского и Петра Миртова. В 1914 году общество было преобразовано во Всероссийское Александро-Невское братство трезвости, став крупнейшим в империи объединением подобного рода.

Широкий спектр деятельности братства включал в себя строительство храмов; издание противоалкогольной литературы; организацию публичных бесед и чтений; открытие чайных, столовых, библиотек, читален, книжных лавок, домов трудолюбия, богаделен; создание «летучих отрядов» миссионеров трезвости для проповеди воздержания в тех местностях, где это будет признано необходимым; и многое другое[566]. Кроме того, немало трудов в деле антиалкогольной борьбы положил санкт-петербургский священник Иоанн Кронштадт-

---

[563] Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 47.
[564] Коровин А.М. Указ. соч. С. 26.
[565] Десять лет борьбы за трезвость. Издание почитателей деятельности протоиерея Петра Алексеевича Миртова. СПб., 1911. С. 11.
[566] Всеподданейший отчет Обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1914 год. Пг., 1916. С. 91-92.

ский – почетный член Казанского общества трезвости, впоследствии канонизированный Церковью.

В трезвенном деле принимали участие не только рядовые священники, но и церковные иерархи. Митрополит Владимир (Богоявленский), будучи почетным председателем Московского епархиального общества борьбы с народным пьянством, специально к открытию общества в 1911 году сочинил молитву для тех, кто собирался становиться на поприще антиалкогольной борьбы[567]. Немало внимания уделял антиалкогольной борьбе и митрополит Антоний (Храповицкий). Епископ Митрофан (Краснопольский) в Государственной думе третьего созыва возглавлял комиссию по борьбе с пьянством, занимавшуюся разработкой соответствующего законопроекта.

Вообще Церковь старалась не компрометировать себя на алкогольной тематике. В 1895 году обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев обратился к министру внутренних дел И.Н. Дурново с просьбой принять необходимые меры для воспрещения помещать на этикетки спиртных напитков изображения религиозного характера. Причиной послужило обнаружение полицией в Лифляндской губернии бутылки вина с изображением распятия и Ахтырской иконы Божией Матери[568].

Как правило, церковные общества трезвости возникали по схожей схеме: вокруг священника, активно проповедовавшего идеалы трезвости, возникала группа единомышленников, дававших обет воздержания от употребления спиртных напитков и обещавших всячески содействовать распространению идеи подобного ограничения. Далее составлялся устав общества трезвости, в котором прописывались цели объединения, условия приема новых членов, состав правления, бюджет (состоящий из членских взносов и добровольных пожертвований). Религиозные трезвенные организации делились на два типа –

---

567 Открытие Московского епархиального общества борьбы с народным пьянством // Приходское чтение. 1911. № 10. С. 211.
568 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 52. Д. 75 (2-е делопроизводство). Л. 1.

общества и братства. Последнее отличалось от первого сравнительной узостью своих задач, но со временем, по замечаниям современников, разница между ними практически исчезла[569].

Зачастую члены церковных обществ трезвости не только давали обет не употреблять спиртное в течение определенного времени, но и обязывались воздерживаться от сквернословия, «участия в пении неприличных песен», продаже алкогольных напитков, курении табака, «игр в деньги» и плясок. Кроме того, нередко членство в обществе трезвости предполагало под собой посещение больных, оказание помощи неимущим, отказ от жестокого обращения с членами семьи и домашними животными, вообще «жизнь благочестивую»[570].

Успешность и масштабы работы церковно-приходского общества трезвости напрямую зависели от энергии, проповеднического таланта и организаторских способностей его руководителя – священника. О роли личности в этом деле красноречиво повествует история, связанная с известным елецким борцом за трезвость священником Николаем Брянцевым, создателем Аргамаченского общества трезвости в г. Ельце на рубеже XIX–XX веков.

В 1890-х годах Брянцев был настоятелем церкви в селе Рогатое Елецкого уезда. В этом селе священник организовал братство трезвости, в которое вступило подавляющее число домохозяев (150 из 172) во главе с сельским начальством. Для членов братства, клятвенно пообещавших год не употреблять спиртного, стали выписываться газеты и книги, организовываться народные чтения с туманными картинами. В скором времени потребление алкогольных напитков в Рогатом сократилось настолько, что местные кабатчики вынуждены были закрыть свои заведения.

Ситуация поменялась, когда отца Николая перевели в другую церковь. «В братстве происходит такая перемена: члены стали расходиться, и в настоящее

---

[569] Мордвинов И.П. Указ. соч. С. 41.
[570] Там же. С. 50.

время их осталось не более 30-40 человек, по-прежнему стали пьянствовать», – так охарактеризовал последствия перевода Брянцева современник[571].

Деятельность церковно-приходских обществ трезвости отнюдь не ограничивалась упражнениями в навыках благочестивой жизни. Общества трезвости, как правило, крупные, включавшие в себя несколько тысяч, а то и десятков тысяч, членов, содействовали открытию читален, чайных, приютов, проведению различных чтений, а также богаделен, мастерских и тому подобных заведений, что в целом содействовало повышению культурного, нравственного и материального уровней народа.

Так, в 1907 году по инициативе и на средства общества трезвости в селе Власьево Тверской губернии был открыт ремесленно-сельскохозяйственный приют для беспризорных детей. Благодаря усилиям священника Николая Лебедева Власьевское общество трезвости в 1907 году насчитывало более 35 тысяч членов[572].

Священник Ф.О. Морозов в слободе Лозная Острогожского уезда Воронежской губернии организовал своеобразную крестьянскую кассу взаимопомощи. Пожелавшие принять в ней участие крестьяне соглашались на следующую схему: за каждую приобретенную в казенной винной лавке полубутылку водки они доплачивали одну копейку в пользу кассы. Накопленный капитал, по мысли священника, должен был использоваться для восьмипроцентных кредитов, беспроцентных и даже безвозвратных ссуд, предназначавшихся для поправления крестьянского хозяйства.

По словам священника Морозова, крестьяне приняли его предложение «с неописуемой радостью» и просили его «ходатайствовать перед правительством за подобное самообложение»[573], хотя, конечно, трезвеннический характер такой системы вызывает большие сомнения.

---

[571] Варб Е. Указ. соч. С. 17.
[572] Провинциальная жизнь // Русское слово. 1907. № 253.
[573] Морозов Ф.О. Проект создания народной кассы взаимопомощи на началах добровольно-обязательных взносов в местную монополию при покупке водки // Труды… Т. 3. С. 1492.

Участник Всероссийского съезда по борьбе с пьянством иеромонах Павел (Горшков), основатель Сергиевской школы трезвости в Санкт-Петербургской губернии, рассказывал о том, что первыми на его начинания откликнулись крестьяне Сергиевской слободы, которые «принесли в дар школе кусок собственной земли»[574]. Учреждение иеромонаха Павла представляло собой церковно-приходскую школу, в учебном процессе которой большое внимание уделялось «насаждению начал трезвости» среди учеников[575]. Помимо этого, при этой школе действовали библиотека, бесплатная столовая, мастерские.

Кроме того, крупные общества трезвости могли даже субсидировать денежные средства на различные сельские нужды. Так, в 1895 году Сергиевское общество трезвости села Павловка Горбатовского уезда Нижегородской губернии пожертвовало 1000 рублей на строительство храма[576].

Помимо работы в обществах трезвости духовенство принимало активное участие в деятельности попечительств о народной трезвости. Так, члены-соревнователи ярославского губернского попечительства на 21 % состояли из священников, по многочисленности с ними могли сравниться только учителя (22%). Среди участковых попечителей представители духовенства составляли и вовсе половину от общего числа членов – 52 %[577].

В процессе работы на поприще борьбы с алкоголизмом духовенство сталкивалось с рядом трудностей. Современники описывали ситуации, когда священники, решившиеся развернуть трезвенническую деятельность, встречали непонимание со стороны своей паствы.

Доктор А.М. Коровин писал о том, что пастырям порой приходилось «выслушивать от прихожан глумление, встречать общее недоверие. Одному священнику, чтобы добиться улучшения нравов, пришлось посещать кабаки, и

---

[574] Иером. Павел (Горшков). Сергиевская школа трезвости // Там же. Т. 2. С. 639.
[575] Там же.
[576] Отчет о деятельности Сергиевского общества трезвости в селе Павловка с 5 июля 1898 года по 5 июля 1899 года. Село Павловка. Типография Я.М. Сорокина. С. 12.
[577] РГИА. Ф. 575. Оп. 11. Д. 196. Л. 1.

там, среди возбужденных поклонников Бахуса, держать обличительные речи»[578].

А так описывал начальный этап функционирования церковно-приходского общества трезвости священник А. Васильевский из Калужской губернии: «Полное непонимание добрых намерений, стеснение в материальных средствах и людях – помощниках. Приход мой разбросанный, село – погост; ни живой души для обмена мыслей, даже домашние считали дело излишним, чуть ли не моим сумасшествием. Но мое упование Господь Бог и св. Иоанн Предтеча не посрамили – год за годом общество разрасталось, дело окрепало нравственно, явились люди – помощники, потекли и небольшие средства на покрытие расходов по обществу»[579].

Но, очевидно, что не у всех хватало мужества несмотря на все препятствия создавать и развивать общества трезвости. «Учителя школ и прочая сельская интеллигенция стоит как-то особняком от борьбы за трезвость, боясь ли насмешек, не желая ли уронить свое напускное достоинство или не желая расстаться с охмеляющими напитками. Приходится биться одному, как рыба об лед, что и подрезает нередко крылья до готовности совсем сложить оружие», – жаловался священник из Оренбургской губернии[580].

Современники также отмечали, что недостатки трезвенной работы духовенства – это не что иное, как следствие системных проблем Русской Православной Церкви синодального периода. «Культурная борьба с пьянством возможна лишь тогда, когда Православная Церковь будет свободна в своей проповеди и ответственна перед церковью, т.е. собранием верных, и тогда, когда она будет выборная», – был убежден представитель Саратовского губернского земства И.Е. Усачев[581]. Также можно с большой долей уверенности отметить, что

[578] Коровин А.М. Указ. соч. С. 8.
[579] Свящ. А. Васильевский. История возникновения при церкви села Лысой Горы Тарусского уезда Иоанно-Предтеченского общества трезвости // Труды… Т. 2. С. 916.
[580] Прот. Н. Миртов. Указ. соч. С. 1188.
[581] Доклад И.Е. Усачева // Труды. Т. 3. С. 1550.

во многом определенная инертность духовенства в вопросах социальной работы, просветительской и миссионерской деятельности, а также в вопросах организации борьбы за трезвый образ жизни была связана с условиями их материального существования. Как правило, священники не получали жалования от государства, существуя за счет своего прихода, за счет вознаграждений, получаемых за совершение тех или иных треб.

Подобная система вызывала определенную напряженность в отношениях между духовенством и потенциальными прихожанами. «Если бы священнику дали свободно вздохнуть, устранив унизительные сборы и хлебом, и пирогами, и картошкой, и деньгами …, если бы дали ему спокойно взглянуть в глаза своего прихожанина, не боясь насмешки и оскорбления, – то, верю я, зазвучала бы живая и искренняя проповедь, и обновилась бы и приходская жизнь», – писал священник Воронежской епархии Петр Сергеев[582]. «В деревнях безусловно нужно дать священнику жалованье», – считал барон В.Е. Менгден[583].

Несоответствие подобного положения дел роли и задачам священства отмечали и крестьяне. Общественный деятель В.Д. Кузьмин-Караваев приводил их следующие слова: «Нельзя так оставлять, что священники по дворам ходят, у нищих милостыню выпрашивают и таинства продают»[584]. Кроме того, нередки были случаи, когда во время широких сельских торжеств представители духовенства не только не выступали с обличением пьянства, но и сами принимали активное участие в возлияниях с предсказуемым результатом для своего морального облика[585].

В частности, это нашло свое отображение в искусстве: широко известна картина В.Г. Перова «Сельский крестный ход на Пасху» (1861). «Люди, знающие деревню, говорят, что просветители народные – батюшки да учителя часто

---

[582] Свящ. Петр Сергеев. Миссионерские заметки // Воронежские епархиальные ведомости. №4. 1913. С. 123.
[583] Менгден В.Е. Пожар и пьянство как бичи деревни. М., 1909. С. 14.
[584] Кузьмин-Караваев В.Д. Из эпохи освободительного движения. СПб., 1907. С. 290.
[585] Шипов Н.Н. Указ. соч. С. 28.

первые сваливаются под стол на повальном кутеже», – констатировал М.О. Меньшиков[586]. О потреблении алкоголя православными священниками в сравнении с прочими социальными группами с присущим ему сарказмом писал В.О. Ключевский, что интересно, сам сын сельского священника: «Разница между духовенством и другими русскими сословиями: здесь много пьяниц, там мало трезвых»[587]. Имели место и сообщения о том, как прихожане угощали и опаивали священников во время хождения последних по различным требам[588]. Известный церковный иерарх того времени митрополит Антоний (Храповицкий) писал о пренебрежении приходским духовенством предписания не принимать водку в качестве платы за требы[589].

И.К. Ровинский, гласный Смоленского земства, на Всероссийском съезде по борьбе с пьянством предлагал возбудить ходатайство «о вменении духовенству в обязанность уклоняться от участия в такого рода семейных торжествах, где происходит употребление народом спиртных напитков»[590].

В то же время не являлся секретом тот факт, что далеко не все духовенство стояло единым фронтом в вопросе антиалкогольной борьба. Священник Васильевский писал о том, «сколько нужно было нравственных страданий, чтобы устоять против общих уговариваний выпить – среди своих собратьев и всякого рода и звания людей»[591].

Священник из Архангельской губернии признавал, что среди его коллег совсем непьющих спиртных напитков найдется едва ли один на сорок человек[592].

---

[586] Меньшиков М.О. Пьяный бюджет // Новое время. 1907. № 11 393.
[587] Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 344.
[588] Протоиерей Николай Миртов. К вопросу о курсе учения о трезвости для духовных семинарий // Труды... Т. 2. С. 615.
[589] Мит. Антоний Храповицкий. Архипастырское воззвание к духовенству Волынской епархии о говении // Сила православия. М., 2012. С. 330.
[590] Ровинский К.И. Роль Церкви и разного рода религиозных союзов, а также духовенства в деле борьбы с народным пьянством // Труды... Т. 2 С. 254.
[591] Свящ. А. Васильевский. История возникновения при церкви села Лысой Горы Тарусского уезда Иоанно-Предтеченского общества трезвости // Труды… Т. 3. С. 915.
[592] Прот. Н. Миртов. Указ. соч. С. 1143.

«Главное мое горе-то, что настоятель, старший священник, почти пьян… Трезвенным начинаниям он так активно противодействует; так шли ко мне 18 человек записаться в общество, но на дороге встретил их настоятель и убедил якобы в пустоте моей затеи», – жаловался один священник, занимавшийся трезвеннической работой[593].

Председатель Комиссии по борьбе с пьянством Государственной думы III созыва епископ Митрофан (Краснопольский) среди недостатков отмечал случайный характер трезвеннической работы духовенства, отсутствие единства и взаимодействия между отдельными борцами с чрезмерным потреблением спиртного[594]. А.М. Коровин считал, что «от духовных лиц нужно желать большего, ибо до сих пор многие из них или стоят в стороне от великого антиалкогольного движения, не считая своей первой священнейшей обязанностью стать в ряды трезвенников, или другие относятся даже враждебно, имея личную склонность к питию»[595].

Русский философ В.В. Розанов писал о том, что «духовенство сумело приучить весь русский народ до одного человека к строжайшему соблюдению постов; но оно ни малейше не приучило, а, следовательно, и не старалось приучить русских темных людей к исполнительности и аккуратности в работе, к исполнению семейных и общественных обязанностей, к добросовестности в денежных расчетах, к правдивости со старшими и сильными, к трезвости»[596]. В этом же русле Розанов цитировал другого великого мыслителя Л.Н. Толстого, вопрошавшего у духовенства: «К чему все это, когда вы не выучили народ даже воздерживаться от водки?»[597].

Весь этот поток критики находил по-своему провоцировал реакцию в церковной среде – призывы к повышению нравственного уровня духовенства

---

[593] Там же.
[594] Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Стб. 2134.
[595] Коровин А.М. Указ. соч. С. 7.
[596] Розанов В.В. Л.Н. Толстой и Русская Церковь // Он же. Народная душа и сила национальности. М., 2012. С. 831.
[597] Там же. С. 832.

появлялись на страницах официальной церковной печати, шла соответствующая дискуссия, предпринимались меры различной степени успешности в отношении пропаганды трезвого образа жизни среди учащихся духовных учебных заведений[598]. Известно, что образованное в 1890 году при Духовной академии Санкт-Петербурга, общество трезвости, ставящее своей целью подготовку будущих священников для борьбы с пьянством, просуществовало недолго, оказавшись без поддержки со стороны учащихся[599].

В 1909 году Святейший Синод вновь напомнил духовенству о необходимости деятельной борьбы с пьянством в народе, особенно, как было отмечено, в дни храмовых праздников, при совершении браков, на общественных сходах[600].

В целом же при оценке не только трезвеннического, но и нравственного и интеллектуального потенциала духовенства следует всегда принимать во внимание важный момент, о котором в начале XX века писал государственный и общественный деятель князь Б.А. Васильчиков: «О попе-пьянице, корыстолюбце и вымогателе молва расходилась широко и быстро; напротив, о скромном батюшке, тихо и без блеска несущем свой тяжелый крест где-либо в глухом погосте, никто, кроме его безгласной паствы, не знал и не слышал»[601].

Об этой же специфике общественного сознания с сожалением упоминал и митрополит Антоний (Храповицкий): «В благочинническом округе 32 священника трезвых, а двое пьют, но о них говорят по всему уезду, а о тех трезвых молчат. Такова наша Русь»[602].

Основной формой трезвеннической борьбы православного духовенства после личного примера была религиозная проповедь. Священники считали, что лишь через усиление религиозного чувства возможен положительный эффект

[598] Прот. Н. Миртов. К вопросу о курсе учения о трезвости для духовных семинарий. Труды… Т. 2. С. 607-618.
[599] Коровин А.М. Указ. соч. С. 8.
[600] РГИА. Ф. 797. Оп. 80. Д. 141а. Л. 12.
[601] Князь Борис Васильчиков. Указ. соч. С. 99.
[602] Митрополит Антоний Храповицкий. Нравственность черного и белого духовенства. Ответ М.О. Меньшикову // Он же. Сила православия. М., 2012. С. 156-157.

антиалкогольной пропаганды. «Народ, безусловно, перестанет пить, когда нравственность его окрепнет. А нравственность окрепнет тогда, когда сильна будет вера. Без воздействия религии борьба с пьянством невозможна», – был убежден священник Петр Миртов[603].

«Борьба ведется, главным образом, на почве этической, чрез указание на то моральное зло, какое причиняет пьянство», – рассказывал в Государственной думе третьего созыва о специфике церковной трезвеннической борьбы епископ Митрофан (Краснопольский)[604].

Митрополит Антоний (Храповицкий) писал о том, что борьба с пьянством являлась по признанию многих современников малоуспешной от того, что «она берет это печальное явление отрешенно от быта, забывая, что пьянство есть не основное, но выводное явление, что оно есть психологически почти необходимый результат различных условий народной жизни: не холода и голода, но, может быть, именно отсутствия пищи для духовной жизни, говоря иначе – воскресной праздности и пустоты. Ее-то нужно наполнить и тогда уже бороться с пьянством»[605].

«По моему мнению, пьянство – от отсутствия религиозного сознания, и спасение от него – в пробуждении этого сознания», – был убежден Л.Н. Толстой[606].

Желание борьбы с «воскресной праздностью и пустотой» иногда подвигало церковное начальство на разного рода инициативы. В 1913 году по инициативе Святейшего Синода в России был учрежден праздник трезвости, ключевым элементом которого должен был стать сбор средств для борьбы с пьянством. Согласно постановлению Синода праздник трезвости должен был отмечаться ежегодно 29 августа – в день, когда православные отмечают Усекнове-

---

[603] Прот. Н. Миртов. Указ. соч. С. 1169.
[604] Речь епископа Митрофана (Краснопольского) // Труды... Т. 1. С. 56-57.
[605] Митрополит Антоний Храповицкий. О желательном характере церковно-народных изданий // Он же. Сила православия. М., 2012. С. 62.
[606] Приветствия // Труды... Т. 1. С.60.

ние главы Иоанна Крестителя[607]. Однако празднику не удалось в серьезной степени стать частью жизни народа – в августе и осенью 1914 года в связи с началом Первой мировой войны в России были введены серьезные ограничения на продажу спиртных напитков в рамках так называемого «сухого закона».

Определенным нюансом трезвеннической борьбы православного духовенства был тот факт, что христианское вероучение не содержит в себе полного отказа от потребления спиртного. Более того, вино является одним из непременных богослужебных элементов, и кроме того, оппоненты борцов за трезвость могли указывать на то, что Иисус Христос, согласно Евангелию, сам употреблял виноградное вино.

Этот факт становился своего рода козырем для различного свойства сект, в свою очередь провозглашавших полный отказ от потребления алкогольных напитков. В частности такую установку активно продвигали штундисты, духоборы, малеванцы. «Их абсолютная трезвость, несомненно, действует укрепляющим образом на духовную и материальную сторону их существования, и дает им превосходство над окружающим православным населением, где питейные нравы свили себе прочное гнездо», – отмечали современники[608]. Подобная ситуация порой приводила к переходу отдельных крестьян из православия в другую веру. Своеобразную мотивацию таких переходов описал И.А. Сикорский: «Мы знаем примеры, где жены являлись для своих мужей горячими проповедниками сектантства, руководствуясь при этом не идеей новой веры, но практическим сознанием необходимости избавить своих мужей от пьянства»[609].

На определенное распространение сект в пореформенное время именно как на форму борьбы с пьянством указывали и представители Русского географического общества[610]. Член Государственного совета архиепископ Никон (Ро-

---

[607] Церковные ведомости. 1914. № 16. С. 125.
[608] Коровин А.М. Указ. соч. С. 26.
[609] Сикорский И.А. Указ. соч. С. 20-21.
[610] Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Под ред. В.П. Семенова. СПб., 1902. Т. 2. С. 184.

ждественский) в обращении к пастве свидетельствовал, что именно пьянство и сопутствующий ему разврат со стороны православных людей различные религиозные объединения используют как один из аргументов в критике Церкви[611]. Тем не менее, и у самих сектантов далеко не всегда слова соответствовали реальным делам. На страницах официальных церковных изданий нередко появлялись материалы, разоблачающие представителей сект, не чуждых алкогольным излишествам, несмотря на провозглашаемую абсолютную трезвость[612].

Надо сказать, что упрек в сторону Русской Православной Церкви в том, что ее трезвенническая риторика содержит противоречие из-за отсутствия в Священном Писании прямого указания на полный отказ от спиртного, рождал ответную реакцию со стороны религиозных деятелей. В частности видный церковных деятель того времени митрополит Владимир (Богоявленский), один из самых активных борцов за трезвость среди православных иерархов, развивал идею о том, что виноградное вино, упоминаемое в Библии, могло подразумевать под собой безалкогольный напиток, иначе говоря, сок. Тем самым, митрополит обосновывал возможность и даже необходимость для православных верующих быть абстинентами, то есть лицами, полностью отказавшимися от употребления алкогольных напитков[613].

В целом же надо заметить, что не приходится говорить о массовых переходах крестьян из православия в различные секты по причине противодействия пьянству. Решиться на такой кардинальный шаг можно было лишь в крайних случаях алкогольной зависимости, каковые в деревне встречались достаточно редко.

С другой стороны, даже сами представители религиозных структур, не находившихся под юрисдикцией Русской Православной Церкви, отдавали

[611] Архиеп. Никон (Рождественский). Покаемся! // Он же. Православие и грядущие судьбы России. М., 2013. С. 148.
[612] Свящ. Петр Сергеев. Что такое секта «Новый Израиль» по ее веро- и нравоучению? // Воронежские епархиальные ведомости. 1913. № 12. С. 357.
[613] Митрополит Владимир (Богоявленский). Против ли нас (абстинентов) Библия? // В борьбе за трезвость. 1912. № 11-12. С. 3-43.

должное антиалкогольной работе православного священства. Старообрядец Д.П. Гулькин в Государственной думе третьего созыва в ответ на критику в сторону духовенства за недостаточную трезвенническую работу заявлял, что «священство стоит на высоте своего призвания»[614].

Тем не менее, к началу XX века число приверженцев различных сект в России достигло 5 млн. человек. Вместе со старообрядцами количество людей, поставивших себя вне официального православия, составило 35 млн. человек[615].

Подытоживая, стоит сказать, что в особенности в деревне, но в значительной степени и в городе конкуренцию православному священнику в вопросе борьбы с чрезмерным потреблением спиртных напитков не мог составить даже учитель. Не был далек от истины представитель духовенства, отмечавший, что «в наше время на низах, в народе, в глуши сел и деревень за народную трезвость борются только священники»[616]. Традиционалистское крестьянство в массе своей отзывчиво реагировало на трезвенническую деятельность священника, наполненную религиозным содержанием и подкрепленную личным примером проповедника.

Другой вопрос – какова была степень вовлеченности приходского духовенства в борьбу за трезвость. На рубеже XIX–XX вв. его численность составляла в России более 100 тыс. человек[617], тогда как количество православных обществ трезвости не достигало и двух тысяч. Несмотря на выдающиеся успехи ряда священников на поприще противодействия алкогольной угрозе, большинство представителей данного сословия оказались в стороне от этой борьбы.

Инертность духовенства во многих аспектах пастырской деятельности, ослабление влияния на народ, все это не было секретом для современников. Об общих причинах недостаточного успеха православного духовенства в деле про-

---

[614] Стенографические отчеты. Сессия первая. Часть 3. СПб., 1908. Стб. 318.
[615] Булдаков В.П. Указ. соч. С. 24.
[616] Прот. Н. Миртов. Указ. соч. С. 1169.
[617] Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). В 2-х т. СПб., 2000. Т. 1. С. 108.

свещения своей паствы рассуждал митрополит Вениамин (Федченков): «Влияние Церкви на народные массы все слабело и слабело, авторитет духовенства падал. Причин много. Одна из них в нас самих: мы перестали быть “соленою солью” и поэтому не могли осолить и других»[618]. А ведь еще в 1873 году один священник писал: «Жизнь нашего многомиллионного крестьянства коренным образом изменилась за последние десятилетия, проснулись у народа духовные запросы, на которые они тщетно ищут ответа»[619]. Видимо, не всегда необходимые ответы находились и у представителей официальной Церкви.

[618] Мит. Вениамин (Федченков). Указ. соч. С. 122.
[619] Канель В.Я. Указ. соч. С. 374.

§ 5. Образованное сообщество и проблемы распространения трезвости в России

Сложно переоценить ту роль, которую играло российское образованное сообщество в деле распространения трезвости в стране на рубеже XIX–XX вв. Врачи самого разного профиля, педагоги, земские и общественные деятели с различных сторон занялись изучением проблем, связанных с потреблением алкоголя населением, тесно связывая теоретическую работу с практическими инициативами в деле антиалкогольной борьбы. Знаковым событием в этой связи стало образование в 1898 году при Русском обществе охранения народного здравия Комиссии по вопросу об алкоголизме, мерах борьбы с ним и для выработки нормального устава заведений для алкоголиков. Ее председателем стал профессор М.Н. Нижегородцев, врач-психиатр. В 1900 году в Комиссии работало 170 членов по самым разным направлениям, исследуя физиологические, экономические, нравственные, культурные, бытовые аспекты неумеренного потребления спиртного. Основные достижение этой кропотливой работы нашли свое отражение в 13 томах Трудов Комиссии, изданных за 15 лет ее существования (1898–1913)[620].

Важнейшей вехой в истории трезвенного движения в России в конце XIX – начале XX века стал Первый Всероссийский съезд по борьбе с пьянством, состоявшийся в Санкт-Петербурге с 28 декабря 1909 года по 6 января 1910 года. Организатора форума подчеркивали, что мероприятие проводилось вне каких-либо политических интересов и партий. В рамках съезда работало три секции. Первая была посвящена воздействию алкоголя на человеческий организм, вторая – социальным последствиям чрезмерного потребления спиртного, третья – мерам борьбы с алкоголизмом. Всего в работе съезда приняло участие 453 че-

---

[620] Дембо Л.И. Очерк деятельности Комиссии по вопросу об алкоголизме за 15 лет (1898–1913). СПб., 1913.

ловека – врачи (36 % от общего числа участников), педагоги (5,96 %), священники (5,74 %) и прочие неравнодушные к делу антиалкогольной работы (52,3%)[621].

Председатель московского попечительства о народной трезвости, московский губернатор В.Ф. Джунковский так вспоминал открытие антиалкогольного форума: «Огромный зал собрания кишел пестрой толпой: сановники в расшитых мундирах, в лентах с орденами, военные и скромные простолюдины в косоворотках, видные ученые и девушки типа курсисток, члены Государственной думы, профессора, лица свободных профессий, рабочие…»[622].

По словам председателя организационного комитета съезда М.Н. Нижегородцева, задачей съезда стал выработка «общих оснований планомерной борьбы с народным пьянством»[623].

Тематика антиалкогольного съезда включала в себя следующие вопросы: участие школы в борьбе за трезвость, способ взимания питейного налога, роль социально-экономических условий в структуре потребления спиртных напитков, различные формы трезвеннической работы и многое другое. Участники собрания единогласно высказались за абсолютное воздержание от употребления спиртного, тем самым подчеркнув, что не поддерживают идею замены крепких алкогольных напитков на более слабые – вино или пиво[624]. «Заинтересованность фиска в увеличении дохода от винной монополии создает непреодолимую преграду для общественных организаций и государственных учреждений в деле принятия действительных мер для борьбы с пьянством», – отмечалось в заключении Всероссийского съезда по борьбе с пьянством[625]. Съезд также высказался за введение в качестве отдельного предмета начал трезвости в

[621] Список учреждений, которые командировали на съезд представителей // Труды… Т. 1. С. 36.
[622] Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 446.
[623] Протокол 1-го общего собрания // Труды… Т. 1. С. 48.
[624] Протокол общего заключительного публичного собрания 6 января 1910 года // Там же. С. 90.
[625] Там же. С. 91.

начальной и средней школе, а также за «устранение всех существующих стеснений по открытию народных библиотек, читален и по устройству чтений для народа»[626].

Не обошлось, правда, и без определенного недопонимания между участниками форума. Представители духовного сословия покинули мероприятие, не согласившись с тем, какую роль в трезвеннической борьбе отводили светские участники съезда религиозному просвещению[627].

В этой связи В.Ф. Джунковский писал: «Съезд пробудил тревогу в дремлющем общественном сознании, фиксировал внимание общества на вопросе о борьбе с пьянством». При этом он отмечал, что негативной стороной форума явился тот факт, что не удалось объединить всех борцов за трезвость и выработать общего плана[628].

Определенная степень разъединенности разноплановых участников трезвенного движения в России на рубеже XIX–XX вв. – признанный факт. Так, покинувшие санкт-петербургский антиалкогольный съезд 1909–1910 гг. представители духовенства через несколько лет, в 1912 году, уже в Москве провели II Всероссийский съезд практических деятелей по борьбе с алкоголизмом. Обобщая, В.П. Булдаков отмечает, что очень незначительная часть интеллигенции откликнулась в начале XX века на призыв Церкви к диалогу[629]. Это, разумеется, прискорбный факт для борьбы с алкоголизмом, потому что объединение совместных усилий в противодействии пьянству людей, пользовавшихся различными методами, могло принести добрые плоды. «Было бы желательно, чтобы при школах создались трезвенные общества родителей, которые бы тесно примкнули или сливались с таковыми же при церковных приходах и в которых учителя и священники, от времени до времени, собирали родителей и учеников для со-

---

[626] Там же. С. 90.
[627] Протокол соединенного вечернего заседания всех секций 4 января 1910 года // Там же. С. 173.
[628] Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 453.
[629] Булдаков. Указ. соч. С. 75.

вместной беседы об алкогольных вопросах», – писал Джунковский[630]. «Если какие-нибудь успехи и есть, то это только там, где принимают деятельное участие в борьбе с пьянством священники, учителя и школы», – отмечал священник Николай Гепецкий[631].

У образованного сообщества, к слову, имелся очень большой потенциал просветительской работы. Примеры того – практически весь объем литературы, вошедшей в дореволюционный раздел историографии по проблеме, и многое другое.

Так, плодом трудов двух братьев – С.М. Беляева и М.М. Беляева, врача и учителя, стало учебное пособие для преподавания арифметики в «низших учебных заведениях всех ведомств» под названием «Сборник задач противоалкогольного содержания». Учебное пособие содержало в себе задачи, затрагивающие алкогольную статистику и вред, наносимый человеку и обществу от употребления спиртных напитков. Содержание подобных задач, как правило, выглядело следующим образом: «Во всех деревнях России выпивается водки вдвое больше, чем во всех городах, а живет в деревнях народу в восемь раз больше, чем в городах. Где больше пьянствуют и во сколько раз?»[632]. Примечательно, что в конце этого сборника задач приводился список литературы, на основе которой было составлено учебное пособие.

Известный борец за народную трезвость врач А.Л. Мендельсон разработал в 1913 году специальный учебник трезвости – учебное пособие для начальной и средней школы. При подготовке учебника был учтен зарубежный опыт подготовки подобных изданий – в основе книги Мендельсона лежало издание швейцарского специалиста Жюля Дени, существенно адаптированное для учащихся в соответствии с российскими реалиями[633]. Почти на ста сорока страни-

---

[630] Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 532.
[631] Стенографические отчеты. Сессия первая. Часть 1. СПб., 1908. Стб. 350.
[632] Беляев М.М., Беляев С.М. Сборник задач противоалкогольного содержания. М., 1914. С. 23.
[633] Мендельсон А.Л. Учебник трезвости. СПб, 1913.

цах рассказывалось о том, что такое алкогольные напитки, и какой вред несет за собой их употребление.

Кроме того, получили развитие всевозможные антиалкогольные плакаты, иллюстрации в периодической печати, посредством которых художник наглядно демонстрировали населению вред и губительные социальные последствия неумеренного употребления спиртного (см. рис. 1-3 и 6-13 в приложении 4).

На борьбу с пьянством был призван даже зарождавшийся российский кинематограф. В 1913 году на базе кинематографической компании А.А. Ханжонкова был создан научно-популярный фильм с элементами анимации «Пьянство и его последствия». Режиссером картины был А.Л. Дворецкий, в съемках принимал участие известный российский актер И.И. Мозжухин. Редактором фильма являлся доктор медицины В.Я. Канель, кроме того съемочную группу консультировали доктора А.М. Коровин, Ф.А. Андреев, А.Н. Бернштейн, Т.И. Вяземский, М.Н. Шатерников. В рамках пятиминутной кинокартины зрителям рассказывалось о том, какой вред наносит пьянство организму алкоголика и его детей, показывались внутренние органы пьяницы и здорового человека, демонстрировались представители городских низов, страдающих алкогольной зависимостью. При помощи анимации объяснялось, что пьянство чревато серьезными психическими проблемами. Создатели картины даже получили благословение от церковного священноначалия демонстрировать свое произведение народу в дни Великого поста.

Определенный прогресс наблюдался и в медицинской области. В 1912 году прославленный отечественный психиатр В.М. Бехтерев открыл в Санкт-Петербурге на базе Психоневрологического института Экспериментально-клинический противоалкогольный институт. Это было первое в Европе учреждение, сочетавшее в себе лечебный, клинический, научно-экспериментальный аспекты борьбы с чрезмерным потреблением спиртного. В составе института существовала клиника для стационарных больных, амбулаторное отделение, физиотерапевтические кабинеты, библиотека, музей и др. Молодые врачи мог-

ли пройти там специализированную подготовку для лечения больных алкоголизмом всеми известными науке на тот момент средствами: водолечение, молочная диета, внушение, электролечение, лечение атропином и стрихнином и т.д.[634].

Неимущие больные принимались на лечение в институт бесплатно по той причине, что противоалкогольное учреждение находилось на содержании Министерства финансов. Этот последний факт стал причиной скандала вокруг открытия Экспериментального института, так как ряд представителей общественности, в том числе коллеги Бехтерева, среди которых был известный профессор И.П. Павлов, заявили о том, что на самом деле главной целью нового учреждения является разработка доказательств в пользу безвредности употребления алкоголя в определенных дозах[635]. Утверждение было основано на некой записке, адресованной Департаментом неокладных сборов и казенной продажи питей в бюджетную комиссию Государственной думы третьего созыва, в которой испрашивалось 300 тыс. рублей на создание лаборатории «для изучения влияния алкоголя на организм и для исследования алкоголизма в населении»[636].

Заметим, что сам Бехтерев заявлял о необходимости полного отказа от потребления алкоголя, критикуя за недостаточную решимость в этом плане И.А. Сикорского[637]. Однако и сам факт финансирования антиалкогольного института государством, получавшим от продажи алкоголя до трети от всех поступлений в бюджет, не могло не наводить на некоторые подозрения.

Помимо Экспериментального противоалкогольного института развивались в России и другие направления врачебной помощи при различных формах алкогольных заболеваний. Первый в России вытрезвитель – «приют для опьяневших» – был открыт в Туле в 1904 году. Постепенно аналогичные заведения

---

[634] Иваникова М.В. Роль школы В.М. Бехтерева в развитии исследований алкоголизма в России. Автореф… канд. мед. наук. СПб., 2012.
[635] Павлов И.П. Экспериментальный институт для укрепления вящшаго господства алкоголя над русской землей // Русский врач. 1912. № 20. С. 700-702.
[636] Там же. С. 700.
[637] Бехтерев В.М. Указ. соч. С. 4-5.

стали появляться в других городах, но не в деревне. Отсутствие подобных приютов было одним из факторов относительного повышения смертности в зимний период, когда человек, находившийся в состоянии опьянения, замерзал в сугробе, не добравшись до дома. Современники подчеркивали, что до учреждения винной монополии с ее торговлей спиртным преимущественно на вынос, приют особо пьяным посетителям нередко предоставляли владельцы распивочных трактиров и кабаков[638]. Необходимо, однако, признать, что эти владельцы могли при желании и обобрать находящегося в беспомощном состоянии гостя.

Развивали свою деятельность и светские общества трезвости, впрочем, само их число говорит о многом. В 1900 году таковых насчитывалось 25, через одиннадцать лет их количество увеличилось до 91[639]. Это было примерно 5 % от общего количества обществ трезвости, подавляющее большинство из которых были религиозными. При этом подобные организации светского характера, работавшие в деревнях, были редкостью, основная их целевая аудитория – население городов. Причиной малочисленности светских обществ трезвости во многом являлось недоверие к ним со стороны властей, что выливалось в сложности получения разрешения на начало своей деятельности.

Слабым местом трезвеннической пропаганды образованных слоев населения было зачастую отсутствие личного примера. По многочисленным свидетельствам, интеллигенция отнюдь не являла собой образец воздержания, что, впрочем, касалось и других представителей городского населения. «Не думайте, что одно простонародье заражено пьяной отравой. Не менее заражено им городское мещанство, купечество, духовенство, чиновничество…», – отмечал М.О. Меньшиков[640].

Подверженности представителей городских слоев алкогольным излишествам поражался известный швейцарский психиатр А. Форель, активный про-

[638] РГИА. Ф. 575. Оп. 6. Д. 820. Л. 38.
[639] Коровин А.М. Указ. соч. С. 8; Афанасьев А.Л. Указ. соч. С. 40.
[640] Меньшиков М.О. Пьяный бюджет // Новое время. 1907. № 11 395.

пагандист трезвого образа жизни. Он, описывая один из своих визитов в Россию, отмечал «радушие и отзывчивость на все доброе и возвышенное» как национальную черту русского народа.

Однако при этом, как один из главных негативных моментов, отмечал несдержанность представителей российских образованных слоев общества в плане потребления спиртного: «Одно только меня поразило – это море вина, которое предлагалось на всех ваших обедах, ужинах и завтраках. Это что-то чудовищное и поразительное по своему размаху и размерам! Этот вездесущий демон алкоголя захватил в свои проклятые объятия весь интеллигентный класс вашего народа, культура которого нисколько не ниже, если не выше нашей западноевропейской интеллигенции»[641]. Таким образом, Форель призывал усилить пропаганду трезвости в среде образованных людей.

«Иначе ведь пьет столица, иначе торгово-промышленный центр, портовый город, иначе город, удаленный от торговых путей, являющийся только административным центром, центром для окружающих его селений. Общим в них пьющим классом является только наша интеллигенция, наши зажиточные классы», – был убежден Н.С. Соколов[642].

Притчей во языцех являются разговоры об обрядовом пьянстве, о том, как крестьянство отмечало свадьбы и престольные праздники. Пьяный разгул в те дни традиционно связывался с низким уровнем деревенской культуры и образования. Но и в среде образованных горожан были дни, когда пьянство ее представителей громко заявляло о себе. Речь идет о дне святой Татьяны, дне студентов, празднование которого прочно откладывалось в умах современников.

Красноречивые отзывы о том, как в Москве проходил праздник 12 января в 1885 году оставили многие очевидцы тех событий. Так, А.П. Чехов писал: «Татьянин день – это такой день, в который разрешается напиваться до поло-

---

[641] Бородин Д.Н. Профессор А. Форель по вопросу о борьбе с пьянством. СПб., 1910. С. 21.

[642] Соколов Н.С. Меры борьбы с пьянством по проекту Государственной думы и Министерства финансов // Труды… Т. 3. С. 889.

жения риз даже невинным младенцам и классным дамам. В этом году было выпито все, кроме Москвы-реки, которая избегла злой участи благодаря только тому обстоятельству, что она замерзла», – писал Чехов. По его словам, «в Патрикеевском, Большом московском, в Татарском и прочих злачных местах выпито было столько, что дрожали стекла, а в «Эрмитаже», где каждое 12 января, пользуясь подшефейным состоянием обедающих, кормят завалящей чепухой и трупным ядом, происходило целое землетрясение. Пианино и рояли трещали, оркестры, не умолкая, жарили “Gaudeamus”, горла надрывались и хрипли…»[643].

Другой русский классик Л.Н. Толстой прямо сравнивал такие празднования дня студентов, в котором принимали участие, разумеется, не только они одни, с крестьянскими свадьбами и храмовыми праздниками. «Казалось бы, что люди, стоящие на двух крайних пределах просвещения, дикие мужики и образованнейшие люди России: мужики, празднующие Введение или Казанскую, и образованные люди, празднующие праздник именно просвещения, должны бы праздновать свои праздники совершенно различно», – задавался вопросом Толстой и признавался, что по своему содержанию отличий нет. «Мужики придираются к Знаменью или Казанской без всякого отношения к значению праздника, чтобы есть и пить; просвещенные придираются к дню Св. Татьяны, чтобы наесться, напиться без всякого отношения к Св. Татьяне»[644].

С горечью отмечал Толстой имевшуюся разницу в подобных празднованиях: «Мужик всякий считает себя виноватым, если он пьян, и просит у всех прощение за свое пьянство. Несмотря на временное падение, в нем живо сознание хорошего и дурного. В нашем обществе оно начинает утрачиваться»[645].

А.Н. Ткачев в Государственной думе также касался темы празднования Татьянина дня. 12 января, по его словам, «собирается молодая и старая наука… и мы видим, что к концу этого дня улицы переполнены пьяницами, и во всех

[643] Чехов А.П. Осколки московской жизни // Он же. Полн. собр. соч. Т. 16. М., 1987. С. 141.
[644] Толстой Л.Н. Праздник просвещения 12 января // Он же. Полн. собр. соч. Т. 26. М., 1936. С. 447.
[645] Там же. С. 448.

гостиницах и ресторанах все эти ученые, доктора, магистры и кандидаты находятся в состоянии полускотском»[646]. Современники упоминали о пьянстве и как об одном из атрибутов студенческой жизни. Л.А. Золотарев среди причин потребления алкоголя студентами выделял «неудовлетворенность жизнью», «несоответствие умственных запросов студента с официальными средствами их удовлетворения» (выбор учебного заведения не по призванию)[647].

«Ежегодно 12-го января в Москве и 17 февраля в Петербурге огромное большинство студентов университета напиваются очень сильно. Это официальное празднество обыкновенно продолжается несколько дней», – писал Л.А. Золотарев. По его мнению «употребление спиртных напитков студентами всех наших высших учебных заведений представляет обычное явление»[648]. Тем не менее, исследователь подчеркивал, что «настоящих пьяниц среди молодежи мало», а также, что «студенты пьют гораздо меньше … дипломированной интеллигенции»[649].

А.С. Изгоев оставил замечания относительно содержательной стороны студенческого потребления спиртного. Сравнивая «попойки» немецких студентов и российских, он объяснял причину того, почему пьянство отечественной молодежи в нем возбуждало «тяжелое чувство». «Самое тягостное в этих попойках и есть эта невозможная смесь разврата и пьянства с красивыми словами о несчастном народе, о борьбе с произволом и т. д. Бурш пьянствует, глупо острит, безобразничает, но он не рядит своего пьяного веселья в яркие одежды мировой скорби. Перевертывая вывески и разбивая фонари, он и сознает, что буянит, а не думает, что протестует против современного строя. У нас же и в кабаках и в местах похуже передовые студенты с особой любовью поют и "Дубинушку", и "Укажи мне такую обитель"...», – констатировал Изгоев[650]. Не ис-

[646] Стенографические отчеты. Сессия первая. Часть 2. СПб., 1908. Стб. 60-61.
[647] Золотарев Л.А. Студенческое пьянство, его значение и причины. М., 1898. С. 40.
[648] Там же. С. 5.
[649] Там же. С. 6.
[650] Изгоев А.С. Об интеллигентной молодежи // Вехи. М., 1991. С. 195.

ключено, что замечаемое в ряде случаев регулярное потребление алкоголя в значительных количествах было способом для образованных людей подавить внутри себя состояние фрустрации. Высшее образование в дореволюционной России далеко не всегда гарантировало человеку материальный достаток и высокий социальный статус, расширяя при этом круг потребностей и не обеспечивая одну из главных – потребность в самореализации.

Нельзя также не сказать о том, что далеко не все образованное сообщество было готово отправиться в поход на чрезмерное потребление спиртного. «Из 23 536 врачей Российского государства подавляющее большинство не причастно к идейному оздоровлению народа в данном отношении, оно ограничивается прописыванием микстур, пилюль. При этом одни из них совершенно чужды борьбы, другие считают ее увлечением фанатиков, третьи не видят смысла в борьбе, не веря в ее результатность», – признавал врач А.М. Коровин[651].

Тот же автор описывал ситуацию, подтверждающую мнение об определенной инертности интеллигенции по отношению к делу распространения трезвости. По его словам «в одном из поволжских городков жена врача вздумала организовать общество трезвости», но врагом этой инициативы явилась местные служащие во главе с судебным следователем. Полезное начинание удалось продолжить только после вмешательства руководства губернского города[652].

«Факт развития обществ трезвости по деревням и по инициативе простолюдинов, при незначительном участии просвещенной части общества, свидетельствует о малой отзывчивости наших лучших людей к некоторым назревшим вопросам своей родины», – сожалел Коровин[653].

Ярославское попечительство о народной трезвости в отчете за 1912 года сообщало о том, что не смогло расширить своей деятельности не только из-за финансовых трудностей, но и «вследствие еще полнейшего индифферентизма

---

[651] Коровин А.М. Русские врачи и вопрос о борьбе с алкоголизмом // Труды… Т. 3. С. 1480.
[652] Коровин А.М. Движение трезвости в России. СПб., 1900. С. 8.
[653] Там же. С. 12.

даже и интеллигентного нашего общества к задачам попечительства о народной трезвости за отсутствием ясного еще сознания в крайней необходимости у нас на Руси непременной и упорной борьбы с винопитием, этим страшным бичом современного человечества»[654].

Осложняло трезвенническую работу в деревне и имевшее место недоверчивое отношение к просветительским инициативам представителей образованного общества со стороны крестьянства, зачастую воспринимавшего врача, учителя, земского деятеля как человека, глубоко чуждого селянам.

«Чрезвычайно легко распространяясь все дальше и дальше, это недоверие захватывает всех, занимающих известное положение, всех носящих известный костюм, всех, стоящих по занятиям, по образованию или хотя бы только по наружному виду, вне народной массы», – констатировалось в прессе того времени[655].

В то же время имел место и процесс обратного характера. А.М. Коровин отмечал, что «общества трезвости способствуют уничтожению тех общественных перегородок, какие остались в наследство от упраздненного … крепостного права: народ приучается видеть в интеллигенте не “барина”, а простого смертного и относиться с доверием и уважением к научным истинам»[656].

Тем не менее, стоит подчеркнуть, что, несмотря на все указанные недостатки, рубеж XIX–XX вв. был временем резкого подъема интереса образованного сообщества к проблемам народной трезвости. Произошел определенный рост самосознания части городской интеллигенции, о котором писал, правда, несколько преувеличенно, И.И. Янжул: «Чем более привычки умеренности и воздержанности в потреблении хмельных напитков развиваются в этом классе, тем более поднимаются нравственные требования в обществе относительно трезвости, и образованный класс начинает строже относиться к пьянству в на-

---

[654] РГИА. Ф. 575. Оп. 11. Д. 196. Л. 1об.
[655] Из общественной хроники // Вестник Европы. 1892. № 10. С. 890.
[656] Коровин А.М. Движение трезвости… С. 12.

роде, хотя, в сущности, оно, может быть, нисколько не увеличилось сравнительно с прежним, или даже уменьшилось»[657].

При этом ученые мужи понимали, что запрет на потребление алкоголя может принести свои плоды лишь вкупе с повышением материального, образовательного и правового обеспечения народных масс. «Чтобы человек не пил, что же нужно? Нужно хорошее питание, прежде всего… Хорошие библиотеки, дешевые столовые, народное образование – все это способствует сокращению употребления алкогольных напитков», – был убежден И.Х. Озеров[658].

И.И. Янжул в качестве необходимых мер по борьбе за трезвость предлагал усилить работу по распространению образования в народе, заниматься популяризацией безалкогольных и слабоалкогольных напитков (квас, пиво, вино, чай, кофе), улучшить очистку спирта, развивать частную инициативу, то есть поощрять открытие различных обществ трезвости[659]. Экономист призывал «дискредитировать пьянство в глазах народа», снять с него покров удальства и молодечества». В достижении этой цели Янжул отводил главную роль именно образованному сообществу[660].

Однако представители последнего далеко не всегда находили в себе силы соответствовать тому идеалу, следовать которому призывали народ. Это лишний раз доказывает тот факт, что грамотность, образованность сама по себе не играет большой роли в деле распространения трезвости. Знания и умения сельского врача или учителя, равно как и священника, были эффективны в крестьянской среде лишь в случае наличия твердого личного примера.

---

[657] Янжул И.И. Пьянство как социальный недуг и борьба против него. СПб., 1908. С. 7.
[658] Выступление И.Х Озерова // Материалы по вопросам земельному и крестьянскому. Всероссийский съезд крестьян-старообрядцев в Москве. 22-25 февраля 1905 г. М., 1906. С. 57.
[659] Янжул И.И. Указ. соч. С. 91-94.
[660] Там же. С. 96.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рубеж XIX–XX вв. – период в истории Российской империи, насыщенный важнейшими, порой судьбоносными, событиями и процессами. Локальный конфликт с Японией на Дальнем Востоке, мировая война, три революции, стремительное промышленное развитие и попытки аграрных преобразований, появление законодательной Государственной думы – рассмотрение на этом фоне проблем, связанных с потреблением алкогольных напитков в деревне и трезвеннической борьбой, предпринимаемой различными социальными группами и институтами, позволяет расширить представления в целом об эпохе и в частности об ее отдельных составляющих.

В рассматриваемый период государственные власти решились пойти на реализацию питейной реформы, сутью которой стало введение в стране государственной монополии на продажу алкогольных напитков. Согласно официальным заявлениям, монополия должна была изменить питейные традиции русского народа, главным образом, приучить людей к умеренному потреблению спиртного в домашних условиях. При этом государство брало на себя обязанность по повышению качества предлагаемой народу в казенных винных лавках водки. Этот последний момент был, пожалуй, единственным положительным результатом винной монополии. Проводя питейную реформу, государство лишило деревню миллионных доходов, ликвидировав право сельских обществ за вознаграждение открывать на территории своей усадебной оседлости частные питейные заведения. Эти доходы, напомним, по большей степени шли на различные социальные и образовательные нужды и так не изобиловавшего лишними деньгами села. Сверхприбыли от казенной торговли спиртным шли, разумеется, в первую очередь, не на развитие деревни, не на решение ее первоочередных проблем.

Немаловажным негативным аспектом казенной продажи питей стало колоссальное развитие тайной торговли спиртными напитками в деревне. По сути, шинкари превратились в неофициальных торговых агентов казны, способствовавших максимальной реализации государственной водки. «Тайные» торговцы в годы винной монополии чувствовали себя крайне комфортно, ощущая поддержку и защиту как со стороны местного населения, имевшего свои выгоды от круглосуточной продажи вина в местах, так напоминавших старые добрые кабаки, так и со стороны официальных властей, заботившихся лишь об исправном пополнении государственного бюджета. Помимо урона экономического и нравственного характера, наносимого шинкарством крестьянам, покупавшим у торговцев из-под полы очень часто продукт сомнительного качества и по завышенной цене, тайная продажи вина у всех на виду провоцировала развитие пренебрежительного отношения к закону в деревне, переживавшей и без того не очень нестабильные времена.

Говоря о соотношении потребления алкоголя и общественного движения, стоит упомянуть об отсутствии у государства намерений на рубеже XIX–XX вв. «заливать» вином революционную активность масс. Политическое преломление казенной продажи питей заключалось в том, чтобы лишить крестьянство кабаков – мест распивочной продажи спиртного, выполнявших в селе в значительной степени функцию клубов, и поменять их на казенные винные лавки, где водку сельчанам отпускали государственные служащие для домашнего потребления.

Между тем, вино само по себе выполняло важную социальную функцию – снимало психологическое напряжение масс, формировавшееся за счет масштабных общегосударственных катаклизмов. В 1900-х годах максимальный подъем потребления спиртного, причем скачкообразного характера, пришелся на 1906 год – в разгар Первой российской революции, активным субъектом которой было крестьянство, и по следам неудачной русско-японской войны 1904–1905 годов. В 1910-х годах ситуация в общих чертах повторилась – революци-

онный настрой населения совпал (а во многом и был вызван) затяжной сложной Первой мировой войной. Однако решение властей летом 1914 года приостановить на время конфликта продажу спиртного лишило народ эффективного средства борьбы с состоянием фрустрации. Неуместно говорить о решающей роли «сухого закона» в победе Февральской революции, но, безусловно, отсутствие доступного алкоголя позволяло населению наращивать в себе негативный настрой по отношению к властям.

Правительственная борьба с алкоголизацией деревни, главным образом, заключалась в деятельности попечительств о народной трезвости – учреждений, созданных при введении государственной винной монополии, и структурно являвшихся подразделением Министерства финансов. Это сразу предопределило их относительную неэффективность, так как, разумеется, финансовое ведомство не могло с одной стороны быть заинтересованным в повышении доходов казны от продажи крепких спиртных напитков, а с другой стороны добросовестно иметь попечение об укреплении народной трезвости. Помимо постепенного уменьшения финансового обеспечения попечительств, имело место быть и ограничение людских ресурсов – решающую роль в попечительствах зачастую играли не искренние поборники трезвости, а чиновники, представители различных уровней администрации, вынужденные бороться с пьянством не по зову сердца, а по приказу сверху. Эффективность подобной борьбы, естественно, оставляла желать лучшего. При этом, разумеется, не стоит полностью нивелировать значение деятельности попечительств, которые все же немало сделали для распространения в деревне различных культурных достижений.

Противоречивой оказалась и разработка антиалкогольного законопроекта в Государственной думе третьего созыва. Одна часть депутатов считала, что борьба за трезвость возможна лишь при ограничении или ликвидации самодержавия, другая готова была идти в фарватере Министерства финансов, продвигавшего «паллиативные» меры. В итоге антиалкогольный законопроект, главнейшим элементом которого было возвращение сельским обществам права за-

крывать питейные заведений на своей территории при участии в этом вопросе женщин, и который почти семь лет разрабатывался и обсуждался в Государственной думе и Государственным совете, так и не увидел свет.

На передовой антиалкогольной борьбы в конце XIX – начале XX вв. находилась Русская Православная Церковь. Сотни священников, следуя своему пастырскому долгу, развивали на своих приходах кропотливую трезвенническую работу, порой с трудом пробиваясь сквозь стену непонимания как со стороны окормляемой паствы, так и со стороны коллег отнюдь не желавших собственным примером вдохновлять народ на трезвый образ жизни. Не стояли в стороне от начинаний приходского духовенства и представители высшей церковной иерархии.

Рубеж XIX–XX веков был отмечен значительным ростом самосознания российского общества, представители которого на волне развития естественных и социальных наук сказали действительно новое слово в антиалкогольной борьбе, оформляя под нее соответствующую научную базу. Как правило, это были врачи и педагоги, которые не только теоретизировали на абстрактные темы борьбы с алкогольной угрозой, но и принимали активнейшее практическое участие в просвещении народа. При этом в первую очередь, их внимание было обращено к наиболее уязвимым в плане трезвости точкам – промышленному населению городов и расположенным в близлежащих районах деревням.

Таким образом, государственная монополия на продажу спиртных напитков – предприятие, выгодное для бюджета, но несущее в себе ряд издержек. Казенная продажа питей ограничивает, как правило, трезвенные инициативы властей, при этом у политической оппозиции появляется сильный козырь в антиправительственной риторике – возможность обвинять правящую элиту в спаивании собственного народа. Безусловный залог успеха трезвеннической борьбы – единство в этом вопросе всех общественных сил и государственных структур, чего порой не хватало в России рубежа XIX–XX вв. При этом их единые усилия должны быть в первую очередь направлены на постепенное устранение причин,

побуждающих человека обращаться в процессе социальной активности к систематическому потреблению алкоголя.

Потребление спиртного в великорусской деревне Центра России, можно охарактеризовать как спорадическое, строго регламентировавшееся общинными традициями, которые, в свою очередь, были детерминированы особенностями хозяйствования крестьянства в конкретных природно-географических условиях. Сложившаяся за века привычка к напряженному труду за короткий промежуток времени без строгой корреляции затраченных усилий и полученных результатов отразилась и на питейной культуре сельских жителей, породив широкие осенние коллективные празднования престольных праздников и свадеб. В то же время, патриархальный уклад общины, внимательно следившей за тем, чтобы ее члены исправно вели хозяйство, минимизировал число пьяниц, пускающих по миру семью и превращавшихся в сельских пауперов. В свою очередь, обеспеченность крестьян земельным наделом с неотъемлемым правом на личный труд, традиционный уклад жизни не создавали в сознании сельских обывателей психологическую потребность в ежедневном употреблении алкоголя. Следствием этого стал тот факт, что в России конца XIX – начала XX века деревня употребляла спиртное меньше города.

Ситуация принципиально начинала меняться при усилении социокультурных контактов города и села. Под влиянием индустриального развития страны, аграрного перенаселения в зоне рискованного земледелия значительная часть крестьянства, особенно в промышленных регионах России, стала все активнее искать заработки за пределами своей волости, своего уезда, вербуясь на фабрики и заводы, оставляя при этом на втором плане земледельческий труд.

Подобное раскрестьянивание, маргинализация сельских обывателей, оказавшихся в городе вне общинного контроля, прямым следствием имели повышение потребления спиртного отходниками, которые по возвращении в родные села становились дестабилизирующим фактором в патриархальной крестьян-

ской жизни, в особенности это касалось представителей молодого поколения в деревне.

Крестьянство в рассматриваемый период отдавало себе отчет в том, какие негативные последствия влечет за собой неограниченное потребление спиртного. Долгое время эффективной мерой борьбы с пьянством, находящейся в руках крестьян, было их право по решению схода закрывать в пределах своей усадебной оседлости питейные заведения. В годы винной монополии чиновники серьезно ограничили данное право, оставив, по сути, последнее слово в этом вопросе за собой, что вряд ли являлось позитивным моментом в борьбе за трезвый образ жизни в деревне.

Постепенно в умах сельских жителей закреплялось понимание того, что важнейшей преградой на пути алкогольной угрозы может стать распространение образования. Кроме того, наиболее сознательная часть крестьянства приходила к мысли о полной трезвости, отказываясь вообще от употребления спиртных напитков, несмотря на то, что такое решение во многом являлось своего рода вызовом основной массе деревенских жителей с сильными коллективистскими установками.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ИССЛЕДОВАНИЙ

Источники

Архивные документы

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 575 – Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей министерства финансов.

Оп. 6. Д. 820, 827, 836.

Оп. 11. Д. 196.

Ф. 797 – канцелярия Обер-прокурора Святейшего Синода.

Оп. 80. Д. 141а.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. 102 – Департамент полиции министерства внутренних дел.

Оп. 52. Д. 75 (2-е делопроизводство).

Оп. 59. Д. 84 (2-е делопроизводство).

Оп. 112. Д. 90 (3-е делопроизводство).

Ф. 1838 – Озеров И.Х., экономист, профессор, член Государственного совета.

Законодательные акты

1. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 5. СПб., 1887.

2. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 14. СПб., 1898.

Сборники документов и статистических сведений

1. Ежегодник России. 1909 год. СПб., 1910.

2. Приговоры и наказы крестьян Центральной России. 1905–1907 гг. Сборник документов. М., 2000.

3. Крестьянское движение в России в 1890–1900 гг. Сборник документов. М., 1959.

4. Крестьянское движение в России. Июнь 1907 – июль 1914 гг. Сборник документов. М., 1966.

5. Статистика землевладения. 1905 год. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907.

6. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 год. Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1899–1905.

Отчеты государственных структур и обществ трезвости

1. Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1914 год. Петроград, 1916.

2. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия 1–5. СПб., 1908–1912.

3. Десять лет борьбы за трезвость. Издание почитателей деятельности протоиерея Петра Алексеевича Миртова. СПб., 1911.

4. Отчет о деятельности Сергиевского общества трезвости в селе Павловка с 5 июля 1898 года по 5 июля 1899 года. Село Павловка. Типография Я.М. Сорокина.

5. Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия 1. 1907–1908 гг. СПб., 1908.

6. Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством. В 3 т. СПб., 1910.

Периодическая печать

Газеты:

1. Вестник трезвости. 1914. № 236-238.

2. Воронежские епархиальные ведомости. 1913, № 4, 12.

3. Голос минувшего. 1915, № 9.

4. Голос Москвы. 1907, № 275.

5. Московские ведомости. 1907, № 291.

6. Нижегородские губернские ведомости. 1902, № 2, 4, 6.

7. Новое время. 1907. № 11 393, 11 395, 11 416, 11 420.

8. Речь. 1907, № 286, 288, 289, 290.

9. Россия. 1907, № 602.

10. Русское слово. 1907, № 253, 254, 258, 263, 277, 281, 284, 291.

11. Русские ведомости. 1907, № 281, 288.

12. Санкт-Петербургские ведомости. 1907, № 264.

13. Церковные ведомости. 1904, № 24; 1914. № 16.

Журналы:

1. Митрополит Владимир (Богоявленский). Против ли нас (абстинентов) Библия? // В борьбе за трезвость. 1912. № 11-12.

2.Из общественной хроники // Вестник Европы. 1892. № 10.

3. И-в Н. Уезд Среднего Поволжья // Вестник Европы. 1895. №. 2, 4.

4.Тернер О.Г. Общинное владение и частная собственность // Вестник Европы. 1895. № 3.

5. Кр. Мих. Новиков. Пустота духовная и пустота материальная // Ежемесячный журнал. 1915. № 1.

6. Качоровский К.Р. Жизнь деревни // Ежемесячный журнал. 1915. № 8.

7. Местный суд в Государственной думе // Запросы жизни. 1909. № 4.

8. Ковалевский М. О мерах борьбы с пьянством // Запросы жизни. 1910. № 2.

9. Открытие Московского епархиального общества борьбы с народным пьянством // Приходское чтение. 1911. № 10.

10. Изгоев А.С. Пути развития России // Русская мысль. 1908. № 3.

11. Павлов И.П. Экспериментальный институт для укрепления вящшаго господства алкоголя над русской землей // Русский врач. 1912. № 20.

12. Смирнов А. Из наблюдений земского статистика // Русское богатство. 1904. № 4.
13. Аникин С.В. По родным местам (из наблюдений бывшего депутат) // Русское богатство. 1907. № 1.
14. Кудрин Н.Е. Двадцать лет спустя (из деревенских впечатлений) // Русское богатство. 1907. № 10.
15. В.В. Крестьянские волнения 1905–1906 гг. // Современник. 1911. № 5.

Мемуары, публицистика
1. Архиеп. Никон (Рождественский). Православие и грядущие судьбы России. М., 2013.
2. Астырев Н.М. В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. М., 1896.
3. Брешко-Брешковская Е.К. Скрытые корни русской революции. Отречение великой революционерки. 1873 – 1920. М., 2006.
4. Бунаков Н.Ф. Сельская школа и народная жизнь. Наблюдения и заметки сельского учителя. СПб., 1906.
5. Бунин И.А. Окаянные дни. М., 1991.
6. Величко В.Л. Русские речи. М., 2010.
7. Витте С.Ю. Воспоминания. В 3-х т. М., 1960.
8. Горький М. Несвоевременные мысли: заметки о революции и культуре. М., 1990.
9. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.
10. Джунковский В.Ф. Воспоминания. В 2 т. М., 1997.
11. Князь Борис Васильчиков. Воспоминания. М., 2003.
12. Крыжановского С.Е. Воспоминания: из бумаг последнего государственного секретаря Российской империи. СПб., 2009.
13. Ленин В.И. Случайные заметки // Он же. Полн. собр. соч. Т. 4.

14. Мит. Антоний (Храповицкий). Сила православия. М., 2012.
15. Мит. Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. М., 1994.
16. Новиков М.П. Из пережитого. М., 2004.
17. Розанов В.В. Народная душа и сила национальности. М., 2012.
18. Семенов С.Т. Двадцать пять лет в деревне. Пг., 1915.
19. Столяров И.Я. Записки русского крестьянина // Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма. М., 1989.
20. Толстой Л.Н. Праздник просвещения 12 января // Он же. Полн. собр. соч. Т. 26. М., 1936.
21. Тыркова-Вильямс А.В. Воспоминания. То, чего больше не будет. М., 1998.
22. Успенский Г.И. Власть земли. М., 1984.
23. Фет А.А. Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство. М., 2001.
24. Челышев М.Д. Речи, произнесенные в Третьей Государственной Думе, о необходимости борьбы с пьянством и по другим вопросам. СПб., 1912.
25. Чехов А.П. Осколки московской жизни // Он же. Полн. собр. соч. Т. 16. М., 1987.
26. Энгельгардт А.Н. Письма из деревни. М., 2010.

Художественная литература

1. Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо // Он же. Сочинения в 3 т. М., 1959. Т. 3.
2. Родионов И.А. Наше преступление. М., 1997.
3. Тургенев И.С. Певцы // Он же. Записки охотника. М., 1985.
4. Черный Саша. Собрание сочинений в 5 т. М., 1996. Т. 1.
5. Чехов А.В. Мужики // Он же. Полн. собр. соч. Том 9. М., 1977.

Справочная литература

1. Беляев М.М., Беляев С.М. Сборник задач противоалкогольного содержания. М., 1914.

2. Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 2008.

3. Россия. 1913 год. Документально-статистический справочник. СПб., 1995.

4. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Под ред. В.П. Семенова. Т. 2. СПб., 1902.

5. Члены Государственной думы. Портреты и биографии. Третий созыв. 1907–1912 гг. Сост. М.М. Боиович. М., 1913.

6. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1895.

Исследования

1. Аксенов В.Б. Свержение царя и воцарение «ханжи» // Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». М., 2000.

2. Аксенов В.Б. «Сухой закон» 1914 г.: от придворной интриги до революции // Вопросы истории. 2011. № 4.

3. Алкоголизм в современной деревне. Издание ЦСУ РСФСР. М., 1929.

4. Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904 гг. М., 1984.

5. Архангельский А.В. Пьянство в Ставропольской губернии. Статистический очерк. Ставрополь, 1910.

6. Афанасьев А.Л. Трезвенное движение в России в период мирного развития. 1907–1914 годы: опыт оздоровления общества. Томск, 2007.

7. Багдасарян В.Э. Культура пития или питейная культура? // Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». М., 2000.

8. Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М. – Тамбов, 2004.

9. Бехтерев В.М. Алкоголизм и борьба с ним. Л., 1927.

10. Бехтерев В.М. Алкогольная политика или алкогольное оздоровление. СПб., 1912.

11. Бехтерев В.М. Вопросы алкоголизма и меры борьбы с его развитием. СПб., 1912.

12. Бородин Д.Н. Алкоголизм и проституция. СПб., 1910.

13. Бородин Д.Н. Алкоголизм и самоубийства. СПб., 1910.

14. Бородин Д.Н. В защиту трезвости. Пг., 1915.

15. Бородин Д.Н. Винная монополия. СПб., 1899.

16. Бородин Д.Н. Всероссийский съезд деятелей по борьбе с пьянством. СПб., 1909.

17. Бородин Д.Н. Значение чайных в борьбе с алкоголизмом. СПб., 1903.

18. Бородин Д.Н. Значение школы в борьбе с пьянством. СПб., 1903.

19. Бородин Д.Н. Итоги винной монополии и задачи будущего. СПб., 1908.

20. Бородин Д.Н. Кабак и его прошлое. СПб., 1910.

21. Бородин Д.Н. Профессор А. Форель по вопросу о борьбе с пьянством. СПб, 1910.

22. Брандт В.Ф. Борьба с пьянством за границей и в России. Киев, 1897.

23. Бржеский Н.К. Очерки аграрного быта крестьян. СПб., 1908.

24. Булгаковский Д.Г. Вино на Руси по памятникам народного творчества, литературным и художественным. СПб., 1902.

25. Булгаковский Д.Г. Очерк деятельности попечительств о народной трезвости за время их существования (1895-1908). СПб., 1908.

26. Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 2010.

27. Быкова А.Г. Алкоголизм и пьянство в России в XIX – начале XX века: из истории проблемы. Омск, 2006.

28. Васильев А.В. Финансовая сторона вопроса о борьбе с пьянством в прениях Государственного совета. Петроград, 1916.

29. Варб Е. Общественно-педагогическое значение деятельности попечительств о народной трезвости. М., 1899.
30. Введенский И.Н. Опыт принудительной трезвости. М., 1915.
31. Власcак Р. Алкоголизм как научная и бытовая проблема. М., 1928.
32. Воронов Д.Н. Алкоголизм в городе и деревне в связи с бытом населения. Обследование в Пензенской губернии в 1912 году. Пенза, 1913.
33. Воронов Д.Н. Жизнь деревни в дни трезвости. Пг., 1916.
34. Воронов Д.Н. О самогоне. М. – Л., 1928.
35. Вороный Н.Н. Как мы пьем? (К вопросу о потребляемости алкоголя в Черниговской губернии). Чернигов, 1910.
36. Воротынский И.Б. Современная терапия алкоголизма. Одесса, 1908.
37. Вяземский Т.И. Вырождение и алкоголизм. М., 1913.
38. Гамалея Н.Ф. Алкоголизм. СПб., 1910.
39. Герцензон А.А. Преступность и алкоголизм в РСФСР. М., 1922.
40. Григорьев Н.И. Алкоголизм и преступления в Санкт-Петербурге. СПб, 1900.
41. Григорьев Н.И. Пьяницы и убежища для них. СПб., 1906.
42. Гудков Б.И. О причинах введения винной монополии в России в конце XIX века // Дискуссионные проблемы Российской истории. Арзамас, 1998.
43. Гуревич З.А., Зелевский А.З. Алкоголизм: социально-гигиеническое исследование. Харьков, 1930.
44. Даргикевич Л.О. Роль земского врача в борьбе с народным алкоголизмом. СПб., 1900.
45. Дейчман Э.И. Алкоголизм и борьба с ним. М., 1929.
46. Дембо Л.И. Очерк деятельности комиссии по вопросу об алкоголизме за 15 лет (1898–1913). СПб., 1913.
47. Денисюк Н.Ф. Итоги нашей трезвости. Пг., 1916.
48. Диомидов И.М. Алкоголизм как фактор преступности несовершеннолетних. М., 1912.

49. Дмитриев В.К. Критические исследования о потреблении алкоголя в России. М., 2001.

50. Добронравов В.А. О пьянстве и борьбе с ним с научно-медицинской точки зрения. Киев, 1913.

51. Жеденов Н.Н. Казенная, общественная и частная продажа вина // Гроза врагов русского народа. М., 2013.

52. Завражный Г.П. Вино в деревне. М., 1915.

53. Заиграев Г.Г. Государственная политика как фактор алкоголизации населения // Социс. 1997. № 4.

54. Заиграев Г.Г. Общество и алкоголь. М., 1992.

55. Зайцева Л.И. С.Ю. Витте и Россия. Часть 1. Казенная винная монополия. 1894-1914). М., 2000.

56. Зверев В.М. Пить – казну веселить // Российская провинция. 1994. № 6. С. 154-162.

57. Земцов Л.И. Потребление алкоголя в русской деревне на рубеже XIX–XX веков // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. 2011. Вып. 3.

58. Зеневич Г.В. Алкоголизм – вреднейший пережиток капитализма. Л., 1955.

59. Золотарев Л.А. Студенческое пьянство, его значение и причины. М., 1898.

60.Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России в 1907-1914 гг. М., 1992.

61. Иеромонах Рафаил (Ивочкин). Участие Смоленской епархии в борьбе за трезвость. (Из опыта социального служения Русской Православной Церкви во второй половине XIX – начале XX вв.): http://smoleparh.ru/Istoria/View/598.

62. Изгоев А.С. Об интеллигентной молодежи // Вехи. М., 1991.

63. Ильюхов А.А. Борьба с пьянством и погромами с Петрограде в 1917 году // К истории русских революций: события, мнения, оценки. Памяти И.И. Минца. М., 2007.

64. Иорданский И.М. Общества трезвости, их цель и деятельность. Владимир, 1900.

65. Кавелин К.Д. Государство и община. М., 2013.

66. Казенная продажа вина. Издание Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей. СПб., 1900.

67. Калинин В.Д. Из истории питейного дела в России (XV – начало XX вв.). М., 1993.

68. Канель В.Я. Алкоголизм и борьба с ним. М., 1914.

69. Канель В.Я. Алкоголизм и школа. М., 1909.

70. Канфер Е. Повседневное общение рабочих на предприятии и за его воротами: Прохоровская мануфактура и завод Гужона в конце XIX – начале XX в. // Социальная история. Ежегодник, 2004. М., 2005.

71. Карпачев М.Д. Движение за народную трезвость в Воронежской губернии в начале XX века // Вопросы истории. № 9. 2010.

72. Карчагин А.Г. Искреннее желание полного отрезвления монастырей. Меры для этого. СПб., 1909.

73. Кимбалл А. Деревенский кабак как зародыш гражданского общества во второй половине XIX в. // Общественные науки и современность. 2004. № 6.

74. Ключевский В.О. Курс русской истории. Полное издание в одном томе. М., 2011.

75. Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1990.

76. Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968.

77. Ковалев И.И. Алкоголизм и борьба с ним. М., 1928.

78. Кони А.Ф. Попечение о народной трезвости // Вестник Европы. 1908. № 3.

79. Копыт Н.Я. Профилактика алкоголизма. М., 1986.

80. Коровин А.М. Движение трезвости в России. СПб., 1900.

81. Коровин А.М. На что нам общества трезвости. М., 1897.

82. Коровин А.М. Преступность и алкоголизация населения в Московской губернии. СПб., 1913.
83. Коровин А.М.. Самоубийства и потребление водки в Европейской России с 1903 по 1912 гг. М., 1916.
84. Кроль Т.К. К вопросу о влиянии алкоголизма на заболеваемость, смертность и преступность. СПб., 1897.
85. Кропоткина А. Общества трезвости рубежа XIX–XX веков: возникновение, устройство, уставы: http://www.pravoslavie.ru/jurnal/59515.htm.
86. Кузьмин-Караваев В.Д. Земство и деревня. СПб., 1904.
87. Кузьмин-Караваев В.Д. Из эпохи освободительного движения. СПб., 1907.
88. Курукин И.В., Никулина Е.А. Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина. М., 2007.
89. Ларин Ю. Алкоголизм и социализм. М., 1929.
90. Лебедев В.А. Питейное дело. СПб., 1898.
91. Лебина Н.Б. «Папа, отдай деньги маме…» // Родина. 1996. № 12.
92. Лившиц Я.И., Глезев М.А. Некоторые предварительные данные об алкоголизме среди крестьянской молодежи. Харьков, 1929.
93. Литвак К.Б. Самогоноварение и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов // Отечественная история. 1992. № 4.
94. Лосицкий А., Чернышев И. Алкоголизм петербургских рабочих. СПб., 1913.
95. Мак-Ки А. «Сухой закон» в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения «сухого закона» в России. 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война (Материалы международного коллоквиума). СПб., 1999.
96. Мацокин П.Г. Причина алкоголизма в России и способы устранения его. Вильна, 1899.
97. Менгден В.Е. Проект сельскохозяйственной школы и ее обеспечение. Пожар и пьянство как бичи деревни. М., 1909.
98. Мендельсон А.Л. Врачебная помощь при алкоголизме и запое. СПб., 1913.

99. Мендельсон А.Л. Итоги принудительной трезвости. Пг., 1916.

100. Мендельсон А.Л. Учебник трезвости. СПб, 1913.

101. Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. № 4-5.

102. Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России. М., 2010.

103. Миронов Б.Н. Модернизация имперской России и благосостояние населения // Российская история. 2009. № 2.

104. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). В 2 т. СПб., 2000.

105. Михайловский В.Я. Друзьям трезвости. Винопитие детей, отроков и отроковиц. СПб., 1891. № 6.

106. Мордвинов И.П. Общество трезвости, жизни и работа в нем. СПб., 1910.

107. Народная борьба за трезвость в русской истории. Материалы семинара, проведенного обществами борьбы за трезвость БАН СССР, ЛГУ, ЛОИИ АН СССР 18 декабря 1987 г. Л., 1989.

108. Невзоров В.Ф. Происхождение обрядового алкоголизма. Опыт в области этнографии и истории права. Пенза, 1916.

109. Никитин В. «Эй, ямщик, гони-ка к яру!» // Родина. 1997. № 5.

110. Николаев А.В. Антиалкогольные кампании XX века в России // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 67-78.

111. Николаев А.Л. Об алкоголизме и амбулаторном лечении алкоголиков. Харьков, 1902.

112. Николаев В.Д. Водка в судьбе России. М., 2004.

113. Новосельский С.А. Очерк статистики населения, заболеваемости и медицинской помощи в России. СПб., 1912.

114. Норов В. Казенная винная монополия при свете статистики. Ч. 1-2. СПб., 1904–1905.

115.Овчинникова В.А. Рубашова Е.И. Пьянство и алкоголизм: социологический аспект изучения. // Социология в медицине. Тезисы докладов на международной научной конференции. Вып 2. М., 1990.
116. Озеров И.Х. Казенная винная монополия // Очерки экономической и финансовой жизни России и Запада. М., 1904.
117. Озеров И.Х. Как расходуются в России народные деньги. М., 1907.
118. Озеров И.Х. На темы дня. К экономическому положению России. М., 1912.
119. Орлов И.Б. «Пьяный бюджет» или стратегия национального пьянства // Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». М., 2000.
120. Осипов Н.О. Винная монополия, ее основные начала, организация, и некоторые последствия. СПб., 1899.
121. Островский А.А. Пьяный бюджет. Пг., 1914.
122. Остроумов С. Из истории пьянства на Руси. СПб., 1914.
123. Очерки крестьянского движения на Воронежщине. Воронеж, 1925.
124. Павлюченков С.А. Веселие Руси: революция и самогон // Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». М., 2000.
125. Павлюченков С.А. Ильич в запое // Родина. 1997. № 11.
126. Пашков Е.В. Антиалкогольная кампания в России в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2010. № 10. С. 80-93.
127. Певницкий А.А. К вопросу об амбулаторном лечении алкоголиков. СПб., 1904.
128. Первушин С.А. Опыт теории массового алкоголизма в связи с теорией потребностей. СПб., 1912.
129. Пешехонов А.В. Экономическая политика самодержавия. СПб, 1906.
130. Познышев С.В. Алкоголизм как фактор преступности. М., 1915.
131. Похлебкин В.В. История водки. М., 1991.

132. Проппер С.М. Казенная продажа питей и общественное мнение. СПб., 1900.
133. Протько Т.С. В борьбе за трезвость: страницы истории. Минск, 1988.
134. Радецкий И.М. Пьянство детей. Одесса, 1906.
135. Рождественский И.И. К вопросу о пьянстве в земледельческой деревне. М., 1914.
136. Рожнов В.Е. Алкоголизм и борьба с ним. М., 1955.
137. Романов С.А. История русской водки. М., 1998.
138. Ромашков И. Как смотрит сам народ на пьянство. М., 1908.
139. Рутцен А.Н. Винная монополия // Вопросы государственного хозяйства и бюджетного права. СПб., 1907.
140. Сажин И.В. Алкоголизм в армии и меры борьбы с ним. СПб., 1913.
141. Сажин И.В. Алкоголь и нервная система. СПб., 1910.
142. Сажин И.В. За нас ли, трезвенников, наука? СПб., 1912.
143. Сажин И.В. Психологические основы алкоголизма и роль духовенства в борьбе с ним. СПб., 1914.
144. Сажин И.В. Чахотка и алкоголизм. СПб., 1912.
145. Сикорский И.А. Алкоголизм и питейное дело. Киев, 1897.
146. Сикорский И.А. Надвигающийся великий кризис от вина. Киев, 1912.
147. Смолин И.К. О том, как церковь с пьянством воевала // Воронежские епархиальные ведомости. 1992. № 12. С. 13-16.
148. Слезко П.Я. Пятилетний урок. // Трезвость и культура, 1990, № 5.
149. Смолкин И.К. Винный откуп в дореволюционной России. М., 1989.
150. Соколов И.А., Назукина А.А. Чай и водка в русском быту второй половины XIX – начала XX века. М., 2008.
151. Соколов С.И. Казенная продажа питей. СПб., 1897.
152. Сорокин П.А. Человек и общество в условиях бедствий. СПб., 2012.

153. Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008.

154. Телицын В.Л. Первая мировая война и первач // Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». М., 2000.

155. Термитин Ф.Е. Голос народа. Результаты анкеты об отношении населения к прекращению спиртных напитков. Пенза, 1915.

156. Толстой К.К. К вопросу об алкоголизме. СПб., 1912.

157. Трембл В. Борьба с пьянством и алкоголизмом в СССР // Экономика и организация промышленного производства, 1989. № 4.

158. Тройно Ф.П. Трезвенное движение в селениях Белгородчины // Материалы для изучения селений России: Докл. и сообщ. шестой рос. науч.-практ. конф. «Российская деревня: история и современность». Ч. 1. М., 1997.

159. Тяпугин Н.П. Народные заблуждения и научная правда об алкоголе. М., 1926.

160. Фаресов А.И. Народ без водки. Пг., 1916.

161. Фридман М.И. Винная монополия. В 2 т. СПб. – Пг., 1914-1916.

162. Ходский Л.В. Основы государственного хозяйства. СПб., 1901.

163. Челышев М.Д. Главная причина нашего несчастья. Самара, 1907.

164. Черневский В.А. К вопросу о пьянстве во Владимирской губернии и способах борьбы с ним. Владимир, 1911.

165. Шабельникова Е.Н. Участие тамбовского духовенства в борьбе за трезвость в конце XIX – начале XX в.: http://www.tambovdoc.ru/issledovaniya/uchastie-tambovskogo-duhovenstva-v-borbe-za-trezvost-v-kontse-xix-nachale-xx-v.php.

166. Шванебах П.Х. Наше податное дело. СПб., 1903.

167. Шевердин С. Было ли уничтожено «второе рабство»? // Трезвость и культура, 1987. № 9–10.

1678 Шилов А.В. Размеры потребления спиртных напитков в некоторых государствах за последнее двадцатилетие. М., 1913.
169. Шингарев А.И. Вымирающая деревня. СПб., 1907.
170. Шипов Н.Н. Алкоголизм и революция. СПб., 1908.
171. Шоломович А.С. Умеренное потребление спиртных напитков, его значение для человека и общества. Казань, 1909.
172. Шумилин Б.Т. Пьянство и правонарушения. М., 1979.
173. Щербина Ф.А. Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900.
174. Янжул И.И. Пьянство как социальный недуг и борьба против него. СПб., 1908.

Диссертации и авторефераты

1. Афанасьев И.Н. Борьба государства и общества за народную трезвость в России 1861–1914 гг. (На примере Новгородской губернии): дис… канд. ист. наук: 07.00.02. Великий Новгород, 2011.
2. Гаврилюк И.В. Крестьянское движение в Орловской губернии в период Первой российской революции 1905–1907 гг.: дис… канд. ист. наук: 07.00.02. Орел, 2013.
3. Зоткина Н.А. Феномен девиантного поведения в повседневной жизни российского общества на рубеже XIX–XX вв.: преступность, пьянство, проституция (на материалах Пензенской губернии): дис... канд. ист. наук: 07.00.02. Пенза, 2002.
4. Иваникова М.В. Роль школы В.М. Бехтерева в развитии исследований алкоголизма в России: автореф... канд. мед. наук. СПб., 2012.
5. Карандашев Г.В. Питейное дело в губерниях Центрально-промышленного района России в конце XIX – начале XX вв.: дис... канд. ист. наук: 07.00.02. Ярославль, 2006.

6. Назукина А.А. Винная торговля и деятельность обществ трезвости в Московской губернии в конце XIX – начале XX вв.: дис… канд. ист. наук: 07.00.02. Москва, 2011.
7. Николаев А.В. Борьба с пьянством и алкоголизмом в 1894-1932 гг.: опыт отечественной истории: автореф. дис… канд. ист. наук: 07.00.02. Самара, 2002.
8. Пашков Е.В. Исторический опыт осуществления казенной винной монополии в России конца XIX начала XX веков: на примере Курской губернии: дис… канд. ист. наук: 07.00.02. Курск, 2009.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. **Таблица 1. Центрально-земледельческий район России.**

По данным переписи населения 1897 года						По статистике землевладения 1905 года			
Губернии	**Население в губернии**	**Население в уездах**	**Население в уездах в %**	**Православное население уездов**	**Православное население уездов в %**	**Крестьяне-общинники (дворы)**	**Подворные крестьяне (дворы)**	**Крестьяне-общинники (%)**	**Подворные крестьяне (%)**
Воронежская	2 531 253	2 361 621	93, 29%	2 343 962	99, 25%	383 122	5 448	98, 58%	1, 42%
Курская	2 371 012	2 149 485	90, 65%	2 126 323	98, 92%	233 762	101 509	56, 58%	43, 42%
Орловская	2 033 798	1 789 790	88, 00%	1 781 949	99, 56%	257 658	29 508	88, 55%	11, 45%
Рязанская	1 802 196	1 632 322	90, 57%	1 614 897	98, 93 %	273 402	7 504	97, 26%	2, 74%
Тамбовская	2 684 030	2 457 766	91, 56%	2 424 800	98, 65%	393 605	12 348	96, 87%	3, 13%
Тульская	1 419 456	1 247 476	87, 88%	1 245 602	99, 84%	182 562	31 501	82, 75%	17, 25%
Итого	**12 841 745**	**11 638 460**	**90, 32%**	**11 537 533**	**99, 19%**	**1 724 111**	**187 818**	**89, 11%**	**10, 89%**

Таблица 2. Центрально-промышленный район России.

	По данным переписи населения 1897 года					По статистике землевладения 1905 года			
Губернии	**Население в губернии**	**Население в уездах**	**Население в уездах в %**	**Православное население уездов**	**Православное население уездов в %**	**Крестьяне-общинники (дворы)**	**Подворные крестьяне (дворы)**	**Крестьяне-общинники (%)**	**Подворные крестьяне (%)**
Владимирская	1 515 691	1 325 073	87, 42%	1 287 651	97, 17%	236 472	6 539	97, 24%	2, 76%
Калужская	1 132 843	1 037 548	91, 58	999 900	96, 37%	171 435	580	99, 67%	0, 33%
Костромская	1 387 015	1 292 650	93, 19%	1 252 519	96, 89%	159 644	38 639	78, 93%	21, 07%
Московская	2 430 381	1 296 199	53, 33%	1 212 021	93, 50%	213 950	233	99, 90%	0, 10%
Псковская	1 122 317	1 049 719	93, 53%	982 265	93, 57%	158 917	–	100%	–
Тверская	1 769 135	1 614 366	91, 25%	1 601 617	99, 21%	299 795	8 093	97, 31%	2, 69%
Ярославская	1 071 385	925 045	86, 34%	915 659	98, 98%	198 286	333	99, 84%	0, 16%
Итого	**10 428 767**	**8 543 600**	**81, 92%**	**8 251 632**	**96, 58%**	**1 438 499**	**54 417**	**96, 22%**	**3, 78%**

Таблица 3. Центральная Россия.

По данным переписи населения 1897 года						По статистике землевладения 1905 года			
Губернии	**Население в губерниях**	**Население в уездах**	**Население в уездах в %**	**Православное население уездов**	**Православное население уездов в %**	**Крестьяне-общинники (дворы)**	**Подворные крестьяне (дворы)**	**Крестьяне-общинники (%)**	**Подворные крестьяне (%)**
Центрально-земледельческий район	12 841 745	11 638 460	90, 32%	11 537 533	99, 19%	1 724 111	187 818	89, 11%	10, 89%
Центрально-промышленный район	10 428 767	8 543 600	81, 92%	8 251 632	96, 58%	1 438 499	54 417	96, 22%	3, 78%
Итого	**23 270 512**	**20 182 060**	**86, 12%**	**19 789 165**	**97, 88%**	**3 162 610**	**242 235**	**92, 66%**	**7, 33%**

Источники: Статистика землевладения. 1905 год. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907. С. 92-127; Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 год. Под ред. Н.А. Тройницкого. IX. Воронежская губерния. Тетрадь II. СПб., 1904. С. 246-247; Там же // XX. Курская губерния. С. 282-283; Там же // XXIX. Орловская губерния. С. 250-251; Там же // XXXV. Рязанская губерния. СПб., 1903. С. 250-251; Там же // XLII. Тамбовская губерния. СПб., 1904. С. 246-247; Там же // XLIV. Тульская губерния. С. 234-235; Там же // VI. Владимирская губерния. Тетрадь II. С. 224-225; Там же // XV. Калужская губерния. Тетрадь II. СПб., 1903. С. 230-231; Там же // XXIII. Костромская губерния. С. 254-255; Там же // XXIV. Московская губерния. СПб., 1905. С. 340-341; Там же // XXXIV. Псковская губерния. Тетрадь II. СПб., 1904. С. 164-165; Там же // XLIII. Тверская губерния. С. 251-252; Там же // L. Ярославская губерния. С. 226-227.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

* Источник: Воронов Д.Н. Алкоголизм в городе и деревне в связи с бытом населения. Обследование потребления вина в Пензенской губернии в 1912 году. Пенза, 1913. С. 32.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Таблица 1

Душевое потребление алкогольных напитков в целом в Российской империи (в ведрах в 40 градусов)*

Губернии и области	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.	Среднее за 5 лет
Европейская Россия						
1. Архангельская	0, 62	0, 59	0, 67	0, 75	0, 78	**0, 68**
2. Астраханская	0, 58	0, 61	0, 63	0, 67	0, 86	**0, 67**
3. Бессарабская	0, 43	0, 37	0, 43	0, 51	0, 50	**0, 45**
4. Виленская	0, 30	0, 30	0, 25	0, 34	0, 34	**0, 31**
5. Витебская	0, 31	0, 32	0, 38	0, 38	0, 36	**0, 35**
6. Владимирская	0, 61	0, 60	0, 76	0, 74	0, 74	**0, 69**
7. Вологодская	0, 34	0, 35	0, 44	0, 47	0, 45	**0, 41**
8. Волынская	0, 41	0, 40	0, 47	0, 44	0, 38	**0, 42**
9. Воронежская	0, 51	0, 50	0, 52	0, 54	0, 54	**0, 52**
10. Вятская	0, 30	0, 33	0, 42	0, 40	0, 41	**0, 37**
11. Гродненская	0, 32	0, 32	0, 40	0, 39	0, 39	**0, 36**
12.Дон.войска обл.	0, 72	0, 73	0, 70	0, 72	0, 76	**0, 73**
13. Екатеринослав.	0, 82	0, 89	0, 96	0, 98	0, 96	**0, 92**
14. Казанская	0, 36	0, 40	0, 42	0, 44	0, 44	**0, 41**
15. Калужская	0, 57	0, 59	0, 69	0, 63	0, 58	**0, 61**
16. Киевская	0, 59	0, 64	0, 74	0, 70	0, 60	**0, 65**
17. Ковенская	0, 28	0, 26	0, 32	0, 32	0, 32	**0, 30**
18. Костромская	0, 58	0, 58	0, 65	0, 66	0, 65	**0, 62**
19. Курляндская	0, 51	0, 50	0, 55	0, 57	0, 56	**0, 54**
20. Курская	0, 55	0, 58	0, 66	0, 68	0, 64	**0, 62**
21. Лифляндская	0, 64	0, 61	0, 70	0, 72	0, 77	**0, 69**
22. Минская	0, 37	0, 36	0, 42	0, 40	0, 40	**0, 39**
23. Могилевская	0, 35	0, 36	0, 43	0, 42	0, 38	**0, 39**
24. Московская	1, 44	1, 42	1, 62	1, 62	1, 70	**1, 56**

25.Нижегородская	0, 61	0, 67	0, 71	0, 70	0, 67	**0, 67**
26. Новгородская	0, 44	0, 44	0, 51	0, 52	0, 50	**0, 48**
27. Олонецкая	0, 31	0, 31	0, 39	0, 42	0, 44	**0, 37**
28. Оренбургская	0, 60	0, 67	0, 74	0, 69	0, 61	**0, 66**
29. Орловская	0, 56	0, 58	0, 68	0, 67	0, 63	**0, 62**
30. Пензенская	0, 47	0, 56	0, 61	0, 63	0, 65	**0, 58**
31. Пермская	0, 55	0, 60	0, 73	0, 72	0, 64	**0, 65**
32. Подольская	0, 52	0, 51	0, 61	0, 62	0, 53	**0, 56**
33. Полтавская	0, 44	0, 47	0, 53	0, 51	0, 47	**0, 48**
34. Псковская	0, 38	0, 38	0, 46	0, 45	0, 46	**0, 43**
35. Рязанская	0, 55	0, 54	0, 66	0, 65	0, 67	**0, 61**
36. Самарская	0, 52	0, 58	0, 52	0, 52	0, 48	**0, 52**
37.СПб.	1, 56	1, 58	1, 62	1, 63	1, 56	**1, 61**
38. Саратовская	0, 62	0, 64	0, 65	0, 64	0, 54	**0, 64**
39. Симбирская	0, 43	0, 49	0, 52	0, 53	0, 52	**0, 50**
40. Смоленская	0, 58	0, 61	0, 73	0, 70	0, 61	**0, 65**
41. Таврическая	0, 76	0, 74	0, 75	0, 77	0, 72	**0, 75**
42. Тамбовская	0, 56	0, 58	0, 61	0, 62	0, 65	**0, 60**
43. Тверская	0, 56	0, 57	0, 65	0, 64	0, 56	**0, 60**
44. Тульская	0, 73	0, 71	0, 84	0, 85	0, 85	**0, 80**
45. Уфимская	0, 34	0, 46	0, 48	0, 42	0, 44	**0, 43**
46. Харьковская	0, 60	0, 65	0, 70	0, 69	0, 65	**0, 66**
47. Херсонская	0, 69	0, 65	0, 77	0, 81	0, 74	**0, 73**
48. Черниговская	0, 43	0, 43	0, 50	0, 49	0, 43	**0, 46**
49. Эстляндская	0, 58	0, 49	0, 58	0, 62	0, 68	**0, 69**
50. Ярославская	0, 70	0, 72	0, 81	0, 78	0, 75	**0, 75**
Среднее	0, 56	0, 58	0, 65	0, 64	0, 62	**0, 61**
Царство Польское						
51. Варшавская	0, 60	0, 54	0, 62	0, 63	0, 61	**0, 60**
52. Калишская	0, 38	0, 34	0, 41	0, 44	0, 45	**0, 40**
53. Келецкая	0, 21	0, 20	0, 23	0, 24	0, 25	**0, 23**
54. Ломжинская	0, 24	0, 22	0, 21	0, 26	0, 25	**0, 24**

55. Люблинская	0, 29	0, 27	0, 31	0, 31	0, 31	**0, 30**
56. Петроковская	0, 52	0, 46	0, 62	0, 70	0, 70	**0, 60**
57. Плоцкая	0, 20	0, 18	0, 22	0, 23	0, 24	**0, 21**
58. Радомская	0, 25	0, 23	0, 27	0, 30	0, 30	**0, 27**
59. Сувалкская	0, 23	0, 23	0, 28	0, 30	0, 40	**0, 29**
60. Седлецкая	0, 24	0, 21	0, 24	0, 23	0, 23	**0, 23**
Среднее	0, 37	0, 34	0, 40	0, 43	0, 43	**0, 39**
Кавказ						
61. Дагестанская	0, 08	0, 09	0, 10	0, 09	0, 09	**0, 09**
62. Кубанская	0, 72	0, 77	0, 85	0, 84	0, 86	**0, 81**
63.Ставропольская	0, 67	0, 66	0, 67	0, 73	0, 72	**0, 69**
64. Терская	0, 33	0, 32	0, 36	0, 37	0, 34	**0, 34**
65. Черноморская	1, 36	1, 19	1, 40	1, 34	1, 18	**1, 29**
Среднее	0, 56	0, 57	0, 63	0, 64	0, 64	**0, 61**
Сибирь						
66. Енисейская	–	0, 98	1, 09	0, 98	1, 06	**1, 03**
67. Забайкальская	–	0, 75	0, 80	0, 71	0, 67	**0, 73**
68. Иркутская	–	1, 84	1, 91	1, 58	1, 44	**1, 69**
69. Тобольская	0, 58	0, 63	0, 70	0, 69	0, 68	**0, 66**
70. Томская	0, 57	0, 67	0, 79	0, 85	0, 95	**0, 77**
71. Якутская	–	0, 24	0, 25	0, 25	0, 26	**0, 25**
Среднее	0, 57	0, 78	0, 88	0, 84	0, 87	**0, 79**
Средняя Азия						
72. Акмолинская	0, 31	0, 44	0, 55	0, 53	0, 64	**0, 49**
73.Семипалатинск.	0, 10	0, 09	0, 11	0, 11	0, 13	**0, 11**
74. Тургайская	0, 11	0, 11	0, 15	0, 17	0, 24	**0, 16**
75. Уральская	0, 19	0, 20	0, 20	0, 19	0, 18	**0, 19**
Среднее	0, 18	0, 22	0, 27	0, 26	0, 31	**0, 25**
Среднее по империи	**0, 54**	**0, 56**	**0, 63**	**0, 63**	**0, 61**	**0, 59**

* Золотарев А.М. Потребление вина в России в 1904-1909 годах // Ежегодник России. 1909 год. СПб., 1910. С. CV-CVI.

Таблица 2

Душевое потребление алкогольных напитков в целом в Российской империи (в рублях)*

Губернии и области	**1904 г.**	**1905 г.**	**1906 г.**	**1907 г.**	**1908 г.**	**Среднее за 5 лет**
Европейская Россия						
1. Архангельская	4, 75	4, 77	5, 37	6, 04	6, 34	**5, 45**
2. Астраханская	4, 45	4, 92	5, 08	5, 37	6, 98	**6, 36**
3. Бессарабская	3, 29	3, 01	3, 42	4, 13	4, 01	**3, 57**
4. Виленская	2, 29	2, 41	2, 84	2, 77	2, 75	**2, 61**
5. Витебская	2, 34	2, 56	3, 04	3, 01	2, 95	**2, 78**
6. Владимирская	4, 67	4, 85	6, 07	5, 97	5, 97	**5, 51**
7. Вологодская	2, 61	2, 77	3, 51	3, 77	3, 65	**3, 26**
8. Волынская	3, 12	3, 22	3, 89	3, 50	3, 10	**3, 37**
9. Воронежская	3, 93	4, 04	4, 17	4, 36	4, 42	**4, 18**
10. Вятская	2, 28	2, 64	3, 33	3, 24	3, 30	**2, 96**
11. Гродненская	2, 49	2, 54	3, 21	3, 10	3, 20	**2, 91**
12.Дон.войска обл.	5, 52	5, 88	5, 61	5, 79	6, 12	**5, 78**
13. Екатеринослав.	6, 25	7, 19	7, 74	7, 84	7, 84	**7, 37**
14. Казанская	2, 74	3, 23	3, 48	3, 55	3, 56	**3, 31**
15. Калужская	4, 35	4, 71	5, 55	5, 06	4, 69	**4, 87**
16. Киевская	4, 56	5, 11	5, 90	5, 59	4, 88	**5, 21**
17. Ковенская	2, 14	2, 07	2, 66	2, 54	2, 61	**2, 38**
18. Костромская	4, 47	4, 62	5, 25	5, 33	5, 28	**4, 99**
19. Курляндская	3, 97	4, 06	4, 46	4, 62	4, 59	**4, 34**
20. Курская	4, 21	4, 64	5, 27	5, 45	5, 18	**5, 95**
21. Лифляндская	4, 94	4, 95	5, 65	5, 78	6, 17	**5, 50**
22. Минская	2, 80	2, 90	3, 34	3, 22	3, 21	**3, 09**
23. Могилевская	2, 68	2, 93	3, 47	3, 33	3, 08	**3, 10**
24. Московская	11, 13	11, 48	12, 99	13, 00	13, 56	**12, 43**
25.Нижегородская	4, 71	5, 36	5, 74	5, 62	5, 42	**5, 37**
26. Новгородская	3, 37	3, 51	4, 09	4, 15	4, 05	**3, 83**

27. Олонецкая	2, 38	2, 50	3, 14	3, 35	3, 53	**2, 98**
28. Оренбургская	4, 57	5, 38	5, 95	5, 57	4, 97	**5, 29**
29. Орловская	4, 33	4, 68	5, 43	5, 39	5, 08	**4, 98**
30. Пензенская	3, 61	4, 46	4, 92	5, 03	5, 31	**4, 67**
31. Пермская	4, 25	4, 85	5, 83	5, 76	5, 23	**5, 18**
32. Подольская	3, 97	4, 10	4, 93	4, 99	4, 28	**4, 45**
33. Полтавская	3, 39	3, 75	4, 25	4, 11	3, 83	**3, 87**
34. Псковская	2, 89	3, 06	3, 68	3, 68	3, 77	**3, 42**
35. Рязанская	4, 23	4, 36	5, 25	5, 18	5, 42	**5, 89**
36. Самарская	4, 00	4, 65	4, 19	4, 19	3, 91	**4, 19**
37. СПб.	12, 35	12, 89	13, 13	13, 23	12, 63	**12, 85**
38. Саратовская	4, 71	5, 14	5, 22	5, 16	4, 38	**4, 92**
39. Симбирская	3, 27	3, 91	4, 18	4, 24	4, 24	**3, 97**
40. Смоленская	4, 42	4, 93	5, 83	5, 65	4, 99	**5, 16**
41. Таврическая	5, 82	5, 99	6, 03	6, 17	5, 86	**5, 97**
42. Тамбовская	4, 29	4, 64	4, 87	4, 97	5, 27	**4, 81**
43. Тверская	4, 30	4, 61	5, 24	5, 13	4, 56	**4, 77**
44. Тульская	5, 61	5, 70	6, 72	6, 79	6, 98	**6, 35**
45. Уфимская	2, 62	3, 72	3, 85	3, 40	3, 57	**3, 43**
46. Харьковская	4, 63	5, 21	5, 65	5, 55	5, 31	**5, 27**
47. Херсонская	5, 29	5, 24	6, 21	6, 47	6, 06	**5, 85**
48. Черниговская	3, 29	3, 49	4, 04	3, 94	3, 45	**3, 64**
49. Эстляндская	4, 42	3, 91	4, 66	4, 98	5, 51	**4, 70**
50. Ярославская	5, 39	5, 78	6, 49	6, 26	6, 14	**6, 01**
Среднее	4, 35	4, 71	5, 27	5, 18	5, 03	**4, 91**
Царство Польское						
51. Варшавская	4, 64	4, 39	4, 99	5, 10	4, 96	**4, 82**
52. Калишская	2, 90	2, 74	3, 33	3, 52	3, 67	**3, 23**
53. Келецкая	1, 58	1, 60	1, 89	1, 97	2, 05	**1, 82**
54. Ломжинская	1, 83	1, 78	1, 72	2, 07	2, 05	**1, 89**
55. Люблинская	2, 24	2, 22	2, 51	2, 53	2, 54	**2, 41**
56. Петроковская	4, 03	3, 74	4, 99	5, 63	5, 71	**4, 82**

57. Плоцкая	1, 58	1, 49	1, 81	1, 83	1, 97	**1, 74**
58. Радомская	1, 94	1, 87	2, 34	2, 40	2, 45	**2, 20**
59. Сувалкская	1, 77	1, 89	2, 23	2, 44	3, 28	**2, 32**
60. Седлецкая	1, 81	1, 73	1, 93	1, 88	1, 87	**1, 84**
Среднее	2, 89	2, 79	3, 28	3, 50	3, 50	**3, 19**
Кавказ						
61. Дагестанская	0, 62	0, 72	0, 80	0, 72	0, 73	**0, 72**
62. Кубанская	5, 53	6, 15	6, 79	6, 73	7, 00	**6, 44**
63.Ставропольская	5, 14	5, 29	5, 39	5, 85	5, 85	**5, 50**
64. Терская	2, 52	2, 56	2, 89	2, 95	2, 77	**2, 74**
65. Черноморская	10, 62	9, 68	11, 28	10, 74	9, 60	**10, 38**
Среднее	4, 30	7, 58	5, 06	5, 73	5, 20	**4, 97**
Сибирь						
66. Енисейская	–	8, 87	9, 86	8, 83	9, 65	**9, 30**
67. Забайкальская	–	6, 74	7, 47	6, 74	6, 32	**6, 82**
68. Иркутская	–	6, 74	17, 70	14, 69	13, 73	**15, 81**
69. Тобольская	5, 10	17, 13	6, 34	6, 24	6, 20	**5, 91**
70. Томская	5, 01	6, 02	7, 16	7, 64	8, 64	**6, 89**
71. Якутская	–	2, 58	2, 72	2, 69	2, 48	**2, 62**
Среднее	5, 03	7, 11	8, 03	7, 68	8, 00	**7, 17**
Средняя Азия						
72. Акмолинская	2, 78	3, 97	4, 98	4, 76	5, 83	4, 46
73.Семипалатинск.	0, 89	0, 86	1, 01	1, 03	1, 18	**0, 99**
74. Тургайская	0, 82	0, 88	1, 20	1, 34	1, 95	**1, 24**
75. Уральская	1, 43	1, 58	1, 60	1, 54	1, 47	**1, 52**
Среднее	1, 52	1, 91	2, 35	2, 26	2, 73	**2, 15**
Среднее по империи	**4, 16**	**4, 59**	**5, 15**	**5, 15**	**5, 00**	**4, 81**

* Золотарев А.М. Потребление вина в России в 1904-1909 годах // Ежегодник России. 1909 год. СПб., 1910. С. CXI-CXII.

Таблица 3

Душевое потребление алкогольных напитков в городах Российской империи

(в ведрах в 40 градусов)*

Губернии и области	**1904 г.**	**1905 г.**	**1906 г.**	**1907 г.**	**1908 г.**	**Среднее за 5 лет**
Европейская Россия						
1. Архангельская	2, 83	2, 96	3, 17	3, 64	3, 87	**3, 29**
2. Астраханская	1, 43	1, 49	1, 62	1, 70	1, 64	**1, 58**
3. Бессарабская	0, 57	0, 53	0, 58	0, 64	0, 66	**0, 60**
4. Виленская	1, 02	1, 07	1, 18	1, 09	1, 11	**1, 09**
5. Витебская	0, 87	0, 98	1, 02	0, 98	0, 96	**0, 96**
6. Владимирская	2, 17	2, 01	2, 64	2, 54	2, 44	**2, 36**
7. Вологодская	1, 88	2, 10	2, 34	2, 57	2, 46	**2, 27**
8. Волынская	0, 91	0, 88	1, 04	0, 97	0, 90	**0, 94**
9. Воронежская	1, 26	1, 23	1, 33	1, 31	1, 30	**1, 29**
10. Вятская	2, 44	2, 74	3, 24	2, 79	3, 12	**2, 87**
11. Гродненская	0, 76	0, 78	0, 89	0, 75	0, 72	**0, 78**
12.Дон.войска обл.	1, 77	1, 77	1, 87	1, 84	1, 88	**1, 83**
13. Екатеринослав.	1, 44	1, 65	1, 85	1, 66	1, 65	**1, 65**
14. Казанская	1, 62	1, 77	1, 83	1, 77	1, 76	**1, 75**
15. Калужская	2, 10	2, 20	2, 70	2, 39	2, 28	**2, 33**
16. Киевская	1, 27	1, 32	1, 41	1, 37	1, 28	**1, 33**
17. Ковенская	0, 63	0, 64	0, 78	0, 76	0, 77	**0, 72**
18. Костромская	2, 43	2, 41	2, 72	2, 63	3, 16	**2, 67**
19. Курляндская	1, 45	1, 49	1, 64	1, 64	1, 89	**1, 62**
20. Курская	1, 32	1, 37	1, 46	1, 44	1, 42	**1, 40**
21. Лифляндская	1, 54	1, 51	1, 74	1, 71	1, 71	**1, 64**
22. Минская	0, 88	0, 91	0, 97	0, 95	0, 97	**0, 94**
23. Могилевская	1, 05	1, 11	1, 19	1, 17	1, 12	**1, 13**
24. Московская	2, 25	2, 18	2, 51	2, 48	2, 42	**2, 37**
25.Нижегородская	2, 26	2, 36	2, 59	2, 42	2, 41	**2, 41**
26. Новгородская	2, 09	2, 20	2, 41	2, 52	2, 58	**2, 36**

27. Олонецкая	1, 65	1, 75	2, 01	1, 93	1, 76	**1, 82**
28. Оренбургская	1, 16	1, 36	1, 64	1, 42	1, 50	**1, 42**
29. Орловская	1, 53	1, 65	1, 74	1, 66	1, 58	**1, 63**
30. Пензенская	1, 21	1, 44	1, 73	1, 74	1, 76	**1, 58**
31. Пермская	1, 72	1, 98	2, 31	1, 99	2, 11	**2, 02**
32. Подольская	0, 67	0, 65	0, 89	0, 94	1, 12	**0, 85**
33. Полтавская	1, 18	1, 22	1, 35	1, 27	1, 26	**1, 26**
34. Псковская	1, 96	2, 02	2, 17	2, 12	2, 15	**2, 08**
35. Рязанская	1, 51	1, 56	1, 71	1, 60	1, 68	**1, 61**
36. Самарская	1, 66	1, 99	2, 37	2, 07	2, 06	**2, 03**
37. СПб.	1, 91	1, 96	2, 02	2, 02	1, 77	**1, 94**
38. Саратовская	1, 60	1, 63	1, 70	1, 67	1, 66	**1, 65**
39. Симбирская	1, 54	1, 75	1, 72	1, 84	1, 78	**1, 73**
40. Смоленская	2, 22	2, 50	2, 72	2, 59	2, 15	**2, 44**
41. Таврическая	2, 00	1, 93	1, 97	1, 92	1, 31	**1, 83**
42. Тамбовская	1, 47	1, 49	1, 58	1, 54	1, 58	**1, 53**
43. Тверская	2, 29	2, 45	2, 77	2, 81	2, 53	**2, 57**
44. Тульская	2, 13	2, 27	2, 45	2, 29	2, 24	**2, 28**
45. Уфимская	1, 54	1, 86	2, 22	1, 96	1, 97	**1, 91**
46. Харьковская	1, 19	1, 18	1, 49	1, 47	1, 46	**1, 36**
47. Херсонская	1, 08	1, 15	1, 30	1, 26	1, 40	**1, 24**
48. Черниговская	1, 02	1, 14	1, 26	1, 27	1, 13	**1, 16**
49. Эстляндская	2, 07	1, 66	2, 16	2, 26	2, 44	**2, 12**
50. Ярославская	2, 31	2, 42	2, 66	2, 48	2, 55	**2, 48**
Среднее	1, 54	1, 59	1, 77	1, 72	1, 67	**1, 66**
Царство Польское						
51. Варшавская	0, 99	0, 88	0, 98	0, 99	0, 95	**0, 96**
52. Калишская	0, 99	0, 88	1, 03	1, 11	1, 17	**1, 04**
53. Келецкая	0, 75	0, 89	1, 10	1, 03	1, 07	**0, 97**
54. Ломжинская	0, 68	0, 62	0, 66	0, 71	0, 69	**0, 67**
55. Люблинская	0, 77	0, 74	0, 91	0, 88	1, 05	**0, 87**
56. Петроковская	0, 73	0, 63	0, 94	1, 23	1, 26	**0, 96**

57. Плоцкая	0, 74	0, 68	0, 81	0, 82	0, 86	**0, 78**
58. Радомская	0, 61	0, 63	0, 76	0, 82	0, 85	**0, 73**
59. Сувалкская	0, 80	0, 83	0, 99	0, 97	1, 16	**0, 95**
60. Седлецкая	0, 55	0, 52	0, 57	0, 54	0, 55	**0, 55**
Среднее	0, 84	0, 76	0, 90	1, 00	1, 02	**0, 90**
Кавказ						
61. Дагестанская	1, 16	1, 19	1, 35	1, 14	1, 02	**1, 17**
62. Кубанская	1, 29	1, 30	1, 40	1, 27	1, 27	**1, 31**
63.Ставропольская	1, 05	1, 07	1, 19	1, 19	1, 12	**1, 12**
64. Терская	0, 92	0, 97	1, 11	1, 06	0, 92	**1, 00**
65. Черноморская	2, 25	2, 05	2, 46	2, 38	2, 62	**2, 35**
Среднее	1, 19	1, 20	1, 33	1, 24	1, 18	**1, 23**
Сибирь						
66. Енисейская	–	2, 92	3, 31	2, 87	2, 88	**3, 00**
67. Забайкальская	–	6, 48	7, 25	4, 48	3, 56	**5, 44**
68. Иркутская	–	4, 99	5, 42	4, 44	3, 99	**4, 71**
69. Тобольская	1, 95	2, 22	2, 44	2, 24	2, 19	**2, 21**
70. Томская	1, 61	1, 89	2, 02	1, 66	1, 72	**1, 78**
71. Якутская	–	4, 87	5, 12	5, 02	5, 04	**5, 01**
Среднее	1, 74	3, 18	3, 38	2, 64	2, 51	**2, 69**
Средняя Азия						
72. Акмолинская	1, 40	2, 06	2, 17	1, 91	2 02	**1, 91**
73.Семипалатинск.	0, 92	0, 82	0, 92	0, 99	1, 16	**0, 96**
74. Тургайская	1, 26	1, 21	1, 57	1, 45	1, 87	**1, 47**
75. Уральская	0, 86	0, 98	1, 03	1, 02	0, 91	**0, 96**
Среднее	1, 12	1, 37	1, 48	1, 39	1, 49	**1, 37**
Среднее по империи	**1, 43**	**1, 50**	**1, 68**	**1, 62**	**1, 59**	**1, 56**

* Золотарев А.М. Потребление вина в России в 1904-1909 годах // Ежегодник России. 1909 год. СПб., 1910. С. CVII-CVIII.

Таблица 4

Душевое потребление алкогольных напитков в городах Российской империи (в рублях)*

Губернии и области	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.	Среднее за 5 лет
Европейская Россия						
1. Архангельская	21, 85	23, 90	25, 52	29, 25	31, 43	**26, 39**
2. Астраханская	11, 01	11, 99	13, 02	13, 66	13, 32	**12, 60**
3. Бессарабская	4, 39	4, 28	4, 72	5, 21	5, 36	**4, 79**
4. Виленская	7, 91	8, 86	9, 55	8, 78	9, 02	**8, 82**
5. Витебская	6, 72	7, 91	8, 23	7, 87	8, 11	**7, 77**
6. Владимирская	16, 73	16, 24	21, 23	20, 43	19, 83	**18, 89**
7. Вологодская	14, 52	16, 89	18, 78	20, 63	19, 95	**18, 15**
8. Волынская	7, 02	7, 11	8, 32	7, 80	7, 31	**7, 51**
9. Воронежская	9, 69	9, 92	10, 67	10, 49	10, 56	**10, 27**
10. Вятская	18, 84	22, 12	26, 01	22, 39	25, 33	**22, 94**
11. Гродненская	5, 89	6, 26	7, 17	6, 07	5, 86	**6, 25**
12.Дон.войска обл.	13, 74	14, 33	15, 06	14, 78	15, 24	**14, 63**
13. Екатеринослав.	11, 12	13, 30	14, 92	13, 31	13, 42	**13, 21**
14. Казанская	12, 47	14, 20	14, 65	14, 15	14, 29	**13, 95**
15. Калужская	16, 17	17, 70	21, 61	19, 18	18, 50	**18, 63**
16. Киевская	9, 86	10, 71	11, 40	11, 08	10, 41	**10, 69**
17. Ковенская	4, 88	5, 14	6, 29	6, 13	6, 27	**5, 74**
18. Костромская	18, 69	19, 34	21, 80	21, 06	25, 65	**21, 31**
19. Курляндская	11, 27	12, 09	13, 32	13, 27	15, 41	**13, 07**
20. Курская	10, 15	10, 98	11, 70	11, 57	11, 52	**11, 18**
21. Лифляндская	11, 92	12, 17	13, 97	13, 75	13, 74	**13, 11**
22. Минская	6, 76	7, 33	7, 84	7, 66	7, 87	**7, 49**
23. Могилевская	8, 10	8, 88	9, 55	9, 37	9, 09	**9, 00**
24. Московская	17, 43	17, 63	20, 18	19, 97	19, 30	**18, 90**
25.Нижегородская	17, 62	19, 07	20, 80	19, 50	19, 61	**19, 32**
26. Новгородская	16, 20	17, 75	19, 47	20, 32	20, 99	**18, 95**

27. Олонецкая	12, 70	14, 03	16, 15	15, 45	14, 57	**14, 58**
28. Оренбургская	9, 03	10, 98	13, 23	11, 40	12, 21	**11, 37**
29. Орловская	11, 88	13, 27	13, 97	13, 33	12, 83	**13, 06**
30. Пензенская	9, 33	11, 58	13, 88	13, 92	14, 31	**12, 60**
31. Пермская	13, 39	16, 00	18, 66	16, 07	17, 14	**16, 25**
32. Подольская	5, 18	5, 27	7, 20	7, 56	9, 10	**7, 86**
33. Полтавская	9, 07	9, 78	10, 83	10, 20	10, 23	**10, 02**
34. Псковская	15, 23	16, 33	17, 49	17, 06	17, 46	**16, 71**
35. Рязанская	11, 65	12, 49	13, 74	12, 79	13, 64	**12, 86**
36. Самарская	12, 86	16, 12	19, 09	16, 69	16, 78	**16, 31**
37. СПб.	15, 14	16, 05	16, 41	16, 41	14, 34	**15, 67**
38. Саратовская	12, 40	13, 12	13, 66	13, 41	13, 49	**13, 22**
39. Симбирская	11, 89	14, 04	13, 84	14, 76	14, 47	**13, 80**
40. Смоленская	17, 22	20, 09	21, 86	20, 81	17, 46	**19, 49**
41. Таврическая	15, 61	15, 57	15, 93	15, 44	10, 66	**14, 64**
42. Тамбовская	11, 34	11, 96	12, 70	12, 32	12, 82	**12, 23**
43. Тверская	17, 74	19, 79	22, 28	22, 60	20, 57	**20, 60**
44. Тульская	16, 42	18, 23	19, 68	18, 37	18, 19	**18, 18**
45. Уфимская	11, 94	15, 00	17, 82	15, 72	16, 04	**15, 30**
46. Харьковская	9, 27	9, 59	12, 02	11, 85	11, 87	**10, 92**
47. Херсонская	8, 39	9, 27	10, 43	10, 11	11, 38	**9, 92**
48. Черниговская	7, 90	8, 11	10, 12	10, 18	9, 16	**9, 09**
49. Эстляндская	15, 90	13, 36	17, 33	18, 11	19, 77	**16, 89**
50. Ярославская	17, 99	19, 64	21, 42	19, 95	20, 75	**19, 95**
Среднее	11, 95	12, 91	14, 35	13, 93	13, 54	**13, 34**
Царство Польское						
51. Варшавская	7, 63	7, 17	7, 97	8, 01	7, 72	**7, 70**
52. Калишская	7, 66	7, 19	8, 36	8, 98	9, 54	**8, 35**
53. Келецкая	5, 82	7, 29	8, 92	8, 35	8, 76	**7, 83**
54. Ломжинская	5, 24	5, 06	5, 40	5, 74	5, 66	**5, 42**
55. Люблинская	5, 97	6, 04	7, 43	7, 19	8, 59	**7, 04**
56. Петроковская	5, 61	5, 12	7, 62	9, 95	10, 27	**7, 71**

57. Плоцкая	5, 75	5, 59	6, 61	6, 66	7, 07	**6, 34**
58. Радомская	4, 74	5, 12	6, 18	6, 66	6, 96	**5, 93**
59. Сувалкская	6, 21	6, 72	8, 03	7, 85	9, 52	**7, 67**
60. Седлецкая	4, 26	4, 28	4, 61	4, 40	4, 47	**4, 40**
Среднее	6, 56	6, 23	7, 38	8, 15	8, 31	**7, 33**
Кавказ						
61. Дагестанская	8, 93	9, 57	10, 85	9, 15	8, 29	**9, 36**
62. Кубанская	10, 04	10, 46	11, 26	10, 23	10, 33	**10, 46**
63.Ставропольская	8, 10	8, 57	9, 55	9, 53	9, 11	**8, 97**
64. Терская	7, 15	7, 83	8, 90	8, 49	7, 49	**7, 97**
65. Черноморская	17, 48	16, 55	19, 86	19, 16	21, 31	**18, 87**
Среднее	9, 13	9, 64	10, 68	9, 94	9, 59	**9, 80**
Сибирь						
66. Енисейская	–	26, 49	29, 95	25, 99	26, 21	**27, 16**
67. Забайкальская	–	58, 41	67, 33	42, 34	33, 60	**50, 42**
68. Иркутская	–	45, 63	50, 04	41, 08	38, 05	**43, 70**
69. Тобольская	17, 28	20, 10	22, 10	20, 39	19, 96	**19, 97**
70. Томская	14, 33	17, 12	18, 30	15, 04	15, 65	**16, 09**
71. Якутская	–	52, 61	55, 32	55, 12	48, 07	**52, 78**
Среднее	15, 35	28, 97	30, 83	24, 13	23, 09	**24, 47**
Средняя Азия						
72. Акмолинская	12, 50	18, 70	19, 69	17, 44	18, 41	**17, 35**
73.Семипалатинск.	8, 18	7, 49	8, 36	8, 99	10, 55	**8, 71**
74. Тургайская	9, 69	9, 75	12, 60	11, 74	15, 22	**11, 80**
75. Уральская	6, 67	7, 94	8, 32	8, 18	7, 41	**7, 70**
Среднее	9, 44	11, 92	12, 91	12, 11	13, 13	**11, 90**
Среднее по империи	**11, 03**	**12, 29**	**13, 74**	**13, 24**	**13, 04**	**12, 67**

* Золотарев А.М. Потребление вина в России в 1904-1909 годах // Ежегодник России. 1909 год. СПб., 1910. С. CXIII-CXIV.

Таблица 5

Душевое потребление алкогольных напитков в уездах Российской империи (в ведрах в 40 градусов)*

Губернии и области	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.	Среднее за 5 лет
Европейская Россия						
1. Архангельская	0, 41	0, 37	0, 43	0, 49	0, 48	**0, 44**
2. Астраханская	0, 42	0, 45	0, 45	0, 48	0, 49	**0, 46**
3. Бессарабская	0, 40	0, 35	0, 40	0, 49	0, 47	**0, 42**
4. Виленская	0, 20	0, 20	0, 24	0, 24	0, 23	**0, 22**
5. Витебская	0, 21	0, 21	0, 27	0, 27	0, 26	**0, 24**
6. Владимирская	0, 39	0, 41	0, 50	0, 50	0, 48	**0, 46**
7. Вологодская	0, 27	0, 26	0, 35	0, 37	0, 36	**0, 32**
8. Волынская	0, 37	0, 36	0, 43	0, 39	0, 43	**0, 38**
9. Воронежская	0, 47	0, 46	0, 47	0, 50	0, 50	**0, 48**
10. Вятская	0, 24	0, 26	0, 34	0, 34	0, 32	**0, 30**
11. Гродненская	0, 25	0, 23	0, 31	0, 31	0, 27	**0, 27**
12.Дон.войска обл.	0, 60	0, 61	0, 57	0, 60	0, 62	**0, 60**
13. Екатеринослав.	0, 74	0, 80	0, 86	0, 89	0, 88	**0, 83**
14. Казанская	0, 25	0, 29	0, 32	0, 33	0, 33	**0, 30**
15. Калужская	0, 44	0, 45	0, 52	0, 49	0, 44	**0, 47**
16. Киевская	0, 50	0, 54	0, 64	0, 60	0, 49	**0, 55**
17. Ковенская	0, 24	0, 22	0, 27	0, 27	0, 26	**0, 25**
18. Костромская	0, 46	0, 45	0, 51	0, 53	0, 48	**0, 49**
19. Курляндская	0, 22	0, 19	0, 21	0, 23	0, 13	**0, 20**
20. Курская	0, 48	0, 51	0, 58	0, 61	0, 54	**0, 54**
21. Лифляндская	0, 27	0, 25	0, 27	0, 31	0, 31	**0, 28**
22. Минская	0, 31	0, 30	0, 36	0, 34	0, 33	**0, 33**
23. Могилевская	0, 29	0, 30	0, 36	0, 35	0, 31	**0, 32**
24. Московская	0, 78	0, 81	0, 91	0, 93	0, 85	**0, 86**
25.Нижегородская	0, 46	0, 51	0, 54	0, 55	0, 53	**0, 52**
26. Новгородская	0, 34	0, 33	0, 39	0, 40	0, 38	**0, 37**

27. Олонецкая	0, 22	0, 21	0, 28	0, 31	0, 33	**0, 27**
28. Оренбургская	0, 54	0, 60	0, 65	0, 62	0, 64	**0, 61**
29. Орловская	0, 44	0, 45	0, 55	0, 55	0, 51	**0, 60**
30. Пензенская	0, 40	0, 47	0, 50	0, 52	0, 54	**0, 49**
31. Пермская	0, 49	0, 53	0, 64	0, 64	0, 56	**0, 57**
32. Подольская	0, 51	0, 50	0, 59	0, 60	0, 48	**0, 54**
33. Полтавская	0, 36	0, 39	0, 44	0, 43	0, 39	**0, 40**
34. Псковская	0, 27	0, 27	0, 34	0, 34	0, 34	**0, 31**
35. Рязанская	0, 46	0, 45	0, 56	0, 56	0, 57	**0, 52**
36. Самарская	0, 46	0, 50	0, 42	0, 44	0, 47	**0, 46**
37. СПб.	0, 75	0, 68	0, 68	0, 72	0, 71	**0, 71**
38. Саратовская	0, 48	0, 49	0, 50	0, 49	0, 47	**0, 49**
39. Симбирская	0, 35	0, 40	0, 44	0, 44	0, 44	**0, 41**
40. Смоленская	0, 44	0, 47	0, 57	0, 56	0, 47	**0, 50**
41. Таврическая	0, 54	0, 54	0, 54	0, 57	0, 56	**0, 55**
42. Тамбовская	0, 48	0, 50	0, 53	0, 54	0, 57	**0, 52**
43. Тверская	0, 41	0, 41	0, 47	0, 46	0, 39	**0, 43**
44. Тульская	0, 55	0, 51	0, 63	0, 66	0, 68	**0, 61**
45. Уфимская	0, 28	0, 39	0, 40	0, 35	0, 36	**0, 36**
46. Харьковская	0, 51	0, 56	0, 57	0, 56	0, 53	**0, 55**
47. Херсонская	0, 54	0, 46	0, 57	0, 63	0, 48	**0, 54**
48. Черниговская	0, 37	0, 37	0, 43	0, 42	0, 37	**0, 39**
49. Эстляндская	0, 24	0, 22	0, 23	0, 25	0, 27	**0, 24**
50. Ярославская	0, 45	0, 46	0, 53	0, 52	0, 48	**0, 49**
Среднее	0, 40	0, 44	0, 49	0, 49	0, 46	**0, 46**
Царство Польское						
51. Варшавская	0, 31	0, 29	0, 34	0, 36	0, 36	**0, 33**
52. Калишская	0, 28	0, 25	0, 32	0, 33	0, 34	**0, 30**
53. Келецкая	0, 17	0, 14	0, 16	0, 18	0, 18	**0, 17**
54. Ломжинская	0, 18	0, 16	0, 15	0, 19	0, 18	**0, 17**
55. Люблинская	0, 22	0, 21	0, 23	0, 23	0, 20	**0, 22**
56. Петроковская	0, 41	0, 37	0, 44	0, 40	0, 39	**0, 40**

57. Плоцкая	0, 11	0, 09	0, 12	0, 12	0, 13	**0, 11**
58. Радомская	0, 21	0, 18	0, 23	0, 23	0, 24	**0, 22**
59. Сувалкская	0, 15	0, 15	0, 18	0, 21	0, 30	**0, 20**
60. Седлецкая	0, 18	0, 16	0, 19	0, 18	0, 18	**0, 18**
Среднее	0, 24	0, 22	0, 26	0, 26	0, 26	**0, 25**
Кавказ						
61. Дагестанская	0, 2	0, 2	0, 2	0, 2	0, 1	**0, 2**
62. Кубанская	0, 67	0, 72	0, 80	0, 80	0, 73	**0, 76**
63.Ставропольская	0, 65	0, 63	0, 64	0, 70	0, 69	**0, 66**
64. Терская	0, 23	0, 21	0, 23	0, 24	0, 22	**0, 23**
65. Черноморская	0, 85	0, 70	0, 77	0, 71	0, 30	**0, 67**
Среднее	0, 50	0, 51	0, 56	0, 57	0, 58	**0, 54**
Сибирь						
66. Енисейская	–	0, 76	0, 85	0, 77	0, 86	**0, 81**
67. Забайкальская	–	0, 35	0, 35	0, 45	0, 47	**0, 41**
68. Иркутская	–	1, 42	1, 44	1, 20	1, 10	**1, 29**
69. Тобольская	0, 50	0, 54	0, 60	0, 60	0, 60	**0, 57**
70. Томская	0, 50	0, 58	0, 69	0, 77	0, 88	**0, 68**
71. Якутская	–	0, 08	0, 08	0, 08	0, 09	**0, 08**
Среднее	0, 50	0, 61	0, 68	0, 69	0, 73	**0, 64**
Средняя Азия						
72. Акмолинская	0, 18	0, 24	0, 35	0, 35	0, 47	**0, 32**
73.Семипалатинск.	0, 03	0, 04	0, 04	0, 04	0, 05	**0, 04**
74. Тургайская	0, 04	0, 04	0, 06	0, 08	0, 12	**0, 07**
75. Уральская	0, 12	0, 12	0, 12	0, 11	0, 11	**0, 12**
Среднее	0, 10	0, 11	0, 15	0, 15	0, 19	**0, 14**
Среднее по империи	**0, 41**	**0, 43**	**0, 48**	**0, 48**	**0, 46**	**0, 45**

* Золотарев А.М. Потребление вина в России в 1904-1909 годах // Ежегодник России. 1909 год. СПб., 1910. С. CIX-CX.

Таблица 6

Душевое потребление алкогольных напитков в уездах Российской империи (в рублях)*

Губернии и области	**1904 г.**	**1905 г.**	**1906 г.**	**1907 г.**	**1908 г.**	**Среднее за 5 лет**
Европейская Россия						
1. Архангельская	3, 13	2, 97	3, 49	3, 91	3, 90	**3, 48**
2. Астраханская	3, 24	3, 63	3, 64	3, 88	3, 98	**3, 67**
3. Бессарабская	3, 09	2, 79	3, 19	3, 95	3, 82	**3, 37**
4. Виленская	1, 53	1, 54	1, 93	1, 95	1, 87	**1, 76**
5. Витебская	1, 62	1, 68	2, 15	2, 18	2, 12	**1. 96**
6. Владимирская	3, 01	3, 29	4, 00	3, 98	3, 90	**3, 64**
7. Вологодская	2, 05	2, 11	2, 80	3, 00	2, 92	**2, 58**
8. Волынская	2, 80	2, 91	3, 43	3, 16	2, 76	**3, 01**
9. Воронежская	3, 56	3, 67	3, 76	3, 98	4, 06	**3, 81**
10. Вятская	1, 82	2, 10	2, 71	2, 72	2, 60	**2, 39**
11. Гродненская	1, 89	1, 88	2, 52	2, 51	2, 20	**2, 20**
12.Дон.войска обл.	4, 58	4, 91	4, 54	4, 77	5, 02	**4, 76**
13. Екатеринослав.	5, 65	6, 44	6, 88	7, 15	7. 16	**6, 66**
14. Казанская	1, 91	2, 31	2, 55	2, 67	2, 68	**2, 42**
15. Калужская	3, 34	3, 62	4, 20	3, 89	3, 57	**3, 72**
16. Киевская	3, 80	4, 31	5, 12	4, 81	3, 99	**4, 41**
17. Ковенская	1, 86	1, 76	2, 21	2, 20	2, 12	**2, 03**
18. Костромская	3, 48	3, 60	4, 12	4, 27	3, 90	**3, 87**
19. Курляндская	1, 67	1, 53	1, 66	1, 88	1, 06	**1, 56**
20. Курская	3, 64	4, 05	4, 63	4, 85	4, 38	**4, 31**
21. Лифляндская	2, 06	1, 98	2, 21	2, 48	2, 49	**2, 24**
22. Минская	2, 36	2, 41	2, 85	2, 73	2, 68	**2, 61**
23. Могилевская	2, 18	2, 38	2, 92	2, 78	2, 52	**2, 56**
24. Московская	6, 01	6, 53	7, 26	7, 43	6, 78	**6, 80**
25.Нижегородская	3, 52	4, 11	4, 36	4, 33	4, 31	**4, 13**
26. Новгородская	2, 59	2, 65	3, 16	3, 20	3, 09	**2, 94**

27. Олонецкая	1, 65	1, 69	2, 23	2, 52	2, 68	**2, 15**
28. Оренбургская	4, 10	4, 79	5, 19	4, 96	5, 21	**4, 65**
29. Орловская	3, 37	3, 61	4, 38	4, 42	4, 14	**3, 98**
30. Пензенская	3, 03	3, 73	4, 02	4, 13	4, 39	**3, 86**
31. Пермская	3, 77	4, 26	5, 17	5, 16	5, 55	**4, 58**
32. Подольская	3, 87	4, 02	4, 76	4, 80	3, 90	**4, 27**
33. Полтавская	2, 78	3, 11	3, 55	3, 46	3, 17	**3, 21**
34. Псковская	2, 04	2, 16	2, 73	2, 71	2, 70	**2, 48**
35. Рязанская	3, 52	3, 59	4, 46	4, 48	4, 63	**4, 14**
36. Самарская	3, 49	4, 00	3, 36	3, 51	3, 83	**3, 64**
37. СПб.	5, 78	5, 49	5, 44	5, 76	5, 75	**5, 64**
38. Саратовская	3, 63	3, 97	4, 00	3, 90	3, 82	**3, 88**
39. Симбирская	2, 66	3, 20	3, 51	3, 52	3, 58	**3, 29**
40. Смоленская	3, 39	3, 73	4, 57	4, 47	3, 83	**4, 00**
41. Таврическая	4, 12	4, 33	4, 30	4, 56	4, 56	**4, 37**
42. Тамбовская	3, 68	4, 02	4, 21	4, 35	4, 62	**4, 18**
43. Тверская	3, 14	3, 32	3, 80	3, 66	3, 17	**3, 42**
44. Тульская	4, 20	4, 08	5, 07	5, 31	5, 52	**4, 84**
45. Уфимская	2, 17	3, 17	3, 17	2, 81	2, 93	**2, 85**
46. Харьковская	3, 86	4, 49	4, 60	4, 51	4, 31	**4, 35**
47. Херсонская	4, 11	3, 70	4, 60	5, 08	3, 90	**4, 28**
48. Черниговская	2, 85	3, 05	3, 47	3, 36	3, 00	**3, 15**
49. Эстляндская	1, 86	1, 80	1, 83	2, 04	2, 19	**1, 94**
50. Ярославская	3, 46	3, 67	4, 22	4, 18	3, 91	**3, 89**
Среднее	3, 10	3, 57	3, 97	3, 97	3, 73	**3, 67**
Царство Польское						
51. Варшавская	2, 41	2, 33	2, 78	2, 92	2, 92	**2, 67**
52. Калишская	2, 17	2, 06	2, 56	2, 69	2, 77	**2, 45**
53. Келецкая	1, 27	1, 14	1, 32	1, 45	1, 47	**1, 33**
54. Ломжинская	1, 36	1, 32	1, 20	1, 55	1, 48	**1, 38**
55. Люблинская	1, 72	1, 69	1, 82	1, 85	1, 64	**1, 74**
56. Петроковская	3, 15	2, 98	3, 53	3, 23	3, 18	**3, 21**

57. Плоцкая	0, 82	0, 75	0, 95	1, 98	1, 07	**0, 91**
58. Радомская	1, 57	1, 46	1, 85	1, 89	1, 96	**1, 75**
59. Сувалкская	1, 16	1, 23	1, 44	1, 71	2, 46	**1, 60**
60. Седлецкая	1, 41	1, 31	1, 50	1, 47	1, 46	**1, 43**
Среднее	1, 87	1, 80	2, 13	2, 12	2, 12	**2, 01**
Кавказ						
61. Дагестанская	0, 15	0, 15	0, 16	0, 16	0, 08	**0, 14**
62. Кубанская	5, 12	5, 76	6, 40	5, 42	6, 75	**6, 09**
63.Ставропольская	4, 95	5, 09	5, 14	5, 64	5, 61	**5, 29**
64. Терская	1, 75	1, 68	1, 86	1, 91	1, 79	**1, 80**
65. Черноморская	6, 65	5, 67	6, 21	5, 75	5, 44	**5. 34**
Среднее	3, 84	4, 10	4, 50	4, 57	4, 72	**4, 35**
Сибирь						
66. Енисейская	–	6, 88	7, 63	6, 93	7, 83	**7, 32**
67. Забайкальская	–	3, 13	3, 29	4, 21	4, 44	**3, 77**
68. Иркутская	–	13, 31	13, 40	11, 19	10, 49	**12, 10**
69. Тобольская	4, 38	4, 85	5, 45	5, 44	5, 47	**5, 12**
70. Томская	4, 37	5, 27	6, 24	6, 92	6, 19	**5, 80**
71. Якутская	–	0, 83	0, 87	0, 85	0, 86	**0, 85**
Среднее	4, 37	5, 56	6, 20	6, 31	6, 72	**5, 83**
Средняя Азия						
72. Акмолинская	1, 58	2, 15	3, 16	3, 19	4, 28	**2, 87**
73.Семипалатинск.	0, 30	0, 32	0, 40	0, 37	0, 45	**0, 37**
74. Тургайская	0, 31	0, 33	0, 48	0, 62	0, 98	**0, 54**
75. Уральская	0, 93	0, 96	0, 93	0, 87	0, 90	**0, 92**
Среднее	0, 84	0, 96	1, 31	1, 31	1, 67	**1, 22**
Среднее по империи	**3, 16**	**3, 52**	**3, 93**	**3, 92**	**3, 77**	**3, 66**

* Золотарев А.М. Потребление вина в России в 1904-1909 годах // Ежегодник России. 1909 год. СПб., 1910. С. CXV-CXVI.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Иллюстрации*

РИС. 1

РИС. 2

РИС. 3

РИС. 4

РИС. 5

РИС. 6

РИС. 7

РИС. 8

Убійство жены.

РИС. 9

Возвращеніе пьяницы домой.

РИС. 10

Пьяница—арестантъ.

РИС. 11

Фабричные и заводскіе послѣ получки жалованья.

РИС. 12

РИС. 13

* Источник: http://fototelegraf.ru